

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

М. В. ТУРЧИНСКАЯ

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ
В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА**

Минск МГЛУ
2019

УДК (811.111+811.161.3)'37
ББК 81.432.1–3+81.411.3–3
Т89

Рекомендована Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 7 от 21.05.2019 г.

Рецензенты: академик НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор *А. А. Лукашанец* (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси); доктор филологических наук, профессор *З. А. Харитончик* (МГЛУ)

Турчинская, М. В.

Т89 Лексические парадигмы в английском и белорусском языках: структура, семантика и прагматика / М. В. Турчинская. – Минск : МГЛУ, 2019. – 120 с.
ISBN 978-985-460-925-6

Монография содержит результаты сопоставительного исследования лексических парадигм по признаку пола в системе наименований живых существ английского и белорусского языков. Определяются способы формирования лексических парадигм по признаку пола, присущий им состав на фоне всей категории наименований живых существ, а также структурно-семантические и прагматические характеристики их конститuentов в современном английском и белорусском языках.

Предназначена для специалистов, работающих в области лексической семантики, прагматики, словообразования и сопоставительного языкознания, а также магистрантов и аспирантов филологических специальностей.

УДК (811.111+811.161.3)'37
ББК 81.432.1–3+81.411.3–3

ISBN 978-985-460-925-6

© Турчинская М. В., 2019
© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2019

ВВЕДЕНИЕ

Изучение лексической системы языка как организованной структуры, в которой каждая отдельная единица характеризуется наличием определенных связей с иными конститuentами системы, является актуальной и активно разрабатываемой проблемой в трудах как зарубежных, так и отечественных лингвистов. Из большого числа разных отношений, связывающих лексические единицы (формальных, стилистических, этимологических и т.д.), особый исследовательский интерес представляют отношения семантические. Многочисленные исследования семантических отношений в лексике языка способствовали более глубокому пониманию принципов организации словарного состава языка и способов упорядочения информации в ментальном лексиконе [134; 116; 46; 50; 144; 37; 228; 220; 195; 201; 233; 198; 123; 162 и др.].

Организация семантической информации в словаре, как отмечает Ч. Филлмор, базируется на разнообразных семантических отношениях, которые лежат в основе специфических типов структур в лексической системе: *контрастивных множеств* (отношения противоположности), *таксономий* (отношения господства), *партономий* (отношения «часть – целое»), *циклов* (циклические отношения), *цепей* (ранговые отношения), *сетей*, которые строятся на основе нескольких типов как базисных, элементарных, так и более сложных отношений (например, сеть терминов родства), и *фреймов* [191, с. 49; 201, л. 36], исследованию которых посвящено немалое количество работ [192; 29; 13; 117; 190; 17; 81; 8 и др.].

Одним из типов лексико-семантических структур, которому еще не было уделено должного исследовательского внимания, является *лексическая парадигма*, определяемая Ч. Филлмором как группа слов, «имеющих один общий признак и отличающихся признаками, каждый из которых различает более одной пары слов»¹ [226, р. 164]. Размышляя над сущностью данного типа структуры в лексической системе языка, Ч. Филлмор подчеркивает, что семантическое различие, например, между словами *wolf* и *fox*, не является парадигматическим, поскольку не является основой для различения никакой другой пары слов. В отличие от них, семантические отношения между единицами *man* и *woman* являются парадигматическими, так как их семантическое различие участвует в различении таких слов, как *boy* и *girl*, *actor* и *actress*, и многих других [191, с. 47–48].

В широком смысле в лингвистике парадигму формирует «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего – совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями» [102, с. 366]. Становится оче-

¹ «having one feature in common and distinguished from each other by features that each discriminate more than one pair of words» [226, р. 164].

видным, что в основе лексической парадигмы, согласно Ч. Филлмору, как и в иных типах классических парадигм, лежат характеристики сходства / общности и противопоставления. Так, под морфологической парадигмой понимается «множество словоформ с одинаковым лексическим значением (с общей основой) и разными грамматическими значениями (с разными флексиями)» [147, с. 21; см. также 127, с. 339; 74, с. 30]. Аналогичные характеристики свойственны и словообразовательной парадигме, которая представляет собой совокупность разных словообразовательных элементов, присоединяемых к одной и той же производящей базе или классу производящих баз [101; 194, с. 112]. Это согласуется с традиционным пониманием парадигмы как любой совокупности единиц, связанных парадигматическими (т.е. системными) отношениями² на основании общности или сходства их некоторых свойств [107, с. 285]. Тем не менее по сравнению с указанными выше классическими парадигмами отличительной особенностью лексических парадигм в трактовке Ч. Филлмора является то, что в действительности они представляют собой семантические противопоставления, члены которых различаются только одним признаком и совпадают по всем остальным [201, л. 35], например, *man* – *an adult human male* ‘мужчина – взрослый человек мужского пола’, *woman* – *an adult human female* ‘взрослый человек женского пола’. Таким образом, лексическая парадигма представляет собой особый способ организации семантической информации, обладающий отличительными характеристиками и формирующий отдельный тип языковой парадигмы, как любой совокупности единиц, связанных системными отношениями.

В качестве примера лексической парадигмы Ч. Филлмор приводит парадигмы с наименованиями домашних животных, в которых используются такие различительные признаки, как ‘мужской’ / ‘женский’ / ‘нейтральный’ и ‘взрослый’ / ‘молодой’ / ‘детеныш’. Однако, как отмечает ученый, эти парадигмы в английском языке не полны, поскольку не существует английского слова со значением ‘молодая овца’, соответствующего таким словам, как *heifer* ‘телка’, *filly* ‘молодая кобыла’ и *gilt* ‘молодая свинья’. Более того, данные парадигмы, как отмечает автор, нельзя считать и особенно активными, поскольку многие носители английского языка не знают таких слов, как *wether* ‘кастрированный баран’, *barrow* ‘боров’, *whelp* ‘щенок’ или *tup* ‘баран’ [191, с. 48]. Парадигмы, состоящие из большого количества слов, встречаются в языке очень редко, особенно в области общеупотребительной лексики [191].

В нашей работе под термином *лексическая парадигма* понимается специфическая структура, которая может вычленяться внутри более крупного семантического объединения и связывает лексические единицы, идентичные по набору семантических признаков и различные по одному признаку. С этим пониманием лексической парадигмы связаны и ограничения лексических

² Данный тип отношений в языке еще ранее был описан Ф. де Соссюром как ассоциативный [173].

единиц, вводимые в нашем материале относительно тех единиц, которые образуют лексические парадигмы. Нельзя не признать правоту ученых, которые видят в системах белорусского, русского, английского и других языков парадигматическую связанность единиц типа *мужчина – человек – женщина*, в которой *человек* выступает гиперонимом по отношению к оппозиции *мужчина – женщина*, или отмечают парадигматическую соотнесенность в системе наименований живых существ противопоставлений *говядо – бык – корова*, где *говядо* является также общим именем по отношению к *бык – корова*. Будучи, несомненно, парадигматически связанными, в частности гиперо-гипонимическими отношениями, данные слова, образуя триаду, не формируют лексическую парадигму в определении Ч. Филлмора. Очень часто за кажущимся биномом скрывается триада *волк1: волк2 – волчица, тигр1: тигр2 – тигрица* и др. Проблематична и трактовка как лексических парадигм противопоставлений по признаку *возраст*. Данные объединения при более тщательном их рассмотрении оказываются не чистыми лексическими парадигмами, а градуальными объединениями, в которых приведенные примеры являются полярными точками градуальной шкалы возраста: *ребенок / дитя – подросток – юноша – мужчина – старик* и др., *baby – newborn – infant – toddler – child – teenager – youth – adult* и др. Подобно лексическим парадигмам, исследуемым в нашей работе, данные гиперо-гипонимические и градуальные структуры также требуют дальнейшего изучения как специфические комплексные лексические группы.

Наиболее многочисленными и репрезентативными являются лексические парадигмы, в которых конститuentы различаются по семантическому признаку ‘мужской’ / ‘женский’ (например, *ram – ewe* ‘баран – овца’, *king – queen* ‘король – королева’, *мядзведзь – мядзведзіца, хлопчык – дзяўчынка* и т.д.)³. Репрезентативность данного типа лексических парадигм не является случайной, поскольку классификация живых существ по половому признаку в той или иной степени присуща всем языкам в силу естественной значимости половой дифференциации в природе. Рассуждая о проблеме репрезентации половых характеристик в языке, М. А. Кронгауз отмечает, что «носители разных языков в принципе одинаково различают два типа существ – женского и мужского пола», что так или иначе отражается во всех естественных языках и позволяет говорить об универсальном характере семантической категории пола [94, с. 510–511; 95, с. 275]. Семантическая категория пола, или *sexus*, репрезентирует информацию о биологическом поле денотата. Например, значения таких слов, как *daughter* ‘дочь’, *actress* ‘актриса’, *ewe* ‘овца’, помимо иных признаков, заключают в себе информа-

³ Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, понятие *парадигма* может быть использовано как в широком, так и в более узком смысле [102, с. 366]. В нашем исследовании лексическая парадигма используется как для обозначения не только пар конкретных семантических противопоставлений по признаку пола (например, англ. *cock – hen* ‘петух – курица’, бел. *бык – карова*), но и всей совокупности пар семантических противопоставлений данного типа в исследуемых лексических системах.

цию о женском биологическом поле обозначаемой сущности, в то время как значения слов *father* 'отец', *boy* 'мальчик', *bull* 'бык' указывают на мужской биологический пол денотата. Согласно Л. Талми, данная универсалия может быть названа *other-directed* 'иноподнаправленной' (или *импликационной* в терминологии Дж. Гринберга [55, с. 36]), так как «наличие одного признака обуславливает существование в языке определенного иного»⁴ [262]. Иными словами, существование семантического признака 'мужской' подразумевает наличие противоположного ему 'женского' признака, и, если в языке имеется слово *мужчина*, обозначающее 'лицо, противоположное женщине по полу', в данном языке будет существовать и лексическая единица со значением 'лицо, противоположное мужчине по полу'.

Таким образом, естественное в природе различие живых существ по половому признаку с необходимостью находит отражение и в языке. Возникает вопрос: насколько и при помощи каких способов половые характеристики фиксируются в лексической системе разных языков мира? Особый интерес данная проблема представляет с позиций сопоставительно-типологического анализа, позволяющего выявить, каким образом универсальная семантическая категория пола (коррелирующая с соответствующей естественной категорией) репрезентируется в разных языках.

Нельзя сказать, что ученые обходили данный вопрос в исследованиях языковых явлений. Проблема выражения половых характеристик в языке привлекала внимание ученых еще задолго до возникновения феминистской и гендерной полемики в языкознании. Языковые явления данного типа традиционно рассматривались в славистике как грамматические [152; 21; 227; 155; 206; 156; 154; 73; 202; 42; 87; 23; 256; 24; 213; 185; 170; 214; 203; 61; 146; 257 и др.]. Особенно ярко изучение половых характеристик представлено в описаниях наименований живых существ противоположного пола в русле словообразовательных и семантических исследований [207; 32; 94; 2; 145; 95; 112; 165; 96; 97; 161; 131; 36 и др.], в том числе и с позиций диахронического изучения полообозначения в языке [58; 141; 59; 63; 138]. Однако цели данных исследований заключались в изучении семантической, словообразовательной и морфемной структур, мотивированности, грамматической оформленности, стилистической и прочей специфики тех или иных классов наименований живых существ противоположных полов и не затрагивали проблему существования внутри данной категории специфических объединений лексических единиц, которые формируют лексические парадигмы по признаку пола и характеризуются наличием специфических свойств и характеристик. Отсутствие в лингвистических исследованиях описания лексических парадигм по признаку пола как особого способа организации семантической информации в языке ставит перед лингвистами актуальную задачу установить состав единиц, формирующих исследуемые лексические парадигмы, и определить специфические структурные, семантические, прагматические, деривационные и частотные свойства их конститuentов.

⁴ «...the presence of one feature in a language licenses the presence of a certain different feature» [262].

Изучаемая проблематика тесно связана с вопросами лингвистической гендерологии, возникновение которой во второй половине XX века ознаменовало новый виток интереса к проблеме выражения половых характеристик в языке и вызвало необходимость рассмотрения данного вопроса в тесной связи не столько со структурными особенностями языка, сколько с социокультурными факторами и когнитивными явлениями, сопряженными с полообозначением в языке. Знаковой в этом аспекте стала работа Р. Лакофф, постулирующая андроцентричность языка и ущербность женщины в языковой картине мира [240]. Появление данного исследования повлекло целый ряд идейно схожих работ [см. 264; 259; 251], что привело к оформлению нового направления в науке о языке – феминистской лингвистики.

Современные «постфеминистские» гендерные исследования затрагивают широкий круг проблем и отличаются не только методологией и характером исследуемого материала, но и многообразием идей, лежащих в их основе [85; 229]. Несмотря на то, что исследования, направленные на изучение особенностей речевого поведения мужчин и женщин, преобладают как на постсоветском пространстве, так и за рубежом [98; 34; 4; 263; 68; 75; 238; 53; 122; 168; 119; 18; 164; 78; 250; 258; 210; 56 и др.], сегодня в фокусе гендерных исследований оказываются и некоторые аспекты номинативной системы языка, в частности выявление репрезентации гендера в языке на базе лексикографических [91; 44; 33; 126] и корпусных исследований [232; 211; 212], а также в языковой картине мира фразеологии [121; 157; 142; 76; 65; 71]. Интерес исследователей был обращен к изучению зоометафоры [235; 236; 160; 243] и оценочной лексики, которая имеет гендерно-обусловленную коннотацию [60; 125; 124]; были установлены гендерные аспекты семантики лексических единиц [64] и выявлены особенности употребления существительных общего рода относительно наименований лиц разного пола [174].

Влияние когнитивной проблематики в современных лингвистических исследованиях нашло отражение в целом ряде работ, посвященных изучению концептов «мужчина» / «женщина» [19; 92; 79; 77; 200; 130; 35; 237; 80; 105; 114; 22; 5 и др.], в том числе в психолингвистическом русле [88; 120; 3], а также в исследованиях, направленных на поиск лексикосемантических и концептуальных универсалий, из которых выстраивается представление о людях противоположных полов в разных языках мира [230], и на изучение вербализации концептуального пространства «мужчина – женщина» [67].

Несмотря на интерес, проявленный отечественными и зарубежными учеными к исследованию репрезентации пола и гендера в языке, неосвещенным остается вопрос о специфике информации, актуализируемой в значениях лексических единиц, образующих противопоставления по семантическому признаку пола. Известно, что в процессе жизнедеятельности человек познает и осмысливает окружающую действительность, выделяя разнообразные свойства, присущие объектам и явлениям реального мира. В номинативной системе языка наиболее важные и существенные признаки выражаемых понятий находят отражение в денотативно-сигнификативном компоненте слова. Вместе с тем современные когнитивные исследования указывают на

то, что слова способны пробуждать и вызывать сложнейшие концептуализации, являясь своего рода точками доступа “*points of access*” (термин Р. Лангакера) ко всей совокупности знаний, касающихся какой-то конкретной концептуальной сущности [225, p. 17]. В свете данного подхода особый исследовательский интерес представляет изучение того, что из широкого круга знаний о присущих представителям разных полов свойствах может актуализироваться в значениях конститuentов исследуемых лексических парадигм в разных языковых картинах мира.

Таким образом, проводимое исследование направлено на дальнейшую разработку одного из центральных вопросов современной когнитивной лингвистики о соотношении семантической и прагматической составляющей в рамках значения слова. Наблюдения над многочисленными фактами языка указывают на то, что в значениях лексических единиц репрезентируются элементы широкого спектра знаний о свойственных обозначаемым сущностям характеристиках. Например, в таких высказываниях, как *Be a man now!* ‘Будь мужчиной!’ или *Don’t behave like a woman!* ‘Не веди себя как женщина!’ [BNC], посредством слов *man / woman* говорящий апеллирует к определенным типам знаний о свойствах и качествах, присущих денотатам данных лексических единиц. Основной акцент проводимого исследования ставится на изучении не только наиболее существенных признаков, закрепленных в денотативно-сигнификативном значении исследуемых наименований, но и компонентов значения, которые не имеют лексико-семантического выражения в лексикографических (словарных) дефинициях и актуализируются лишь в контекстуальном употреблении лексических единиц и в семантике их дериватов. Можно предположить, что значения лексических единиц *man / woman* ‘мужчина / женщина’ в английском языке и *мужчына / жанчына* в белорусском не ограничиваются такими семантическими компонентами, как ‘взрослый’ ‘человек’ ‘мужского / женского пола’, но включают и ряд иных социально-прагматических компонентов, которые репрезентируют различные грани знания о маскулинности / фемининности в этих языковых сообществах. Отличительной особенностью данного исследования является установление признаков в значениях, присущих как наименованиям лиц противоположных полов, так и особей животного мира в свете оппозиции ‘мужской / женский’. Гипотеза исследования заключается в том, что лексические парадигмы по признаку пола формируются центральными членами категории живых существ и базируются на отношениях противопоставления их конститuentов не по одному ядерному признаку (например, семантический признак пола ‘мужской’ / ‘женский’), но и по целому ряду сопряженных с ядерным признаком характеристик, которые носят системный характер и присущи разным членам данной категории.

Низкая степень разработанности указанной проблематики в русле сравнительно-сопоставительных исследований [85, с. 57, 98; 249, p. 6] определила целесообразность проведения контрастивного изучения специфики репрезентации анализируемой категории в белорусском и английском языках.

Выявление специфических свойств конstituентов лексических парадигм по признаку пола на материале разноструктурных английского и белорусского языков позволит определить релевантность и особенности исследуемой семантической категории для различных классов живых существ, выделить корпус специфических и общих средств, с помощью которых на фоне сопоставляемых языков манифестируется разграничение особей противоположного пола, и даст возможность более глубоко изучить проблему соотношения языка и культуры. Корпус исследуемого материала охватывает всю категорию живых существ (наименования лиц, млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и т.д.), что позволяет установить значимость семантической категории пола для наименований разных типов живых существ и описать присущие им способы фиксации полового признака. Особого внимания заслуживает то, что данные типы характеристик в семантике полomarкированных наименований живых существ в белорусском языке в сопоставлении с английским не были предметом специального рассмотрения.

Актуальность проводимого исследования усиливается еще и тем, что его проблематика тесно связана с разграничением понятий *пол*, или *sexus*, репрезентирующих *биологические признаки* денотата (мужской / женский) [265; 94; 95], и понятия *гендер*, призванного подчеркнуть не природную, а *социокультурную* причину межполовых различий (маскулинности / фемининности) [86, с. 8], а также *рода* как особой *грамматической категории*, свойственной различным частям речи (например, мужской / женский / средний). Исследуемые лексические парадигмы базируются на противопоставлении их конstituентов по признаку *пола*, однако специфика реализации данных структур в исследуемых языках и их релевантность для разных классов живых существ сопряжены также с социокультурными представлениями о *гендерных* характеристиках в сопоставляемых языковых сообществах и особенностями грамматической категории *рода* в английском и белорусском языках на современном этапе. Полученные результаты сопоставительного анализа могут быть использованы в качестве теоретической основы дальнейшего типологического исследования белорусского и английского языков, а также сопоставления иных семантических категорий других языков мира.

Изучение структурно-семантической и прагматической специфики лексических парадигм в английском и белорусском языках поможет глубже осмыслить природу данного типа организации семантической информации, своеобразие которого предопределено, с одной стороны, общностью мира и мыслительных процессов, а с другой – переплетением универсального и идиоэтнического в содержании его конstituентов и способах их репрезентации в анализируемых языках. Сопоставительное изучение исследуемых лексических парадигм с учетом всего объема вербализируемых в значениях их членов информации станет еще одним шагом на пути изучения структур, лежащих в основе организации и хранения знания об объектах окружающей действительности в языке.

Глава 1

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Основная задача, решаемая в рамках данной главы, заключается в выделении лексических парадигм по признаку пола в системе номинаций живых существ английского и белорусского языков, установлении семантических классов наименований, для которых противопоставление по семантическому признаку пола является релевантным, и классов номинаций, которые не охватываются семантической категорией пола в сопоставляемых языках. В этой главе также предполагается решение таких задач, как выявление способов, на базе которых происходит формирование лексических парадигм по признаку пола, и установление деривационных и частотных характеристик конститuentов исследуемых лексических парадигм в английском и белорусском языках.

1.1. Материал исследования и методика его отбора

1.1.1. Наименования живых существ в английском и белорусском языках

Материал проводимого исследования составляют наименования живых существ в английском и белорусском языках. В качестве источников отбора материала были использованы Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы [275] и Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary [279]. Выбор этих лексикографических изданий обусловлен тем, что они содержат актуальные данные о состоянии исследуемых языков и сопоставимы по количеству содержащихся лексических единиц. Избранные издания включают основную, общеупотребительную лексику интересующих нас языков и не содержат терминологические, диалектные и жаргонные лексические единицы.

Методом сплошной выборки с помощью анализа дефиниций указанных выше лексикографических источников было выделено 4 106 наименований живых существ в английском и 5 661 наименование в белорусском языке. Полученные данные свидетельствуют о том, что система наименований живых существ разнородна как в английском, так и в белорусском языке (табл. 1.1)⁵.

⁵ В нашем исследовании мы воспользовались классификацией наименований живых существ, представленной в Русском семантическом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой [274], которая была модифицирована с учетом специфики исследуемого эмпирического материала.

Таблица 1.1

Система наименований живых существ в английском и белорусском языках

Семантические классы наименований живых существ	Английский язык (ЛЕ)	Белорусский язык (ЛЕ)
Наименования лиц	3 585 (87,3 %)	5 084 (89,81 %)
Наименования млекопитающих	241 (5,9 %)	279 (4,93 %)
Наименования птиц	106 (2,6 %)	127 (2,24 %)
Наименования рыб / земноводных / пресмыкающихся	80 (1,9 %)	93 (1,64 %)
Наименования насекомых / паукообразных / ракообразных / др. членистоногих	56 (1,4 %)	59 (1,04 %)
Наименования низших животных	38 (0,9 %)	19 (0,34 %)
Итого	4 106 (100 %)	5 661 (100 %)

Полученные данные позволили установить, что, несмотря на количественную разницу в системе наименований живых существ английского (4 106 ЛЕ) и белорусского (5 661 ЛЕ) языков, соотношение семантических классов в рамках всей системы исследуемых наименований сопоставляемых языков является весьма близким. Наименования лиц формируют самую большую группу номинаций в исследуемой системе английского и белорусского языков: 87,3 % в английском (*bride* ‘невеста’, *driver* ‘водитель’ и т.д.) и 89,81 % в белорусском языке (*вадалаз*, *неплацельшчыца* и т.д.)⁶. Тем не менее, как свидетельствуют полученные данные, количество наименований лиц в английском языке существенно меньше по сравнению с аналогичным классом лексических единиц в белорусском: 3 585 ЛЕ в английском языке и 5 084 ЛЕ в белорусском. Такая количественная разница обусловлена наличием в белорусском языке существенного числа женских наименований, являющихся противопоставлениями по признаку пола к мужским наименованиям. В силу структурно-типологических особенностей в данных случаях современный английский язык располагает только полонейтральными эквивалентами (например, эквивалентом белорусских единиц *настаўнік* – *настаўніца* в английском языке является слово *teacher* ‘учитель’).

Примерно одну восьмую от общего количества наименований живых существ в английском языке и одну девятую в белорусском составляют такие классы номинаций, как наименования млекопитающих (*elephant* ‘слон’, *завёрка* и т.д.), птиц (*swan* ‘лебедзь’, *дзяцел* и т.д.), рыб / земноводных / пресмыкающихся (*cod* ‘треска’, *frog* ‘лягушка’, *яшчарка* (*яшчарыца*), *мядзянка* и т.д.), насекомых / паукообразных / ракообразных / других членистоногих (*wasp* ‘оса’, *tarantula* ‘тарантул’, *клевшч*, *рак* и т.д.), а также наименования низших животных (*worm* ‘червь’, *jellyfish* ‘медуза’, *салицёр*,

⁶ Семантическая классификация наименований лиц в английском и белорусском языках приводится в последующих разделах данной главы.

смоўж и т.д.). Процентное распределение данных классов лексических единиц коррелирует относительно всей системы наименований живых существ сопоставляемых языков. Однако количество данных номинаций в белорусском языке больше, чем в английском, что обусловлено специфическими особенностями исследуемой системы номинаций в английском и белорусском языках. В системе наименований живых существ в белорусском языке выделяется подгруппа номинаций детенышей животных, которая численно превосходит аналогичную подгруппу номинаций английского языка: 14 ЛЕ в английском (*gosling* ‘гусенок’, *kitten* ‘котенок’, *piglet* ‘поросенок’ и др.), 66 ЛЕ в белорусском (*бабраня(ё)*, *вужаня(ё)*, *зубраня(ё)*, *рачаня(ё)*, *сусяня(ё)*, *шпачаня(ё)* и др.). Более того, по сравнению с английским языком, следует отметить наличие в лексической системе белорусского языка большего количества наименований самок млекопитающих и птиц: 16 ЛЕ в английском (*tigress* ‘тигрица’, *vixen* ‘лисица’, *hen* ‘курица’ и др.) и 64 ЛЕ в белорусском (*арліца*, *бусліха*, *вярблюдзіца*, *зайчыха*, *сланіха* и др.).

Таким образом, уже на данном этапе исследования становятся очевидными как сходства, так и различия в изучаемой семантической категории английского и белорусского языков, а также влияние структурных особенностей сопоставляемых языков на ее состав и организацию.

1.1.2. Семантический признак пола в системе наименований живых существ в английском и белорусском языках

Задача данного этапа исследования заключается в выделении в системе наименований живых существ анализируемых языков реестра номинаций, фиксирующих семантический признак пола и образующих лексические парадигмы по этому признаку.

Выделение из реестра номинаций живых существ наименований, семантике которых присущ признак пола, проводилось с помощью компонентного анализа в его дефиниционной версии⁷ и основано на выявлении в словарной дефиниции компонентов, указывающих на биологический пол денотата: *мужчына / жанчына*, *мужчынскі / жаночы*, *самка / самец* и др. в белорусском и *man / woman*, *male / female* и др. в английском языке. Например, *seducer is someone, usually a man, who seduces someone else* ‘соблазнитель – это кто-то, как правило, мужчина, который соблазняет кого-то другого’; *seductress is a woman who seduces someone* ‘соблазнительница – это женщина, которая соблазняет кого-то’ [COBUILD]; *сын* – *асоба*

⁷ Метод компонентного анализа основан на предположении о том, что значение каждой единицы языка состоит из набора семантических компонентов [57; 188; 82; 133, с. 31; 187, с. 40–43; 9, с. 50; 90, с. 109; 132, с. 110]. Дефиниционный анализ предполагает использование словарных дефиниций как особого методического приема описания лексической семантики и репрезентируемой в значениях языковых единиц информации о концептуальных структурах и категориях [176, с. 56; 188; 9, с. 50; 178, с. 14–15; 136].

мужчынскага полу ў адносінах да сваіх бацькоў, дачка – асоба жаночага полу ў адносінах да сваіх бацькоў [ТСБЛМ]⁸. Отличительной чертой слов, составляющих лексические парадигмы по признаку пола в английском и белорусском языках, является наличие в их дефинициях компонентов, указывающих на биологический пол денотата. Как правило, лексикографическое описание значений конститuentов одной лексической парадигмы по признаку пола совпадает, за исключением признаков ‘мужской / женский’: *ram – ad adult male sheep, ewe – an adult female sheep* ‘баран – взрослая овца мужского пола, овца – взрослая овца женского пола’ [COBUILD]; *хлопчык – дзіця або падлетак мужчынскага полу, дзяўчынка – дзіця або падлетак жаночага полу* [ТСБЛМ]. В ряде случаев противочлен может упоминаться в дефиниции одного из конститuentов парадигмы: *певень – свойская птушка з чырвоным грэбнем на галаве і шпорамі на нагах, сямец курыцы; курыца – свойская птушка, якую разводзяць для атрымання яец і мяса; самка пеўня* [ТСБЛМ].

Тем не менее процесс выделения лексических парадигм не лишен трудностей. Ряд лексических единиц, фиксирующих половые характеристики в своей семантике, имеет близкие по значению корреляты с противоположным признаком пола, например, *wench* ‘служанка’ – *valet* ‘камердинер, лакей, слуга’. Однако несмотря на дезориентирующую близость переводных эквивалентов (‘служанка – слуга’) данные единицы не образуют семантическое противопоставление по признаку пола в силу того, что денотативно отличаются не только признаком пола, но и рядом иных семантических характеристик. Например, английское слово *wench* ‘служанка’ имеет значение *a girl or young woman who worked as a servant or served people food or drink* ‘девушки или молодой женщины, которая работала слугой или подавала еду и напитки’ и не является противочленом к единице *valet* ‘камердинер, лакей’, в семантике которой отсутствует признак возраста и имеется указание на иные обязанности данного вида слуг: *A valet is a male servant who looks after his employer by doing things such as caring for his clothes and cooking for him* ‘Камердинер является слугой мужского пола, который заботится о своем работодателе, выполняя такие обязанности, как уход за его одеждой и приготовление для него пищи’.

Выделение лексических парадигм по признаку пола осложняется и тем, что в исследуемых языках присутствуют номинации, которые выступают в двух значениях: полонейтральном наименовании живого существа и наименовании живого существа с семантическим признаком пола (например, *man*₁: *man*₂ – *woman* ‘человек: мужчина – женщина’; *леў*₁: *леў*₂ – (i)львіца). В данных случаях семантические отношения между наименова-

⁸ В анализируемый материал вошли как лексические единицы типа *mate* ‘товарищ’, *daughter* ‘дочь’, *унук*, *парушальнік* и т.д., так и производные от них *classmate* ‘одноклассник’, *daughter-in-law* ‘невестка’ / *праўнук*, *клятванарушальнік* и т.д.

ниями живых существ без фиксации признака пола и номинациями живых существ, фиксирующими половые признаки, следует рассматривать как гиперо-гипонимические [196, с. 259]. Иначе говоря, имеется гипероним, в роли которого выступает номинация живого существа безотносительно его пола (например, *heir*₁ ‘наследник’, *настаўнік*₁, *бусел*₁ и др.), и два гипонима – наименования живых существ мужского и женского пола (*heir*₂ – *heiress* ‘наследник – наследница’; *настаўнік*₂ – *настаўніца*, *бусел*₂ – *бусліха*). Для некоторых лексических единиц, имеющих статус гипонимов, компонентный анализ дефиниций не является достаточным для выявления признака пола, присущего их семантике, например: *heir is someone who has the right to inherit a person's money, property, or title when that person dies* [COBUILD] ‘наследник – тот, кто имеет право на наследование денег, собственности или титула человека, когда этот человек умирает’; *настаўнік – той, хто выкладае ў школе, а таксама наогул асоба, якая вучыць чаму-небудзь*; *бусел – вялікая пералётная птушка з доўгай прамой чырвонай дзюбай і высокімі чырвонымі нагамі* [ТСБЛМ] и др. Однако это не исключает наличия еще одного значения в семантике данных единиц, как о том свидетельствуют примеры контекстуальных употреблений анализируемых наименований относительно референтов мужского и женского пола: *Then the feudal overlord would seek custody of the heir or heiress, would wish to choose a wife or husband for them* ‘Тогда феодальный сюзерен добивался бы опеки над наследником или наследницей, хотел бы выбрать жену или мужа для них’ [BNC]; *А вунь Іна Аляксандраўна, настаўніца мовы і літаратуры, і Ігар Аляксеевіч, настаўнік фізкультуры; Бацька бусел ці, можа, маці бусліха з чарна-дзюбымі падлеткамі спаважна хадзілі...* [NK].

Анализ контекстуального употребления исследуемых единиц был использован и в тех случаях, когда выделение полмаркированных наименований в одну лексическую парадигму по признаку пола осложнялось разным лексикографическим описанием дефиниций конститuentов одной парадигмы. Например, в английском языке парадигма *drone – queen*, которая представлена двумя согипонимами к гиперонимической номинации *bee*, была выделена в результате анализа дефиниций к данным лексическим единицам: *drone – a male bee* ‘трутень – пчела мужского пола’ / *queen – a large female bee which can lay eggs* [COBUILD] ‘большая пчела женского пола, которая может откладывать яйца’. Лексикографическое описание аналогичной пары *труцень – матка* в белорусском языке не дает возможности для однозначного выделения данных лексических единиц в одну парадигму: *труцень – самец у пчалінай сям’і / матка – самка жывёл і насякомых, якая выводзіць патомства* [ТСБЛМ]. Однако анализ контекстуальных употреблений этих наименований свидетельствует о том, что они являются конститuentами одного противо-

поставления по признаку пола: *Пчолы-разведчыкі знаходзілі ... вулі і пакрысе абжывалі іх, каб потым прывесці сюды матку з роем* [ТСБЛМ]; *...ля сука вішні, на якім пчала-матка села* [НК].

Процесс выделения исследуемых парадигм осложнялся и наличием в современном белорусском языке существительных общего рода, типа *плакса* 'той, кто часто плача без уважливой прычыны', *ціхоня* 'ціхі, лагодны, ціхмяны чалавек'. Указанные номинации не определяют семантический признак пола и относятся к группе наименований живых существ, в семантике которых половой признак не фиксируется. Тем не менее в контекстуальном употреблении эти единицы могут приобрести противопоставленность по половому признаку, о чем свидетельствуют различия их падежных форм (ср. творительный падеж: *з плаксам* – *з плаксай*). Данные единицы в таком случае предстают как контекстуальная триада, в которой общее наименование *плакса* является семантически нейтральным по признаку пола гиперонимом к *плакса₁* (ён) – *плакса₂* (яна). В этой связи перспективным и интересным представляется изучение наименований живых существ, противопоставленность которых по признаку пола в контексте ведет к формированию потенциальных лексических парадигм.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на естественное половое деление в природе, семантический признак пола в языке присущ далеко не всем номинациям в системе наименований живых существ в английском и белорусском языках. Значительный класс единиц в исследуемых языках формируют наименования живых существ, в семантике которых половой признак не фиксируется: 85 % ЛЕ в английском и 38 % в белорусском языке (табл. 1.2), например, *acquaintance* 'знакомый, знакомая', *monkey* 'обезьяна', *snake* 'змея', *істота*, *палітык*, *стараستا* и др. В семантике 3 % исследуемых наименований в английском языке и 1,7 % наименований в белорусском фиксируется женский признак пола, однако эти единицы не имеют семантических противопоставлений по половому признаку: *bluestocking* 'ученая женщина, "синий чулок"', *heifer* 'телка', *праля*, *пулярка* и др. Аналогичным образом для 5 % наименований живых существ в английском языке и 1,3 % изучаемых наименований в белорусском присущ мужской признак пола, но они также не формируют семантических противопоставлений по данному признаку: *knight* 'рыцарь', *gelding* 'мерин, кастрированный конь', *раганосец*, *каплун* и др. Что касается собственно лексических парадигм по признаку пола, то в английском языке их образуют только 7 % исследуемых номинаций, в то время как в белорусском 59 % наименований живых существ способны формировать семантические противопоставления по половому признаку: *sorcerer* – *sorceress* 'колдун – колдунья', *bull* – *cow* 'бык – корова', *брат* – *сястра*, *слон* – *сланіха* и т.д.

Т а б л и ц а 1.2

Наличие / отсутствие признака пола в семантике наименований живых существ современного белорусского и английского языков

Типы наименований живых существ	Английский язык (ЛЕ)	Белорусский язык (ЛЕ)
Наименования живых существ, в семантике которых половой признак не представлен	3 497 (85 %)	2 146 (38 %)
Наименования живых существ, в семантике которых представлен женский признак пола	121 (3 %)	94 (1,7 %)
Наименования живых существ, в семантике которых представлен мужской признак пола	205 (5 %)	74 (1,3 %)
Наименования живых существ, формирующие лексические парадигмы по признаку пола	283 (7 %)	3 347 (59 %)
Общее количество наименований живых существ	4 106 (100 %)	5 661 (100 %)

Ограниченное число членов, формирующих в категории наименований живых существ лексические парадигмы по признаку пола, делает возможным предположение о том, что исследуемые парадигмы охватывают только ядерные конститuentы данной категории и не включают единицы, которые относятся к ее периферии. Следующий этап нашего исследования посвящен выявлению специфических характеристик выделенных типов наименований в английском и белорусском языках.

1.2. Наименования живых существ, семантике которых не присущ признак пола в английском и белорусском языках

Как отмечалось выше, естественная дифференциация по признаку пола не всегда находит отражение в лексической системе исследуемых языков и репрезентируется в семантике далеко не всех наименований живых существ. Как для английского, так и для белорусского языков характерны номинации, которые фиксируют в своей семантике признаки отнесенности к классу лиц, птиц, рыб и т.д., но не фиксируют семантический признак пола и применяются для обозначения особей как мужского, так и женского полов: *student is a person who is studying at a university or college* ‘студент / студентка – это человек, который обучается в университете или колледже’; *bug – is an insect or similar small creature* ‘букашка / жук – это насекомое или подобное маленькое существо’ [COBUILD]; *ціхоня – ціхі, лагодны, ціхмяны чалавек; журавель – вялікая балотная пералётная птушка з доўгімі нагамі і шыяй, з доўгай прамой дзюбай; ласось – буйная марская прамысловая рыба сямейства ласасёвых з мясам чырванатага колеру* [ТСБЛМ] и др.

Сопоставительный анализ наименований живых существ в исследуемых языках показал, что, по сравнению с белорусским языком, абсолютное большинство наименований лиц, млекопитающих и птиц в английском языке не фиксируют половых характеристик в своей семантике (табл. 1.3). Идентификация пола референта в отношении таких «полонейтральных» наименований в английском языке (*teacher* ‘учитель / учительница’, *singer* ‘певец / певица’, *dancer* ‘танцор / танцовщица’ и т.д.) происходит за счет контекстуальных единиц и присущих им морфологических и семантических характеристик: *Wycliffe could distinctly hear the strident voice of a woman teacher talking to her class* ‘Уиклиф мог отчетливо слышать пронзительный голос женщины-учителя, которая разговаривает со своим (дословно ее) классом’; *Dancer, singer, actress, teacher and diplomat, her work is infused with an anger born of a deep knowledge of pain and oppression – racial and sexual – but much more than that with humour and wisdom* ‘Танцор, певец, актриса, учитель и дипломат, ее работа переплетается с гневом, рожденным глубоким знанием боли и угнетения – расового и сексуального, – но гораздо больше с юмором и мудростью’ [BNC].

Т а б л и ц а 1.3

Наименования живых существ, в семантике которых признак пола не фиксируется

Семантические классы наименований живых существ	Английский язык (ЛЕ)	Белорусский язык (ЛЕ)
Наименования лиц	3 015 (86,2 %)	1 693 (78,9 %)
Наименования млекопитающих	213 (6,1 %)	185 (8,6 %)
Наименования птиц	97 (2,8 %)	99 (4,6 %)
Наименования рыб / земноводных / пресмыкающихся	80 (2,3 %)	93 (4,3 %)
Наименования насекомых / паукообразных / ракообразных / др. членистоногих	54 (1,5 %)	57 (2,7 %)
Наименования низших животных	38 (1,1 %)	19 (0,9 %)
Итого	3 497 (100 %)	2 146 (100 %)

Лексические парадигмы по признаку пола не свойственны номинациям насекомых / паукообразных / ракообразных / других членистоногих, за исключением семантических противопоставлений *drone – queen / трутень – матка*. Полоиндифферентными в обоих языках являются все названия рыб / земноводных / пресмыкающихся, как и наименования низших животных. Можно предположить, что эти типы живых существ, равно как и другие, не фиксирующие в своих названиях половых признаков, не являются существенными для жизнедеятельности человека или не представляют собой важности с точки зрения их половой идентификации.

1.3. Лакуны в лексических парадигмах наименований живых существ в английском и белорусском языках

Выделяя лексическую парадигму как специфическую структуру в организации семантического поля, Ч. Филлмор отмечает, что при изучении парадигмы необходимо обращать внимание не только на продуктивные способы ее образования, но и на «отсутствующие звенья» в парадигмах, свойственных разным языкам [191, с. 48]. В результате проведенного анализа было выявлено, что в исследуемых языках присутствуют лексические единицы, фиксирующие в своей семантике признак пола, но не образующие соответствующих семантических противопоставлений по данному признаку. Например: *battle-axe – if you call a middle-aged or older woman a battle-axe, you mean she is very difficult and unpleasant because of her fierce and determined attitude* ‘бой-баба – если вы называете женщину среднего возраста или старше бой-бабой, то вы имеете в виду, что она очень сложная и неприятная из-за ее жесткой и непоколебимой позиции’, *ox – a bull that has been castrated* ‘кастрированный бык’, *карміліца / карміцелька – жанчына, якая корміць грудзьмі чужое дзіця, какетка – жанчына, якая сваімі паводзінамі, манерамі, туалетамі імкнецца падабацца мужчынам, звярнуць іх увагу*. Отсутствие в данных случаях коррелятов по семантическому признаку пола приводит к формированию внутриязыковых лакун в парадигмах наименований живых существ английского и белорусского языков.

Термин «лакуны» был введен в лингвистическую терминологию учеными, которые занимались сопоставительными исследованиями лексических систем разных языков, для обозначения интеръязыковых «пробелов» или «белых пятен на семантической карте языка», т.е. отсутствия какой-то лексической единицы в словаре одного языка в сопоставлении с лексической системой другого языка [175, с. 120; см. также 129; 48; 69; 70; 135; 118]. Исследователь И. А. Стернин отмечает, что «...в каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, т.е. пустых, незаполненных мест в лексикофразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут присутствовать» [150, с. 7]. В современных лингвистических исследованиях языковые явления данного типа рассматриваются не только как межъязыковые и внутриязыковые (интраязыковые, интралингвальные), но и как присутствующие на разных уровнях языка (например, лакуны лексические, грамматические, стилистические), и в синхронии, и в диахронии [27; 28; 62; 151].

В результате проведенного исследования было выявлено, что 8 % наименований живых существ, фиксирующих семантический признак пола, не имеют коррелятов по данному признаку в лексической системе английского языка. Лакунарные единицы по признаку пола в системе наименований живых существ белорусского языка составляют 3 % наименований.

Специфика внутриязыковых лакун в системе наименований живых существ заключается в том, что некоторые лексические единицы, образующие смысловые пары, противопоставленные по половому признаку, обладают дополнительными значениями и становятся в этих значениях лакунами, например, белорусское слово *баба* в значениях '1. матчына або бацькава маці; 2. старая жанчына наогул' образует парадигму со словом *дзед*, а в переносном значении *баба* 'цікаўны, балбатлівы або з нерашучым характарам мужчына' является лакунарной единицей, поскольку не имеет аналогичного противопоставления по семантическому признаку пола. В английском языке слово *sister* 'сестра' как термин родства образует лексическую парадигму со словом *brother* 'брат', в то время как единица *sister* в значении *a senior female nurse who supervises part of a hospital* 'старшая медсестра женского пола, которая заведует частью больницы' используется только для обозначения лиц женского пола и не имеет аналогичных противопоставлений для обозначений лиц мужского пола.

Анализ лакун в разных классах наименований живых существ в английском и белорусском языках формирует задачу следующего этапа исследования.

1.3.1. Лакуны в лексических парадигмах наименований лиц

Класс номинаций лиц, фиксирующих семантический признак пола и не имеющих соответствующих противопоставлений по данному признаку, является самым многочисленным как в английском, так и в белорусском языке. Лакуны в исследуемой лексической парадигме преобладают в группе номинаций лиц по профессиям и роду деятельности, которыми по ряду причин, в первую очередь исторических и социальных, занимаются либо мужчины, либо женщины: *barber – a man whose job is cutting men's hair* 'цирюльник – мужчина, чья работа заключается в стрижке мужских волос', *butler – the most important male servant in a wealthy house* 'дворецкий – самый важный слуга мужского пола в богатом доме', *кастэлянка – жанчына, якая ведае бялізнай (у інтэрнаце, гасцініцы, бальніцы і інш.)*, *навітуха – жанчына, якая дапамагае пры родах* и др. (табл. 1.4).

Наименования лиц с фиксацией только женского либо мужского полового признака были выявлены и в группе номинаций лиц по особенностям характера и поведения, присущим лицам либо мужского, либо женского пола: *playboy – a rich man who spends most of his time enjoying himself* 'плейбой – богатый мужчина, который тратит большую часть своего времени на развлечения', *cad – if you say that a man is a cad, you mean that he treats other people, especially women, badly or unfairly* 'грубиян – если вы называете мужчину грубияном, вы имеете в виду, что он относится к другим людям, особенно к женщинам, плохо или нечестно', *фіфа – пустая, легка-*

думная дзяўчына або жанчына, якая думае толькі пра сваю знешнасць, цытра – пра расфуфыраную легкадумную, хітрую жанчыну. Ряд номинаций из данной группы слов представляет собой пейоративную лексику (*hussy – if someone refers to a girl or woman as a hussy, they are criticizing her for behaving in a shocking or immoral way* ‘потаскушка – если кто-то называет девушку или женщину потаскушкой, то они критикуют ее за шокирующее или аморальное поведение’, *slut – people sometimes refer to a woman as a slut when they consider her to be very immoral in her sexual behaviour* ‘потаскуха – люди иногда называют женщину потаскухой, когда они считают ее очень аморальной в ее сексуальном поведении’, *slag – slag is used by some people to refer to a woman who they disapprove of because they think she is sexually immoral* ‘шлюха – слово используется некоторыми людьми для обращения к женщине, которую осуждают, потому что считают ее сексуально аморальной’ и т.д.).

Т а б л и ц а 1.4

Количественное соотношение лакун в лексических парадигмах
наименований лиц разных семантических подклассов

Семантические подклассы наименований лиц (НЛ)	Английский язык		Белорусский язык	
	НЛ с женским признаком пола	НЛ с мужским признаком пола	НЛ с женским признаком пола	НЛ с мужским признаком пола
НЛ по профессии и роду	40	89	40	25
НЛ по особенностям характера и поведения	34	56	15	8
НЛ по общественному положению и соц. принадлежности	19	24	12	14
НЛ по особенностям внешности	16	3	3	-
НЛ по физиологическим особенностям мужского / женского организма	4	6	3	10
НЛ по форме обращения	-	11	2	4
НЛ по занятиям и интересам	5	6	-	-
Итого	118	195	75	61

Нередко такие наименования характеризуют обозначаемых особей с точки зрения половой распущенности: *lecher – if you describe a man as a lecher, you disapprove of him because you think he behaves towards women in a way which shows he is only interested in them sexually* ‘распутник – если вы

описываете мужчину как распутника, вы осуждаете его, потому что думаете, что он ведет себя по отношению к женщинам таким образом, что заинтересован в них только сексуально’, *womanizer – if you describe a man as a womanizer, you disapprove of him because he likes to have many short sexual relationships with women* ‘бабник – если вы описываете мужчину как бабника, вы осуждаете его, потому что ему нравится иметь много непродолжительных сексуальных отношений с женщинами’; *залётнік – ахвотнік заляцаца да жанчын, жанчыналюб, блудніца – жанчына лёгкіх паводзін*. Несмотря на то, что указанным наименованиям мужчин и женщин присущ общий семантический признак ‘половая распущенность’, они не являются коррелятами, так как отличаются набором разных поведенческих характеристик, фиксируемых в их значениях. Более того, признак ‘половая распущенность’ в дефинициях наименований лиц женского пола всегда сопровождается ярко выраженной отрицательной оценкой, которая указывает на аморальность такого поведения для женщин и гораздо менее выражена в отношении номинаций лиц мужского пола. Следует также отметить, что количество подобных лексических единиц для наименований мужчин существенно меньше, чем для наименований женщин.

Лакуны в лексических парадигмах наименований живых существ в английском и белорусском языках были также выявлены в группе наименований лиц по общественному положению и социальной принадлежности. Например, в исследуемых языках отсутствуют противопоставления по половому признаку к следующим номинациям: *knight* ‘рыцарь’, *the First Lady* ‘первая леди, супруга президента США / губернатора штата’, *debutante* ‘дебютантка (девушка, впервые выезжающая в свет)’; *мнагажэнец – мужчына, у якога некалькі жонак, беспасажніца – дзяўчына, якая не мае пасагу, прымак – муж, якога прынялі ў сям’ю жонкі, які жыве ў доме жонкі* и т.д. Отсутствие противопоставлений по семантическому признаку пола в данных номинациях обусловлено спецификой социокультурных реалий, свойственных исследуемым языковым сообществам (например, отсутствие семантического противопоставления по признаку пола к слову *прымак*, так как традиционно женщина после замужества шла в дом к мужу, что не порицалось и считалось нормой), или объективным отсутствием соответствующих лиц мужского или женского пола в данной социальной группе (например, отсутствие противочлена у слова *knight* ‘рыцарь’).

В несколько меньшем количестве наименования с фиксацией только женского или мужского признака были выявлены в группе наименований лиц по физиологическим и репродуктивным особенностям мужского и женского организмов: *surrogate mother* ‘суррогатная мать, женщина, вынашивающая чужого ребенка’, *eunuch* ‘евнух’, *treble* ‘дискант – мальчик с высоким певческим голосом’; *скапец – чалавек, які падвергся кастрацыі, імпатэнт – чалавек, які пакутуе на імпатэнцыю*; а также среди наименований лиц по особенностям внешности: *hag / crone – an ugly old*

woman ‘карга / ведьма – безобразная, старая женщина’, *stunner* – *an extremely attractive woman* ‘невероятно красивая женщина’, *hunk* – *a big, strong, and sexually attractive man* ‘большой, сильный, сексуально привлекательный мужчина’; *чарнушка* – *чорнавалосая, смуглая дзяўчынка або жанчына, маладзец* – *статны, атлетычнага складу малады чалавек, бутуз* – *маленькі, тоўсценькі хлопчык* и т.д.

Небольшая группа наименований лиц противоположных полов, не имеющих противопоставлений по семантическому признаку пола в английском и белорусском языках, включает номинации лиц по форме обращения (*chap / bloke / geezer* ‘малый, парень’, *mate* ‘товарищ’, *fella* ‘приятель, тип’, *dude* ‘чувак, братан’; *мілачка / мілка, саколiк*), а также несколько английских наименований лиц по занятиям и интересам (*jock* ‘молодой человек, который с энтузиазмом и подолгу занимается каким-то видом спорта’, *groupie* ‘поклонница рок- или поп-группы, следующая за группой во всех гастрольных поездках’, *teenybopper* ‘девчонка-подросток, которая интересуется модой и поп-музыкой’).

Таким образом, лакуны в лексических парадигмах английского и белорусского языков составляют небольшую долю исследуемых лексических единиц и представляют собой преимущественно наименования лиц по профессии и роду деятельности, а также по особенностям характера и поведения, присущим лицам мужского или женского пола. Данная группа лакунарных единиц представляет собой открытый класс, динамика модификации которого обусловлена социальными изменениями в рамках соответствующего языкового сообщества, в результате чего эта группа номинаций может лишиться членов либо быть пополнена новыми конституентами, фиксирующими признак пола, но не имеющими соответствующих противопоставлений по данному признаку.

1.3.2. Лакуны в лексических парадигмах наименований животных

Отсутствие противопоставлений по признаку пола было выявлено в малочисленной группе наименований, обозначающих млекопитающих и птиц противоположных полов (13 ЛЕ в английском языке и 32 ЛЕ в белорусском языке). Отличительной особенностью данной группы лексических единиц является наличие номинаций животных по физиологическим и репродуктивным особенностям самцов и самок: *hog* ‘кастрированный самец домашней свиньи’, *capon* ‘каплун (кастрированный петух)’, *tom* ‘самец различных животных, особенно кошки’, *bullock* ‘молодой кастрированный бык’, *heifer* ‘первотелка’; *вытворнік* ‘самец, пакінуты для разводу патомства’, *нясушка* ‘хатняя птушка (курыца, качка і пад.), якая нясе яйцы’, *цялушка* ‘маладая карова, якая яшчэ не цялілася’, *ярка* ‘маладая авечка, якая яшчэ не ягнілася’, *трусаматка* ‘трусіха, якая дае прыплод’, *квактуха* ‘курыца, якая выседжвае або водзіць куранят’ (табл. 1.5).

Данные лакунарные единицы представляют собой закрытую и мало-численную группу номинаций по физиологическим особенностям самцов и самок млекопитающих и птиц, поэтому пополнение лакун в лексических парадигмах наименований животных представляется маловероятным.

Т а б л и ц а 1.5

Количественное соотношение лакун в лексических парадигмах
наименований животных

Семантические классы наименований живых существ	Английский язык		Белорусский язык	
	НЖС с женским признаком пола	НЖС с мужским признаком пола	НЖС с женским признаком пола	НЖС с мужским признаком пола
Наименования птиц	-	3	2	2
Наименования млекопитающих	3	7	17	11
Итого	3	10	19	13

1.4. Лексические парадигмы по признаку пола в системе наименований живых существ в английском и белорусском языках

Специфика грамматической категории рода в английском и белорусском языках является одним из факторов, которые обусловили наличие разного количества номинаций, способных формировать лексические парадигмы по признаку пола в сопоставляемых языках. В современном белорусском языке, как и в других восточнославянских языках, грамматическая категория рода характеризует существительное как особую часть речи и не только проявляется «в способности существительных уподоблять себе в выражении грамматических значений формы зависимых от них словприлагательных, притяжательных и указательных местоимений и т.д.», но и получает свое материальное выражение в виде различных морфем [7, с. 66]. Более того, в белорусских наименованиях лиц противоположных полов, а также в наименованиях ряда животных, преимущественно домашних, проявляется связь грамматического рода с естественным полом объекта номинации [206, с. 23], что находит отражение в фиксации признака пола в семантике соответствующих наименований (*свёкар м.р.* – *бацька мужа*; *свяхроў ж.р.* – *маці мужа*; *суджаны м.р.* – *у вуснай народнай творчасці: жаніх*; *суджаная ж.р.* – *у вуснай народнай творчасці: нявеста*; *казёл м.р.* – *самец казы*; *каза ж.р.* – *невялікая*

парнакапытная жвачная живёліна (свойская і дзікая) сямейства пустарогіх; *самка* казла [ТСБЛМ] и т.д.). Разнообразие и богатство аффиксов, оформляющих род в белорусском языке, и связь грамматического рода с естественным полом денотата в одушевленных существительных⁹ позволяют значительному числу белорусских наименований живых существ создавать противопоставления по семантическому признаку пола (59 % от общего числа наименований живых существ), или, согласно типологии структур семантических полей Ч. Филлмора, лексические парадигмы [191, с. 47].

В отличие от белорусского языка, грамматическая категория рода в современном английском языке представляет собой потенциальную парадигматическую соотнесенность существительного с одним из местоимений третьего лица единственного числа [20, с. 52; 148, с. 3]. Утрата морфологической категории рода и широкого спектра соответствующих словообразовательных средств в современном английском языке сказалась на том, что лишь 7 % наименований живых существ способны образовывать лексические парадигмы по признаку пола: *actor – actress* ‘актер – актриса’, *lion – lioness* ‘лев – львица’, *stallion – mare* ‘жеребец – кобыла’ и т.д.

Что касается семантических классов, единицы которых формируют лексические парадигмы по признаку пола, то абсолютное большинство конститuentов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках представлены номинациями лиц. Как следует из табл. 1.6, наименования млекопитающих и птиц, обнаруживающие половой признак в своей семантике и образующие соответствующие противопоставления, значительно уступают по количеству наименованиям лиц как в английском, так и в белорусском языке. В классе наименований насекомых была выявлена только одна парадигма: *drone – queen / труцень – матка*. Дифференциация по половому признаку наименований данных млекопитающих, птиц и насекомых в английском и белорусском языках, вероятно, свидетельствует о существенном хозяйственном значении этих живых существ в исследуемых языковых сообществах.

⁹ А. М. Пешковский считал, что грамматический род является мотивированным и символизирует «реальные половые различия» [145, с. 94]. Исследователи, занимающиеся вопросами истории языка, указывают, что происхождение грамматического рода тесно связано со сложным процессом многовекового познания человеком окружающей действительности. Поначалу человек делил наименования окружающих объектов на два класса: одушевленные и неодушевленные. Далее, опираясь на жизненный опыт и знания о естественном поле обозначаемых сущностей, человек распределял все наименования одушевленных сущностей еще на две группы: мужского и женского рода. Дальнейшее перераспределение номинаций неодушевленных объектов, вероятно, происходило в соответствии с характерными свойствами объектов номинации (например, *земля – плодovitость, плодоносность* → ж. р.). Наименования объектов, которые нельзя было отнести ни к мужскому, ни к женскому роду, причислялись к категории среднего рода (лат. *neutrum* или греч. *udeteron*, т.е. «ни один из двух») [1, с. 7].

Лексические парадигмы по признаку пола в разных классах наименований живых существ

Семантические классы наименований живых существ	Английский язык (ЛЕ)	Белорусский язык (ЛЕ)
Наименования лиц	257 (90,8 %)	3 255 (97,25 %)
Наименования млекопитающих	18 (6,4 %)	64 (1,91 %)
Наименования птиц	6 (2,1 %)	26 (0,78 %)
Наименования насекомых	2 (0,7 %)	2 (0,06 %)
Итого	283 (100 %)	3 347 (100 %)

Таким образом, релевантность семантического признака пола для определенных наименований живых существ в исследуемых языках предопределяет возможность формирования ими лексических парадигм по данному признаку. Наиболее существенным фактором, который обуславливает наличие разного диапазона наименований, образующих исследуемые лексические парадигмы в сопоставляемых языках, является структурно-типологический строй современных английского и белорусского языков. Тем не менее релевантность семантического признака пола для разных классов номинаций живых существ в исследуемых языках и, следовательно, диапазон наименований, образующих лексические парадигмы по признаку пола, обусловлены и таким экстралингвистическим фактором, как значимость обозначаемых особей в хозяйственно-бытовой деятельности человека¹⁰.

1.4.1. Способы образования лексических парадигм по признаку пола

В силу структурно-типологических особенностей современного английского и белорусского языков особый интерес представляет выявление того, на базе каких средств в системах сопоставляемых языков происходит дифференциация живых существ по семантическому признаку пола и, соответственно, формирование лексических парадигм по данному признаку.

Наше исследование подтверждает ранее сделанные наблюдения о наличии двух способов образования лексических парадигм наименований живых существ противоположных полов: **словообразовательного**, заключающегося в создании наименований особи противоположного пола путем деривации с помощью словообразовательных средств, присущих данному языку (аффиксации и словосложения), и **лексического**, где для наименования существ мужского и женского пола используются разнокоренные слова.

¹⁰ Экстралингвистическая обусловленность релевантности семантического признака пола для разных наименований живых существ подтверждается и наличием в других вариантах английского языка полонимированных единиц, которые репрезентируют значимые для данного языкового сообщества реалии и отсутствуют в британском и иных вариантах английского языка: например, в австралийском английском *boomer* 'самец кенгуру' [UERD].

Как следует из полученных в результате исследования данных, наименее продуктивным способом образования оппозиций по семантическому признаку пола в сопоставляемых языках является лексический способ (рис. 1.1), с помощью которого образовано 25 % лексических парадигм по признаку пола в английском языке и 2,2 % исследуемых парадигм в белорусском: *son – daughter* ‘сын – дочь’, *colt – filly* ‘молодая лошадь мужского пола – молодая лошадь женского пола’, *муж – жонка, баран – авечка* и др.

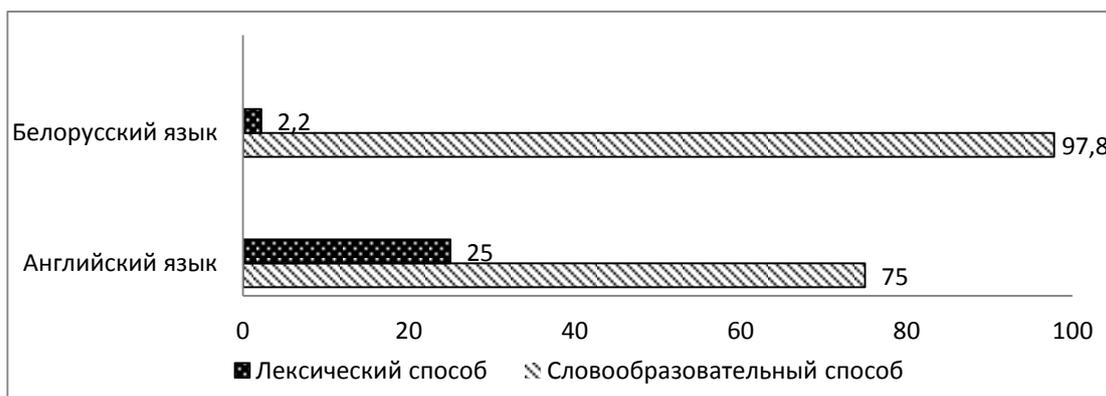

Рис. 1.1. Соотношение способов образования лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках (%)

Количество наименований живых существ, образующих оппозиции по признаку пола с помощью словообразовательного способа, существенно больше как в английском (75 %), так и в белорусском (97,8 %) языке. Вследствие структурно-типологических характеристик современному английскому языку не присущ широкий спектр словообразовательных морфологических средств образования женских наименований. Как результат, суффиксация имеет место в 33 % наименований, образующих оппозиции по признаку пола: *sorcerer – sorceress* ‘колдун, чародей – колдунья, чародейка’, *hero – heroine* ‘герой – героиня’ и др. (табл. 1.7). В 42 % случаев английский язык прибегает к словосложению, где используются корневые морфемы, коррелирующие с отдельными словами, содержащими половой признак в своей семантике [166, с. 70] (*Englishman – Englishwoman*¹¹ ‘англичанин – англичанка’, *godfather – godmother* ‘крестный – крестная’, *landlord – landlady* ‘домовладелец – домовладелица’, *schoolboy – schoolgirl* ‘школьник – школьница’ и др.).

¹¹ Морфемный статус компонентов *-man / -woman* является актуальной проблемой для многих германских языков. Некоторые лингвисты рассматривают данные компоненты как полуаффиксы, утратившие свое самостоятельное значение и функционирующие подобно полноправным аффиксам [177, с. 150–158]. Мы разделяем иную точку зрения и считаем компоненты *-man / -woman* корневыми морфемами, потому что они не только соотносятся с отдельными словами *man* и *woman*, но и сохраняют связь с определенным грамматическим оформлением, характерным для этих слов: *man – men, airman – airmen, woman – women, Frenchwoman – Frenchwomen* [110, с. 75; 169, с. 70; 247].

Белорусскому языку, в отличие от английского, присуще немалое разнообразие аффиксальных средств выражения полового признака. Абсолютное большинство белорусских противопоставлений образованы при помощи суффиксации (95,74 %): *дамасед* – *дамаседка*, *барсук* – *барсучыха*, *прыдумшчык* – *прыдумшчыца*, *спадар* – *спадарыня*. В белорусском языке были также отмечены случаи нулевой аффиксации (2 %): *кум* – *кума*, *ліс* – *ліса*; в то время как словосложение имеет место только в сокращении *медбрат* – *медсятра* (0,06 %). Широкий спектр суффиксов «женскости» в белорусском языке (-*к(а)*, -*ніц(а)*, -*чыц(а)*, -*ын(я)*/*-ін(я)*, -*эс(а)*/*-ыс(а)*, -*анк(а)*/*-янк(а)*, -*ух(а)*, -*іх(а)*/*-ых(а)* и т.д.) в ряде случаев приводит к сосуществованию двух равноценных наименований особей женского пола: *піскун* – *піскуха* / *піскля*, *трус* – *труска* / *трусіха*, *мядзвездзь* – *мядзвездзіца* / *мядзвездзіха*, *вяшчун* – *вяшчунка* / *вяшчуння* и др.

Т а б л и ц а 1.7

Количественное соотношение способов образования лексических парадигм по признаку пола в белорусском и английском языках

Словообразовательный способ				Лексический способ
Английский язык	Аффиксация		словосложение	
	суффиксация	нулевая аффиксация		
283 ЛЕ (100 %)	93 ЛЕ (33 %)	-	118 ЛЕ (42 %)	72 ЛЕ (25 %)
Белорусский язык 3 347 ЛЕ (100 %)	3 205 ЛЕ (95,74 %)	66 ЛЕ (2,00 %)	2 ЛЕ (0,06 %)	74 ЛЕ (2,20 %)

В английских и белорусских лексических парадигмах по признаку пола, образованных с помощью словообразовательного способа, абсолютное большинство конstituентов с семантическим признаком пола ‘женский’ являются производными от соответствующих имен живых существ мужского пола, которые также выступают и в роли гиперонима: *actor* → *actress* ‘актер (человек / мужчина) – актриса (женщина)’, *хабарнік* → *хабарніца*. В исследуемых противопоставлениях производной единицей признавался конститuent, формально более сложный по количеству морфем со словообразо-

вательным значением, присоединенных к производящей базе¹²: *host* – *hostess* ‘хозяин – хозяйка’, *студэнт* – *студэнтка*. Критерием производности в исследуемых парадигмах являлась также стилистическая нейтральность одного из конstituентов и стилистическая окрашенность другого: *author* – (*dismissive*) *authoress* [CED] ‘писатель – (пренебрежительное) писательница’, *доктар* – (*размоўнае*) *дакторка* [ТСБЛМ] (подробнее о критериях производности см. [43; 171; 99; 186, с. 10–11; 269, с. 4–5; 268, с. 3–4]).

Образование мужских номинаций от основы наименования, которому присущ семантический признак женского пола, встречается в белорусском языке крайне редко: *удава* → *удавец*, *каза* → *казёл*, *качка* → *качар* (*качур*). В английском языке был отмечен только один случай деривации от основы женского наименования: *widow* → *widower* ‘вдова → вдовец’.

Для установления специфики структурно-семантических характеристик лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках далее мы проведем сопоставительный анализ способов образования лексических парадигм в разных классах наименований живых существ в исследуемых языках.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ

В результате проведенного исследования было установлено, что группа номинаций лиц, образующих лексические парадигмы по признаку пола в белорусском языке, характеризуется не только существенно большей численностью (3 255 ЛЕ), по сравнению с английским языком (257 ЛЕ), но и более широким спектром семантических подклассов¹³ наименований лиц, в которых были выявлены данные противопоставления (табл. 1.8).

В английском языке лексические парадигмы не свойственны таким подклассам, как номинации лиц по занятиям и интересам, по вероисповеданию и мировоззрению, а также по состоянию здоровья, в то время как в данных классах в белорусском языке было установлено значительное количество наименований, формирующих противопоставления по семантическому признаку пола: *тэатрал* – *тэатралка*, *філатэліст* – *філатэлістка*, *бібліяфіл* – *бібліяфілка*; *атэіст* – *атэістка*, *мусульманін* – *мусульманка*, *пацыфіст* – *пацыфістка*, *нігіліст* – *нігілістка*; *сардэчнік* – *сардэчніца*, *язвеннік* – *язвенніца*, *шызафрэнік* – *шызафрэнічка* и др.

¹² Проведенный словообразовательный анализ является синхронным исследованием и не затрагивает диахронный анализ изучаемого материала. О проблеме несовпадения результатов исторического анализа словообразовательной производности слова и его анализа на синхронном срезе см. [246].

¹³ Классификация наименований лиц, как отмечалось ранее, основана на данных Русского семантического словаря под ред. Н. Ю. Шведовой [274] и модифицирована с учетом специфики исследуемого материала в английском и белорусском языках.

Т а б л и ц а 1.8

Количественное соотношение лексических парадигм по признаку пола и способов их образования в классе наименований лиц

Семантические подклассы наименований лиц	Английский язык (ЛЕ)		Белорусский язык (ЛЕ)	
	словообразовательный способ	лексический способ	словообразовательный способ	лексический способ
НЛ по профессии и роду деятельности	98 (38,1 %)	-	1 452 (44,6 %)	-
НЛ по особенностям характера, поведения и поступков	12 (4,7 %)	-	676 (20,8 %)	-
НЛ по национальной и региональной	10 (3,9 %)	-	370 (11,4 %)	-
НЛ по вероисповеданию и мировоззрению	-	-	252 (7,7 %)	-
НЛ по личным и общественным отношениям	12 (4,7 %)	-	168 (5,2 %)	2 (0,06 %)
НЛ по общественному положению/соц.принадлежности	37 (14,4 %)	16 (6,2 %)	130 (4 %)	-
НЛ по занятиям и интересам	-	-	64 (2 %)	-
НЛ по отношениям родства и породнения	34 (13,2 %)	25 (9,7 %)	22 (0,7 %)	24 (0,7 %)
НЛ по состоянию здоровья	-	-	44 (1,4 %)	-
НЛ по особенностям	2 (0,8 %)	-	32 (1 %)	-
НЛ по возрасту	2 (0,8 %)	9 (3,5 %)	6 (0,2 %)	13 (0,4 %)
Общее количество НЛ, образующих лексические парадигмы по признаку пола	207 (81 %)	50 (19 %)	3 216 (99 %)	39 (1 %)
	257 (100 %)		3 255 (100 %)	

Как в английском, так и в белорусском языке наибольшее количество противопоставлений по признаку пола было выявлено в группе наименований лиц по профессии и роду деятельности: *barman* – *barmaid* ‘бармен – барменша’, *author* – *authoress* ‘писатель – писательница’, *кансьерж* – *кансьержка*, *цялятнік* – *цялятніца* и т.д. Лексические парадигмы по признаку пола в сопоставляемых языках образуют также наименования лиц по особенностям характера, поведения и поступков (*adulterer* – *adulteress* ‘прелюбодей – прелюбодейка’, *seducer* – *seductress* ‘соблазнитель – соблазнительница’, *акуратыст* – *акуратыстка*, *хам* – *хамка* и др.), по национальной и региональной принадлежности (*Irishman* – *Irishwoman* ‘ирландец – ирландка’, *countryman* – *countrywoman* ‘сельский житель –

сельская жительница', *казак* – *казачка*, *прусак* – *прусачка* и др.), по личным и общественным отношениям (*boyfriend* – *girlfriend* 'молодой человек, возлюбленный – (любимая) девушка', *confidant* – *confidante* 'наперсник – наперсница', *палюбоўнік* – *палюбоўніца*, *даўжнік* – *даўжніца* и др.), по общественному положению и социальной принадлежности (*peer* – *peeress* 'лорд, пэр – супруга пэра, леди', *duke* – *duchess* 'герцог – герцогиня', *дваранін* – *дваранка*, *каралевіч* – *каралеўна* и др.), а также группа номинаций лиц по отношениям родства и породнения (*father-in-law* – *mother-in-law* 'свекор, тесть – свекровь, теща', *kinsman* – *kinswoman* 'родственник – родственница', *сваяк* – *сваячка*, *унук* – *унучка* и др.). Наименьшим количеством конститuentов исследуемой категории характеризуются такие подклассы, как номинации лиц по особенностям внешности (*blond* – *blonde* 'блондин – блондинка', *мулат* – *мулатка* и др.) и по возрасту (*boy* – *girl* 'мальчик – девочка', *мужчына* – *жанчына* / *кабета* и др.).

В результате проведенного исследования было установлено, что лексический способ образования лексических парадигм в английском и белорусском языках характерен для ограниченных и закрытых для пополнения подклассов номинаций: терминов родства (*brother* – *sister* 'брат – сестра', *mother* – *father* 'мать – отец', *баба* – *дзед*, *зяць* – *нявестка* и др.) и номинаций лиц по возрасту (*man* – *woman* 'мужчина – женщина', *boy* – *girl* 'мальчик – девочка', *хлопчык* – *дзяўчынка*, *дзядзя* – *цёця* и др.). В английском языке данный способ образования семантических противопоставлений по признаку пола характерен и для небольшого количества наименований лиц по общественному положению и социальной принадлежности (*king* – *queen* 'король – королева', *Lord* – *Lady* 'лорд – леди', *Sir* – *Madam* 'сэр, господин – мадам, госпожа' и др.). Об этом свидетельствуют данные о количественном соотношении семантических подклассов изучаемых лексических парадигм и способов их образования в английском и белорусском языках, представленные в табл. 1.8.

С развитием общества, наделением женщин профессиональной занятостью и новыми социальными ролями возникает потребность в соответствующих женских номинациях. Это находит отражение в языке, где с помощью **словообразовательного способа** половой признак эксплицируется в наименованиях лиц по профессии и роду деятельности (*salesman* – *saleswoman* 'продавец – продавщица', *shepherd* – *shepherdess* 'пастух – пастушка', *снявак* – *снявачка*, *фрэзероўшчык* – *фрэзероўшчыца* и др.), в наименованиях лиц по общественному положению и социальной принадлежности (*baron* – *baroness* 'барон – баронесса', *viscount* – *viscountess* 'виконт – виконтесса', *мяшчанін* – *мяшчанка*, *пралетарый* – *пралетарка* и др.) и иных значимых в границах конкретного общества наименованиях. Можно предположить, что с помощью словообразовательного способа половые противопоставления образуют наименования, отражающие социальные реалии конкретной лингвокультуры.

Следует также отметить, что женские наименования лиц, производные от мужских, зачастую обладают определенной стилистической окраской. Например, в словарях белорусского языка абсолютное большинство наименований женщин, образованных при помощи суффиксов *-ыха* / *-иха*

(генерал – генераліха, урач – урачыха), сопровождаются лексикографической пометой *разговорное слово*. Более того, некоторым производным женским именам свойственна двузначность, позволяющая данным единицам быть использованными для наименования женщины по профессии и названия жены человека соответствующей профессии: *mayor – mayoress* ‘мэр – жена мэра, женщина-мэр’, *emperor – empress* ‘император – императрица ‘женщина, которая управляет империей либо является женой императора’, *brigadier – бригадзір* – *бригадзірыха*, *steward – старажыха*, *craveur – краўчыха*. Вероятно, наименования женщины по профессии изначально использовались для обозначения супруги мужчины, занимавшегося определенным видом деятельности, а позже, с возникновением профессиональной занятости среди женщин, обрели свое второе значение (*proprietor – proprietress* ‘собственник – собственница’, *host – hostess* ‘хозяин заведения – хозяйка заведения’, *milliner – млынар* – *млынарыха*, *knave – купец* – *купчыха* и др.). При такой двузначности и стилистической маркированности производных женских имен наименования мужчин выглядят «нейтральными» и, следовательно, более приемлемы в официально-деловой речи для обозначения лиц без указания пола (*millionaire – millionairess* ‘миллионер – миллионерша’, *murderer – murderess* ‘убийца – убийца-женщина’, *abiturient – абітурыентка*, *deputy – дэпутатка* и др.).

Для современного английского языка характерна все более расширяющаяся тенденция стирания полового признака в наименованиях лиц, о чем свидетельствует и тот факт, что большинство англоязычных представительниц женского пола избегают использования лексических единиц с суффиксом *-ess*. Согласно данным лексикографических изданий носители английского языка отдают предпочтение полонейтральным названиям ряда профессий, в роли которых в английском языке выступают номинации мужчин: *author, poet, manager, actor*, и не используют женские семантические противопоставления *authoress, poetess, manageress* и даже *actress*¹⁴ [COBUILD]. Широкое распространение в англоязычных странах получает также замена наименований, содержащих половой признак, именами со значением общей характеристики лица: *member, person* и т.п. (*chairman – chairwoman – chairperson* ‘председатель’) [223, p. 368; 180, с. 216; 244, p. 285–286; 139, с. 11–12; 205, с. 15–16 и др.]. План содержания полоиндифферентных наименований включает в себе обобщенное представление о человеке как носителе определенных признаков, указывая на профессиональные, социальные и иные характеристики референтов и не затрагивая их половую принадлежность, что особенно актуально в политкорректной англоязычной культуре.

¹⁴ *Many women performers prefer to be called actors rather than actresses* [MEDFAL] ‘Многие исполнители-женщины предпочитают называться актерами, нежели актрисами’; *Use of the word actress to refer to a female who acts is old-fashioned* [CED] ‘Использование слова "актриса" для обозначения женщины, которая играет, является устаревшим’; *The suffix -ess in such words as poetess, authoress is now almost invariably regarded as disparaging or extremely old-fashioned* [CED] ‘Суффикс *-ess* в таких словах, как поэтесса, писательница, сейчас почти без исключений считается пренебрежительным или крайне устаревшим’.

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Наименования животных, способные формировать лексические парадигмы по признаку пола в исследуемых языках, представляют собой малочисленную группу номинаций млекопитающих и птиц как в английском, так и в белорусском языке. Особенность данной группы наименований в английском языке заключается в том, что она не только малочисленна (24 ЛЕ), но и представлена преимущественно названиями домашних видов млекопитающих и птиц (*boar – sow* ‘самец свиньи – свинья (самка), свиноматка’, *ram – ewe* ‘баран – овца’, *gander – goose* ‘гусак – гусыня’ и др.) и всего несколькими наименованиями диких видов млекопитающих (*lion – lioness* ‘лев – львица’, *tiger – tigress* ‘тигр – тигрица’, *fox – vixen* ‘лис – лисица’). Группа наименований животных, образующих лексические парадигмы по признаку пола в белорусском языке, представлена более широким спектром номинаций млекопитающих и птиц и насчитывает 90 ЛЕ: *бык – карова*, *конь – кабыла*, *барсук – барсучыха*, *морж – маржыха*, *вярблюд – вярблюдзіца*, *асёл – асліца*, *арол – арліца*, *голуб – галубка*, *ліс – ліса / лісіца* и т.д. (табл. 1.9).

Ведущим способом образования лексических парадигм для наименований животных в английском языке предстает лексический способ, в белорусском же подавляющее большинство семантических противопоставлений по признаку пола в классе наименований животных образуются при помощи словообразовательных средств (*лось – ласіха*, *воўк – ваўчыца*, *голуб – галубка* и т.д.). В английском языке словообразовательный способ образования лексических парадигм присущ только таким наименованиям диких животных, как *lion – lioness* ‘лев – львица’, *tiger – tigress* ‘тигр – тигрица’.

Т а б л и ц а 1.9

Количественное соотношение лексических парадигм по признаку пола и способов их образования в классе наименований животных

Семантические подклассы	Английский язык (ЛЕ)		Белорусский язык (ЛЕ)	
	словообразовательный способ	лексический способ	словообразовательный способ	лексический способ
Наименования домашних видов млекопитающих	-	14	21	16
Наименования диких видов млекопитающих	4	2	27	-
Наименования домашних	-	6	6	4
Наименования диких видов	-	-	16	-
Общее количество наименований животных, образующих лексические парадигмы по признаку	4	22	70	22

Английские и белорусские наименования млекопитающих и птиц, образующие половые противопоставления с помощью лексического способа, коррелируют семантически и представляют собой довольно закрытый и ограниченный подкласс единиц, многие из которых восходят к древним наименованиям домашних животных: *bull – cow / бык – карова; cock – hen / певень – курыца* и др. С помощью лексического способа образуют противопоставления по признаку пола в английском языке и наименования *fox – vixen* ‘лис – лисица’¹⁵, обозначающие самца и самку дикого животного, которое является традиционным предметом охоты в Великобритании. Следует указать, что на базе данного способа образуется и единственная лексическая парадигма, выявленная в группе наименований насекомых в сопоставляемых языках: *drone – queen / труцень – матка*.

Таким образом, группа наименований животных образует незначительную часть лексических парадигм по признаку пола как в английском, так и в белорусском языке. Продуктивность словообразовательного способа в формировании исследуемых парадигм в белорусском языке позволяет большему числу наименований животных образовывать семантические противопоставления по признаку пола, в отличие от английского, где существенно меньшее количество наименований животных формируют половые противопоставления преимущественно на базе лексического способа.

Лексико-семантический анализ членов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках приводит к заключению о том, что далеко не все наименования лиц, и тем более наименования млекопитающих, птиц, насекомых и других живых существ, становятся конституентами исследуемых лексических парадигм. Членами семантических противопоставлений по признаку пола являются ядерные единицы исследуемой семантической категории, репрезентирующие важные половые различия среди людей и других животных. Данный вывод подкрепляется и наблюдениями над частотностью употребления и деривационной продуктивностью исследуемых лексических единиц.

1.4.2. Частотность употребления конституентов лексических парадигм по признаку пола

С целью выявления частотности употребления лексических единиц с семантическим признаком пола в сопоставляемых языках, а также установления наиболее частотных членов исследуемой лексико-семантической категории был проведен анализ наиболее частотных лексических единиц английского и белорусского языков [283; 271]. В результате данного исследования было установлено, что в первую тысячу самых частых слов английского языка входит 21 номинация из 609 ЛЕ, семантике которых

¹⁵ В данном исследовании словообразовательный анализ проводился на синхронном срезе, в силу чего образование указанной оппозиции по признаку пола рассматривается на базе лексического способа.

присущ признак пола. В списке первой тысячи частотных лексических единиц белорусского языка было выделено 61 наименование из 3 515 ЛЕ, в семантике которых фиксируется половой признак.

Как в английском, так и в белорусском языке самые частотные члены исследуемой категории представлены преимущественно наименованиями лиц: 51 ЛЕ в белорусском языке (*дзяўчына*, *брат*, *жонка* и др.), 20 ЛЕ в английском языке (*son* ‘сын’, *husband* ‘муж’, *woman* ‘женщина’ и др.). Наиболее частотные наименования животных с семантическим признаком пола составляют 10 ЛЕ в белорусском языке (*казёл*, *карова*, *вол* и др.) и только 1 ЛЕ, семантике которой присущ признак пола, в английском языке (*dog* ‘собака, кобель’).

В числе первой тысячи частотных слов исследуемых языков 28 ЛЕ в белорусском и 16 ЛЕ в английском языке представляют оба члена соответствующих противопоставлений: *boy* – *girl* ‘мальчик – девочка’, *daddy* – *mummy* ‘папочка – мамочка’, *brother* – *sister* ‘брат – сестра’, *баба* – *мужык*, *дзядзька* – *цётка*, *муж* – *жонка* и др. Примечательно, что данные наиболее частотные лексические парадигмы по признаку пола как в английском, так и в белорусском языке образованы при помощи лексического способа, за исключением противопоставлений *гаспадар* – *гаспадыня*, *казёл* – *каза* в белорусском языке.

В числе самых частотных наименований живых существ, семантике которых свойственен признак пола, в английском языке присутствуют и такие, как *chairman* ‘председатель’, *dog* ‘собака, кобель’, *guy* ‘парень’, *king* ‘король’, *Sir* ‘сэр, господин’ (5 ЛЕ). Семантике указанных наименований присущ признак пола ‘мужской’, но их противочлены не входят в число первой тысячи самых частотных слов английского языка. Аналогичным образом в белорусском языке в первой тысяче частотных слов было установлено 33 ЛЕ, чьи противопоставления по семантическому признаку пола не характеризуются такой высокой частотностью. Указанные номинации представлены преимущественно наименованиями живых существ мужского пола¹⁶: *паэт*, *вучань*, *сусед*, *настаўнік*, *воўк* и др. Данные белорусские наименования в подавляющем большинстве могут выступать в роли гиперонимического наименования представителей противоположных полов в соответствующем противопоставлении (*воўк*: *воўк* – *ваўчыца*, *пісьменнік*: *пісьменнік* – *пісьменніца* и т.д.), что, вероятно, и сказывается на их существенно большей частотности по сравнению с соответствующими противопоставлениями по семантическому признаку пола. Ведущим способом образования лексических парадигм по признаку пола для указанных номинаций живых существ в белорусском языке является словообразовательный способ, а именно суффиксация: *герой* – *гераіня*, *сусед* – *суседка*, *цар* – *царыца*, *мядзведзь* – *мядзведзіца* и т.д.

Таким образом, лексические парадигмы по признаку пола, где оба конституента характеризуются высокой частотностью, являются семантическими противопоставлениями, образованными на базе лексического

¹⁶ Исключение составляют номинации *карова*, *курыца*, *свіння*.

способа. Высокой частотностью употребления в современных английском и белорусском языках характеризуются конститuentы, которым присущ гиперонимический статус в соответствующих семантических противопоставлениях.

1.4.3. Деривационная продуктивность конститuentов лексических парадигм по признаку пола

Как в английском, так и в белорусском языке изучаемым парадигмам, образованным на базе лексического способа, свойственно наличие производных единиц у обоих членов исследуемых семантических оппозиций:

boy → boyism boyhood boyish → boyishness boisy boyishly boyfriend	girl → girlie girlhood girlish → girlishness girly girlishly girlfriend
баран → баранчык бараніна бараноў	авечка → авечнік авечы → па-авечы аўчар аўчарня аўчына → аўчынка аўчыннік аўчынны

Деривационная продуктивность членов лексических парадигм, образованных при помощи словообразовательного способа, имеет специфические особенности. Как в английском, так и в белорусском языке образование противочлена с семантическим признаком пола ‘женский’ на базе словообразовательного способа в абсолютном большинстве оппозиций происходит от конститuenta с семантическим признаком пола ‘мужской’, который имеет статус гиперонимической номинации и характеризуется существенно большей словообразовательной продуктивностью:

proprietor → proprietress proprietorship proprietorial → proprietorially
заяц → заяка зайчаныя → зайчаняты → зайчанятка зайчык зайчыха заячына заяцаў заячы

Производная лексическая единица с женским семантическим признаком пола зачастую является конечной в словообразовательной цепочке, характеризуется отсутствием производных или, существенно реже, наличием не более одной деривационной единицы:

actor →		actress → <u>actressy</u> actorish
барын →		барыня → <u>барынька</u> барскі барстваваць

В сопоставляемых языках было выявлено несколько противопоставлений по признаку пола, в которых производящей основой для конstituента с семантическим признаком ‘мужской’ является номинация живого существа женского пола. В данных случаях большая деривационная продуктивность свойственна лексической единице с семантическим признаком пола ‘женский’, от которой образуется противоположный по семантическому признаку пола конstituент парадигмы:

widow →		widower → widowerhood widowhood widowed widowly widow-hunter widow-maker
качка →		качаня качар (качур) качына качыны качканос

Итак, как в английском, так и в белорусском языке в лексических парадигмах по признаку пола, образованных при помощи лексического способа, наличие производных единиц свойственно обоим конstituентам. В семантических оппозициях по признаку пола, формируемых на базе словообразовательного способа, деривационной продуктивностью отличаются конstituенты, от которых образуется противочлен.

Глава 2

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТИТУЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Значение лексической единицы и его компоненты

По утверждению И. А. Мельчука, «не только каждый язык, но и каждая лексема языка сама по себе является целым миром»¹⁷ [248, p. 57]. Данное утверждение отражает актуальную для современной лингвистики идею о том, что значение каждого отдельного слова – это сложная комбинация признаков, репрезентирующих многогранность человеческого знания об объектах и явлениях окружающего мира [242, p. 449].

Исследователи, работающие в области лексической семантики, указывают на то, что, помимо наиболее существенных признаков, закрепленных в денотативно-сигнификативном компоненте слова, выделяется и «второй эшелон» информации: иные связанные со словом признаки выражаемого понятия, которые не находят отражения в лексикографических дефинициях [90, с. 80]. Например, как свидетельствуют данные словарей, слову *bull* ‘бык’ в английском языке присуще следующее значение: *an uncastrated male bovine animal* [ODOE] ‘некастрированный самец породы рогатых животных’. Но, употребляя данную лексическую единицу в высказывании относительно лица мужского пола, говорящий апеллирует к совершенно другим компонентам значения слова *bull* ‘бык’, что, вероятно, указывает на наличие в семантике первого ЛСВ этой единицы таких признаков, как ‘сила’, ‘агрессивность’ и ‘крупное телосложение’. В этой связи ряд ученых наряду с «явными» (эксплицитными) компонентами значения выделяют «скрытые» (имплицитные) компоненты¹⁸, которые не имеют явного лексико-семантического выражения в словарных дефинициях и не входят в основное понятийное содержание тех или иных лексем [31, с. 98].

К проблеме многокомпонентности значений лексических единиц обращался и семасиолог М. В. Никитин, который выделил в значении слова: 1) *интенционал* – содержательное ядро лексического значения, необходимые и достаточные семантические признаки данного денотата; 2) *сильный импликационал*, который складывается из свойственных и обычно ожидаемых

¹⁷ «Not only every language, but every lexeme of a language, is an entire world in itself» [248, p. 57].

¹⁸ Некоторые современные лингвисты используют понятие «латентные признаки», которые не входят в ядро лексического значения, но репрезентируют определенные знания и представления о характеристиках обозначаемого объекта [217, p. 562–564; 6, с. 79; 143, с. 51; 182] и, как отмечают исследователи, часто служат основой метафорических переносов: например, *молния* – ‘быстрая’ → *телеграмма-молния* [172, с. 8; 167].

признаков; 3) *слабый импликационал*, т.е. все возможные признаки для данного класса приблизительно равной или невысокой вероятности; 4) *отрицательный импликационал*, состоящий из признаков, которые расцениваются как невозможные и несвойственные для данного класса [132, с. 105–108]. Очевидно, что указанное многообразие признаков, профилируемых в значениях слова, обусловлено многогранностью концептуального знания о свойствах объектов окружающей действительности. При описании структур концептуального знания, лежащих в основе лексического значения, М. Бирвиш предлагает оценить соответствующую информацию с точки зрения ее важности и типичности для того или иного концепта. Согласно его схеме, концепты по своему характеру делятся на 4 типа: 1) концепты, для которых данный признак является центральным (*интенционал* в концепции М. В. Никитина); 2) концепты, для которых это свойство внутренне присуще, – «intrinsic» (коррелирует с понятием *сильный импликационал* М. В. Никитина); 3) концепты, для которых данное свойство является внешним, – «extrinsic» (*слабый импликационал*); 4) концепты, не содержащие данного свойства [216] (*отрицательный импликационал* в терминологии М. В. Никитина).

С. Д. Кацнельсон, указывая на существование скрытых категориальных компонентов лексических значений, определяет их как «подразумеваемые категориальные признаки, которые не имеют самостоятельного выражения в языке», но «выражаются не прямо, не непосредственно, а окольным путем, при посредстве слов и словесного контекста» [83, с. 83]. Например, слову *nun* ‘монахиня’, означаящему *a member of a female religious community* [COBUILD] ‘член женской религиозной общины’, в контексте свойственна актуализация различных признаков, указывающих как на внешние характеристики монахинь, так и на присущий им образ жизни: *You are as pale as a nun.* – ‘Ты бледна, как монахиня’; *You think I’ve lived like a nun since we split up?* – ‘Ты думаешь, я жила как монахиня с тех пор, как мы с тобой расстались?’; *She looked comely, though dressed like a nun with rosary beads in her hands.* – ‘Она выглядела мило, хотя и была одета, как монахиня с четками в руках’ [BNC] и т.д. По мнению Рэя Джакендоффа, контекст не «обогащает» лингвистическое значение какими-то дополнительными контекстуальными значениями, но профилирует признаки, репрезентирующие различные грани знания о сущности, которую данное слово называет [233, р. 283–286].

Как свидетельствуют результаты исследований в области лексической семантики, различные компоненты лексического значения эксплицируются не только под влиянием контекстуальных факторов, но и в семантике производных единиц. Так, основаниями для вторичного использования имен в процессах номинации могут являться не только признаки интенционала – содержательного ядра лексического значения, но и многообразие признаков, формирующих импликационал значения слова и репрезентирующих разные кванты знаний о свойствах и характеристиках обозначаемых сущностей [167, с. 120]. Современные исследователи отмечают, что, например, интенционал наименований лиц представляет собой закрытую жесткую структуру конечного множества признаков, вокруг которого формируется импли-

кационал, представляющий собой открытую вероятностную структуру неконечного множества признаков. Эта структура строится из знаний, откладывающихся в сознании человека как из его собственного опыта, так и из усвоенного им опыта других людей [100, с. 39; 204, с. 246–247]. Например, в импликационале слова *дантист* ‘специалист с высшим медицинским образованием, который занимается профилактикой и лечением болезней зубов’ могут содержаться такие компоненты, как ‘пользоваться бормашиной’, ‘обтачивать, сверлить зубы бором’, ‘стальное сверло бормашины’, ‘лечение и удаление зубов болезненно и связано с неприятными психо-физическими ощущениями’ и т.п. [204, с. 247].

В свете данных наблюдений представляется, что образное использование слова *mother* ‘мать’ для наименования стран, земли и местности становится возможным благодаря не только ядерному компоненту ‘способность порождать / производить’ (*mother – a woman in relation to a child or children to whom she has given birth* [ODOE] → *to mother – to give birth to or produce* [CED]; *the Mother of Parliaments* ‘мать парламентов’ (Англия); *the Mother of Presidents* ‘родина президентов’ (прозвище штатов Виргиния и Огайо); *the Mother of States* ‘мать всех штатов’ (прозвище штата Виргиния) [CERPD]; *motherland, mother country* ‘родина’), но и таким импликациональным признакам, как ‘тепло’ и ‘забота’, репрезентирующим знания об иных свойствах, присущих денотату:

motherly – resembling a mother, esp in warmth, or protectiveness [CED]; *resembling, or characteristic of a mother, especially in being caring, protective, and kind* [ODOE] → ...thus testing *the warmth of Mother Earth*; *I wanted her, at my convenience, to become a nurturing Mother Earth figure who would take care of me...* [BNC]¹⁹.

В то же время можно предположить, что употребление слова *father* ‘отец’ в английском языке при персонификации (*Father Time* ‘отец время’ / *Father Thames* ‘отец Темза’; *the Father of Rivers* ‘отец рек’ / *the Father of Waters* ‘отец вод’ / *the Great Father* ‘Великий отец’ – прозвища реки Миссисипи [CERPD]) происходит на основе не столько интенциональных (‘отец, прародитель, основатель’), сколько импликациональных компонентов значения данного слова, репрезентирующих информацию о таких характеристиках, традиционно приписываемых отцу, как ‘авторитет’, ‘возраст’, ‘главенство’.

Современные исследователи указывают, что именно элементы широкого спектра знаний о присущих обозначаемой сущности свойствах составляют основу *коннотации*, которая представляет собой прагматическое явление и происходит из широкого круга знаний о денотате (или референте) [209, с. 247]. Например, согласно данному подходу такие наименования, как *surgeon* ‘хирург’, *nurse* ‘медсестра’, *secretary* ‘секретарь’ и *motor mechanic*

¹⁹ В белорусском языке не только слово *маці*, но и иные женские наименования могут использоваться для образного обозначения земли: *Пралітая некалі кроў паліць грудзі Маці Сырой Зямлі; Заярылася яно вагнём кахання да зямлі нявесты* [НК].

‘автомеханик’, пробуждают коннотации, связанные с половой принадлежностью денотата, восходящие к знанию того, что даже сегодня типичный представитель этих профессий – либо мужчина (*surgeon, motor mechanic*), либо женщина (*nurse, secretary*) [Там же].

Проблема скрытых компонентов лексического значения затрагивалась многими отечественными и зарубежными учеными в рамках разных научно-исследовательских парадигм (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. М. Васильев, Т. Г. Винокур, И. М. Кобозева, М. В. Никитин, В. Н. Телия, З. А. Харитончик, В. И. Шаховский, М. Бирвиш, Р. Джакендофф, Р. Лангакер, В. Эванс и др.). Так, например, в русле лингвострановедческой проблематики сложилось понятие «лексический фон», призванное подчеркнуть национально-культурную и социально-детерминированную сущность данного явления [38, с. 20–21]. Являясь одним из возможных терминов для обозначения изучаемых компонентов лексического значения, данное понятие все же сопряжено с некоторой терминологической неоднозначностью. Компоненты, которые не входят в лексическое понятие слова, но формируют его «лексический фон», рассматриваются как «внешние» (или «экзотерические») [39, с. 164] и таким образом оказываются за рамками значения лексической единицы, что противоречит тесному единству тех компонентов, которые составляют обязательную и необходимую часть значения, независимого от контекста, и той информации, которая может профилироваться под влиянием контекстуальных факторов.

Интересной представляется позиция Ф. Растье, который, вслед за Б. Потье, выделявшим виртуэму (коннотативную часть семемы), изучает данные компоненты значения и приходит к заключению, что они являются не виртуальными, но различительными и **прагматически идентифицируемыми семемами** [159, с. 39–45]. Лингвист приводит в качестве примера слово *caviar* ‘икра’, которое словарь «Малый Ларусс» определяет как ‘соленые осетровые яйца’, что, по мнению ученого, не является достаточным, так как, если исходить из реальной компетенции информантов, данному слову присущ и социально нормированный афферентный признак²⁰ ‘роскошь’, который обычно принимается за символическое или ассоциативное значение [159, с. 66–67; см. также 10].

Р. Лангакер, затрагивая вопрос о сложной природе значения языковых единиц, констатирует, что многие аспекты значения, так же как и их значимость и взаимодействие, все еще остаются необъясненными и нераскрытыми [242, р. 449]. Ученый утверждает, что множеству признаков, которые могут репрезентироваться в значении лексической единицы, присуща градуальность, т.е. какие-то характеристики являются центральными и легко выявляемыми при самом поверхностном анализе, в то время как иные

²⁰ В соответствии с теорией Ф. Растье признаки значения могут быть классифицированы на родовые / видовые и ингерентные / афферентные [159]. Как отмечают исследователи, такое разделение коррелирует с иерархизацией сем в структуре значения лексической единицы в концепции В. Г. Гака, где выделяются архисемы, дифференциальные и потенциальные семы [47, с. 382; 115, с. 7–8].

являются настолько периферийными, что не всегда отражаются даже в самом полном и всестороннем описании данного значения [242, р. 159]. Основная сложность, по словам Р. Лангакера, заключается не столько в выявлении всех компонентов, характерных для значения данной единицы, сколько в установлении их статуса относительно семантического и прагматического аспектов значения.

Проблема дифференциации прагматической и семантической составляющих значения языковой единицы является одним из спорных вопросов современной лингвистики [см. 221, с. 15–20; 90, с. 80–81, 87–94; 233, р. 282–287; 215; 241, р. 39–42; 224, р. 4–26; 254; 218]. Традиционно, вслед за Ч. Моррисом, семантика и прагматика, наряду с синтактикой, выделялись как три измерения семиотики, где семантика изучает знаки в их отношении к обозначаемым объектам, а прагматика рассматривает отношения знаков и субъектов, которые их производят и интерпретируют [128, с. 54]. Широкая область современных прагматических исследований, которые охватывают разные стороны функционирования языковых образований в речи, привела к отсутствию четких контуров прагматики и диффузности ее границ с семантикой [197, с. 17]. Подчеркивая противоречия в видении рубежей, очерчивающих семантику и прагматику, Дж. Лайонз указывает, что граница между ними в рамках разных направлений проводилась по оси противопоставления: значения и употребления; языка и речевой деятельности; конвенциональных и неконвенциональных значений; истинных значений и значений, к которым не приложимы условия истинности; буквального и переносного значения; значения предложения и значения (интерпретации) высказывания; контекстуально зависимого и контекстуально независимого значения и др. Автор отмечает, что предложенные линии, по которым в разное время проводилась грань между семантикой и прагматикой, как и многие другие попытки установить четко очерченную границу между двумя составляющими значения, неизменно подвергались объективной критике, что указывает на несостоятельность самой идеи противопоставления семантики и прагматики языковых единиц [245, р. 157–178; см. также 219].

Иной подход к разграничению семантики и прагматики базируется на выделении лингвистического (языкового) и экстралингвистического значения. Согласно данной точке зрения в значениях лексических единиц реализуются как языковые аспекты значения, формирующие семантическое ядро слова и характерные для словарных дефиниций (например, *dog – a common animal with four legs, especially kept by people as a pet or to hunt or guard things* [CALD] ‘собака – животное с четырьмя ногами, которое люди держат в качестве домашнего питомца или для охоты или охраны вещей’), так и широкий спектр энциклопедической информации об обозначаемой сущности, который представляет собой неязыковые знания о мире и находится на периферии значения слова. Информация об особенностях поведения собак и кошек не является лингвистически значимой и относится

к области прагматики [233, с. 285]. Однако придерживаясь такого подхода, провести четкую грань между семантическим и прагматическим компонентами значения слова все так же невероятно сложно и в целом ряде случаев практически невозможно [Там же, с. 286]. Проиллюстрировать данную сложность можно также на примере компонентов значения, позволяющих отличить *cup* ‘чашка’, *mug* ‘кружка’ и *bowl* ‘чаша’, поскольку знания о способах приема пищи из данных видов посуды, их внешние отличия и способы сервировки репрезентируют информацию скорее энциклопедическую и прагматическую, нежели чисто семантическую [209, р. 234]. Более того, один и тот же признак может формировать семантическое ядро значения одной лексической единицы (например, признак пола для слов *женщина* / *мужчина*) и являться периферийным прагматическим компонентом, актуализируемым лишь в определенных контекстах, в значении другой единицы (признак пола в словах *nurse* / *secretary* и *surgeon* / *motor mechanic*).

Как указывают современные лингвисты-когнитологи, основная проблема их предшественников, в частности структуралистов, заключалась в строгом разграничении семантики и прагматики, с одной стороны, и рассмотрении значения языковых единиц как статического комплекса компонентов – с другой [224, р. 5, 26; 234, р. 113–114]. Суть проблемы состоит в том, что семантика естественных языков теснейшим образом взаимосвязана с концептуальной системой человека [224]. Но, как бы тесно они ни были связаны, по справедливому замечанию А. А. Потемби, «область языка не совпадает с областью мысли» [153, с. 51], а знания о какой-то концептуальной сущности не тождественны значению соответствующей лексической единицы [197, с. 18–19]. Компоненты значения слов лишь репрезентируют и открывают доступ к различным элементам широкого спектра знаний об объекте номинации [225, р. 17]. При таком подходе значение лексической единицы рассматривается как динамическое единство семантического ядра-основы и вариативного, изменчивого набора окружающих его компонентов, которые под влиянием языковых факторов либо выходят на передний план и эксплицируются, либо остаются неактуализированными [217, р. 562; 241, р. 39; 234, р. 113; 219, р. 20]. Таким образом, в рамках данного направления необходимость строгого разграничения семантической и прагматической составляющих теряет свою актуальность, поскольку понятие динамической сущности лексического значения базируется на представлении о взаимодействии этих двух составляющих и диффузности существующих между ними границ²¹.

Многогранность концептуального знания о свойствах объектов окружающей действительности обуславливает многообразие признаков, профилируемых в значениях слов. Вопрос состоит в том, как и в какой степени в каждом конкретном случае активируется та или иная часть

²¹ Эту точку зрения разделяет и Р. Лангакер, который описывает отношение семантики и прагматики в рамках значения слова как градацию без какой-либо отчетливой границы, сравнивая это соотношение со шкалой, с одной стороны которой мы, бесспорно, увидим семантику, а с другой – прагматику [241, р. 40].

необходимого знания и как из множества возможных значений осуществляется корректная инференция [241, р. 42]. Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, предоставляет теория релевантности, авторы которой полагают, что интерпретация высказывания осуществляется на базе умозаключений через определенные логические механизмы. Решающее значение в обработке новой информации, в особенности передаваемой с помощью языковых средств, имеет объединение ее с контекстом, который не является данным раз и навсегда [184, с. 224], но обусловлен знаниями о мире (или энциклопедическими данными), перцептивными данными и информацией, накопленной в результате интерпретаций предыдущих высказываний (иными словами, информацией, извлекаемой из долговременной памяти, кратковременной памяти и восприятия) [184, с. 224; 84, с. 172]. Более того, помимо предопределенного указанными факторами контекста, необходимо также осознание коммуникативного намерения говорящего, которое позволяет адресату идентифицировать и его информативное намерение [260, р. 611]. Например, в случае с употреблением слова *bull* относительно лица мужского пола становится очевидным, что, объединяя новую информацию с контекстом и понимая коммуникативное намерение говорящего указать на схожие свойства мужчины и этого животного и, возможно, сопроводить это сравнение определенной оценкой²², адресату удастся идентифицировать и его информативное намерение, иными словами, то содержание, которое говорящий передает адресату.

Итак, становится очевидным, что с момента возникновения прагматики как особого направления в лингвистике в 30-х гг. XX ст. существуют разные точки зрения относительно того, что понимается под терминами «прагматика» и «прагматический». Мы разделяем мнение тех ученых, которые выделяют в значении лексической единицы помимо чисто семантической доли и ее прагматическую часть, связанную с употреблением знака. Под термином «прагматические» в нашем исследовании подразумеваются различные модификации значения, которые реализуются в коммуникации в зависимости от контекста. Данная точка зрения не противоречит другим пониманиям прагматики и является одним из возможных ее направлений, наряду с такими, как исследование явных и скрытых целей высказывания, условий истинности высказываний, установок говорящего, его мнений, оценок, отношения говорящего к тому, что он сообщает, речевых тактик и типов речевого поведения, форм речевого общения и т.д. [11].

Учитывая многокомпонентность лексического значения, репрезентирующего широкий спектр информации об обозначаемой сущности и ее свойствах, особый интерес представляет исследование компонентов значений конститuentов лексических парадигм и установление того, достаточно ли для формирования данной структуры противопоставления ее

²² В исследованиях, посвященных изучению прагматических компонентов значения слова, зачастую рассматриваются только оценочные компоненты, но, как отмечает Н. Д. Арутюнова, оценка является лишь одним, хотя, возможно, и самым ярким типом прагматических значений [12, с. 24].

членов по одному ядерному признаку или же конститuentам лексических парадигм свойственна оппозиция иных латентных компонентов, реализующихся под влиянием контекстуальных факторов. С этой целью нами предпринимается комплексный анализ семантики конститuentов исследуемых лексических парадигм, который включает контекстуальный анализ значений изучаемых единиц, анализ семантики их производных, а также верификацию полученных данных на базе психолингвистического исследования.

2.2. Контекстуальный анализ значений конститuentов лексических парадигм по признаку пола и семантики их производных

Для выявления признаков, реализующихся в значениях конститuentов лексических парадигм по признаку пола и не зафиксированных в их словарных дефинициях, была использована комплексная методика выявления признаков значений лексических единиц: дефиниционно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ исходного значения слова и значений производных от него выражений (см. применение данной методики в [25]). Известно, что профилированию компонентов значений слов способствуют, прежде всего, различные контекстуальные факторы [233, с. 283–286]. В свете данных наблюдений мы прибегли к анализу контекстуальных употреблений анализируемых номинаций в Британском национальном корпусе текстов «The British National Corpus» [290] и Белорусском корпусе текстов «Беларускі N-корпус» [289]. Для проводимого исследования значимыми являются не все контексты, а лишь случаи нереферентного употребления анализируемых номинаций, в которых вычленимы признаки значений, репрезентирующие характеристики не конкретного референта, а денотата исследуемой лексической единицы.

Наиболее ярко профилирование компонентов лексических значений происходит в атрибутивных и предикативных словосочетаниях, способных передавать идею наличия или отсутствия какой-то черты, характеристики или свойства денотата [93, с. 12]. Например:

...*This little love note required **the strength of a man***²³. ‘Для этой маленькой любовной записки нужна была сила мужчины’;

(Из рекламы витаминов) *A **mother will always worry about her child. From today she can worry a little bit less.*** ‘Мать всегда будет беспокоиться о своем ребенке. С сегодняшнего дня она может беспокоиться немного меньше’ [BNC];

...*напоўнены адвечнымі **праблемамі жанчыны**: у што **апрунуцца і чым накарміць**...*

Моц** – вось ісціна **мужчыны!

...***слёзы** – прываба **жанчыны*** [НК].

²³ В контекстуальных примерах сохранена орфография и пунктуация, принятая в используемых корпусах текстов.

В корпус контекстных употреблений также вошли образные сравнения, представляющие собой сложную структуру, в которой эксплицируются скрытые, но ассоциативно наиболее типичные признаки объекта сравнения [158, с. 14, 16]:

Slightly startled like a doe. ‘Слегка испугана, как самка’;

...behaving like a stallion – calling and courting mares, and threatening rivals. ‘...вел себя, как жеребец – привлекая внимание и соблазняя кобыл, и угрожая соперникам’.

We both like to work with gold. It is as remarkable as a woman. When it is hot it is sift in the hands... [BNC] ‘Мы оба любим работать с золотом. Оно удивительно, как женщина. Когда горячее, просеивается в руках...’;

Я была дужая, панечка, як мужчына...

...дрыжала нада мной, як курыца над кураняткам;

Кароткімі глыткамі піў каву, вытанчана, як жанчына, трымаючы пальцамі кубачак [НК].

Кроме контекстуального анализа, позволяющего выявить прагматически релевантные признаки значений исследуемых единиц, мы обратились к анализу производных от изучаемых наименований слов и устойчивых выражений. Как указывается в исследованиях, направленных на изучение лингвистических и когнитивных механизмов деривационных процессов, семантика производных слов может мотивироваться широким спектром знаний, ассоциируемых с лексической единицей, от которой они были произведены [239; 261]. Иными словами, семантика дериватов обусловлена не только категориальными и субкатегориальными характеристиками производящих баз, но также и некатегориальными признаками, репрезентирующими информацию об особенностях внешности, поведения, места обитания и об иных характеристиках обозначаемых сущностей [197, с. 17]. Анализ семантики дериватов позволяет проследить, что наследуется производным словом из лексического значения производящей базы, и выявить, «что “заимствуется” из того широкого круга знаний о мире, которые в своей совокупности составляют концептуально-эмоциональный мир отдельного человека и социума в целом» [197, с. 19]. Например, анализ семантических признаков прилагательного *cocky* – *conceited or confident in a bold or cheeky way* [ODOE] ‘тщеславный или самоуверенный человек, который ведет себя смело или дерзко’ позволяет выявить признаки значений производящей базы *cock* ‘петух’, а именно *conceited, confident, bold* и *cheeky*. Подобным образом в семантике производной лексической единицы *hen-hearted* – *timid, fearful, cowardly* [MWOD] ‘робкий, испытывающий страх, трусливый’ профилируются признаки значения производящей базы *hen* ‘курица’: *timid, fearful* и *cowardly*.

При этом следует упомянуть, что в ряде случаев признаки, присущие значениям исследуемых лексических единиц, устанавливаются только в сопоставлении значений дериватов соответствующих наименований. Например, признак ‘размер’ в некоторых номинациях лиц мужского и женского пола (табл. 2.1).

Семантика разных типов дериватов «открывает» доступ к набору признаков, присущих значениям лексических единиц. Анализ значений производных лексических единиц, образованных посредством семантической деривации, является не менее важным источником информации об особенностях семантических свойств производящих баз. Так, в производном значении слова *баба* ‘(пераноснае значэнне, размоўнае слова ў іранічным сэнсе) пра цікаўнага, балбатлівага або з **нерашучым** характарам мужчыну’ [ТСБМ] актуализируются признаки, репрезентирующие поведенческие характеристики, ассоциируемые с денотатом первого ЛСВ этой единицы: *болтливый, нерешительный*. Аналогичным образом и в семантике глаголов эксплицируются компоненты значений существительных, от которых они были образованы путем конверсии: *man* ‘мужчина’ → *to man* ‘мужаться, брать себя в руки’ [БАРС] (*храбрость*), *ewe* ‘овца’ → *to ewe* ‘ягниться’ [НАРБС] (*фертильность*).

Т а б л и ц а 2.1

Актуализация перцептивного признака ‘размер’ в значениях дериватов наименований лиц противоположного пола в английском языке

Дериваты наименований лиц мужского пола	Дериваты наименований лиц женского пола
king-size display ‘удлиненная наружная реклама (удлиненный рекламный планшет, размещаемый на средствах общественного транспорта со стороны водителя)’	queen-size display ‘укороченная наружная реклама (размещается на средствах общественного транспорта со стороны входа пассажиров)’
king-size(d) ‘"королевский" размер, 1,9 x 2 метра (о кроватях, матрасах и постельном белье)’	queen-size(d) ‘размер 1,5 на 2 метра (стандарт кроватей, матрасов и постельного белья)’
king jet-clip ‘крупногабаритный зажим’	queen jet-clip ‘прочный зажим с <u>небольшими</u> зубцами’
king apple ‘королевское яблоко (<u>крупное, красное</u>)’	queen-apple ‘айва’
grandfather clock a clock in a <u>tall</u> free-standing wooden case, driven by weights ‘часы в <u>высоком</u> свободно стоящем деревянном корпусе, приводимые в движение разновесом’	grandmother clock a clock <u>similar to a grandfather clock but about two thirds the size</u> ‘часы, похожие на дедушкины часы, но <u>меньше на одну треть</u> ’
...у ім ляжалі <u>вялікія</u> – па мужчынскаму кулаку – кавалкі мяса	Ведаецца, яно <u>маленькае</u> , сэрца. З жаночы кулачок
...кулямет <u>доўгі</u> – на два мужчынскія крокі	...ад месца выбуху – 15 жаночых крокаў . Або <u>нейкіх</u> 6–8 метраў

Существенным в экспликации компонентов значений исходного слова является также анализ устойчивых словосочетаний [6, с. 67–68; 41, с. 145–158], создание и интерпретация которых базируются на аналогичном когнитивном механизме установления схожих и общих признаков обозна-

чаемых сущностей [239, p.162, 170–191; 179, с.134]. Так, семантика фразеологической единицы *прыкідвацца авечкай* ‘выдаваць сябе за някем-лівага, дурнаватага чалавека’ [ТСБМ] позволяет сделать выводы о признаках, присущих значению лексической единицы *авечка*. В устойчивых словосочетаниях *to play the man* ‘вести себя, поступать, как подобает мужчине’ и *to play the woman* ‘плакать, трусить; вести себя, как не подобает мужчине, быть «бабой»’ [CERPD] репрезентируются контрастные характеристики, ассоциируемые с денотатами слов *man* и *woman*.

Таким образом, для решения поставленной исследовательской задачи была применена комплексная методика анализа устойчивых словосочетаний и разных типов дериватов, образованных от наименований живых существ противоположных полов и зафиксированных в современных лексикографических изданиях, а также контекстуальных употреблений данных производных в Британском национальном корпусе текстов «The British National Corpus» и Белорусском корпусе текстов «N-корпус»:

However it is also likely that many ‘wifely’ tasks such as teamaking and the bosses shopping disappear... ‘Однако также вероятно, что многие поручения, «которые свойственны жене», такие, как заваривание чая и покупка товаров для босса, исчезают»;

Ганна высмактала з яго ўсю мужчынскую моц.

Выделенные семантические признаки исследуемых наименований конкретизировались в дефинициях дериватов и контекстных употреблениях исследуемых номинаций соответствующими семантическими компонентами²⁴, например: ‘сила’ – *force, strong, mighty, hearty* и т.д. в английском языке; *сіла, моц, моцны, дужы, трывалы, магутны* и т.д. в белорусском языке; ‘нежность / теплота’ – *tenderness, tender, delicacy, gentle, warm, warmth* и т.д. в английском языке; *пяшчотная, пяшчота, ласкаваць, ласка, далікатнасць, цяпло, цяплыня* и т.д. в белорусском языке.

Сложность проводимого исследования заключалась в том, что многие мужские наименования выступают в двух значениях: полонейтральном наименовании живого существа и наименовании мужской особи (*dog: dog – bitch* ‘собака: кобель – сука’; *настаўнік: настаўнік – настаўніца*). В этом аспекте семантические отношения между наименованиями живых существ мужского и женского пола, как отмечалось ранее, являются гиперогипонимическими, где имеется гипероним, в роли которого выступает наименование безотносительно его пола (*fox* ‘лиса’; *бусел*), и два гипонима – наименования женских и мужских особей [196, с. 259] (*fox – vixen* ‘лис – лисица’; *бусел – бусліха*). Наше исследование нацелено на выделение не столько родо-видовых признаков наименований живых существ, которые закреплены за семантикой полонейтральных наименований и являются одинаковыми для соответствующих мужских и женских наименований, сколько компонентов значений, репрезентирующих информацию о полодифференциации и закрепленных только за мужскими и женскими

²⁴ Вслед за А. М. Кузнецовым, в данной работе термин «семантический компонент» понимается как вариативная единица, т.е. конкретное наполнение / реализация «семантического признака» [103, с. 25].

наименованиями живых существ. Таким образом, за рамками исследования остались признаки значений, которые являются общими для мужских и женских наименований и репрезентируют информацию не о противопоставлении по признаку пола, но об иных значимых для обозначаемых сущностей признаках. Например, в значениях наименований лиц по профессии и роду деятельности актуализируются признаки, связанные с определенными профессиональными навыками, необходимыми для данного рода деятельности и общими для представителей обоих полов:

Miss Evans didn't eat with them but stood by the table like a waitress in a restaurant 'Мисс Эванс не ела с ними, а **стояла** у стола, **как официантка** в ресторане';

*'Stay right there', Harvey said. 'Stand there **stood, like a real waiter** should.'* [BNC] 'Оставайся там', – сказал Харви. 'Стой там, как **должен стоять** настоящий **официант**'.

Известно, что в значениях лексических единиц репрезентируется широкий спектр свойств, которые варьируются как по типу (внешние признаки, размер, интеллект, поведение, нрав и др.) [45, л. 10], так и по количеству свойственных признаков (например, при реализации значений типичных представителей категорий актуализируются десятки различных семантических компонентов) [26]. Целью нашего исследования являлось установление только тех признаков, которые сопряжены с семантическим признаком пола: характеристик, профилируемых в значениях разных конstituентов лексических парадигм с семантическим признаком пола 'мужской', и характеристик, свойственных значениям разных конstituентов исследуемых парадигм с семантическим признаком пола 'женский'. Достигается поставленная цель с помощью комплекса методов: контекстуального анализа значений лексических парадигм и анализа значений производных от исследуемых лексических единиц слов и выражений.

2.3. Признаки значений конstituентов лексических парадигм по признаку пола

Для решения поставленной задачи из Британского национального корпуса текстов (The British National Corpus) были отобраны 16 908 неререферентных контекстуальных употреблений номинаций живых существ, семантике которых присущ признак пола, из Белорусского корпуса текстов (Беларускі N-корпус) – 25 702 контекстуальных употребления исследуемых единиц. Корпус разных типов производных от конstituентов лексических парадигм по признаку пола составил 2 215 ЛЕ в английском языке и 4 750 ЛЕ в белорусском.

В результате проведенного исследования было выявлено, что актуализация сопряженных с семантическим признаком пола характеристик имеет место не во всех неререферентных употреблениях номинаций живых существ противоположных полов (6 927 контекстуальных употреблений исследуемых лексических единиц в английском языке и 6 021 контекстуальное упо-

ребление в белорусском языке) и в значениях ограниченного количества анализируемых производных (260 ЛЕ в английском языке и 231 ЛЕ в белорусском). Это свидетельствует о том, что репрезентация квантов знаний об ассоциируемых с семантической категорией пола свойствах и качествах осуществляется в значениях далеко не всех членов лексических парадигм по признаку пола. Профилирование характеристик, сопряженных с исследуемой семантической категорией, свойственно 99 конституентам исследуемых лексических парадигм в английском языке и 112 членам исследуемой категории в белорусском языке.

Как показывают результаты проведенного исследования, в значениях выделенных конституентов эксплицируется широкий спектр признаков, репрезентирующих не только объективно присущие свойства членов исследуемой категории, но и во многом стереотипные характеристики представителей разных полов и гендерных ролей. Идея о наличии в значении слова стереотипных свойств денотата высказывалась в рамках целого ряда современных лингвистических теорий и концепций.

С точки зрения американского философа Х. Патнэма, в значениях лексических единиц следует выделять, помимо синтаксического маркера (который сближается с грамматическим значением) и маркера семантического (центральных категориальных признаков), компонент стереотипных свойств – стандартизированных, общепринятых представлений о денотате, которые служат критерием, позволяющим отнести типичных и нетипичных (*анормальных* ‘abnormal’) представителей к тому или иному классу [253, p. 191; 252, p. 195–196]. При этом отмечается, что если признаки семантического маркера относятся ко всем представителям данного вида (например, признак ‘животное’ для слова *тигр*), то стереотипные признаки денотата (например, ‘все тигры имеют черные полосы на желтом фоне’) причисляются только к типичным, нормальным, с точки зрения говорящего, представителям категории [253, p. 166–173]. Затрагивая вопрос стереотипных признаков в значении слов, Х. Патнэм особо подчеркивает их обязательность для успешной коммуникации в данном языковом сообществе, с одной стороны, и влияние социально детерминируемых факторов в формировании стереотипного компонента – с другой²⁵. Он также указывает, что не все критерии, используемые данным языковым сообществом, становятся частью стереотипа, а в некоторых случаях стереотип может быть довольно слабым [253, p. 147]. Так, для каких-то идиолектов стереотипный признак ‘место обитания’ (например, джунгли) становится обязательной частью значения слова *тигр*, в то время как в других языковых сообществах этот признак является факультативной стереотипной характеристикой [253, p. 173]. Иными словами, в стереотипном компоненте слова из широкого круга возможных характеристик денотата репрезентируются релевантные для данного языкового сообщества минимальные кванты знания, необходимые для процесса коммуникации. Важным положением

²⁵ Так, от людей, говорящих по-английски, «их лингвистическое сообщество требует, чтобы они были способны отличить тигра от леопарда; но от них не требуется, чтобы они могли отличить вяз от бука» [140, с. 207].

в описываемой теории является и указание на то, что значение отдельных языковых единиц отличается наличием *экстенционала* – признаков, определяемых в результате научного познания обозначаемой сущности и не являющихся обязательными для обыденной коммуникации неспециалистов. Х. Патнэм приводит пример со словом *вода*, где семантический маркер – ‘естественный вид’ (*‘natural kind’*), ‘жидкость’; стереотипный компонент – ‘бесцветная’, ‘прозрачная’, ‘без вкуса’, ‘утоляет жажду’ и т.д.; а экстенционал – *H₂O*, используемый узким кругом специалистов [253, р. 191]. Близкой к данной точке зрения является позиция Р. Лангакера, который указывает на то, что, несмотря на наличие специфических компонентов в значениях лексических единиц у отдельных носителей языка (специалистов и просто обывателей), у всех членов данного языкового сообщества имеется коллективное знание об особенностях обозначаемого, которое является обязательным и необходимым условием для успешной передачи информации посредством языка [241, р. 30].

В концепции Кейта Аллана значение языковой единицы (лексемы) – «это не строго заданный набор необходимых признаков, присущих денотату, а, скорее, минимальный набор стереотипных фактов о типичном денотате» [208, р. 333]. Ученый считает, что характеристики стереотипа больше, чем характеристики прототипа, подходят для описания типичного денотата в силу того, что стереотип включает в себя представления о прототипе, или, иными словами, эталонном примере категории. Более того, лингвист также придерживается мнения о том, что стереотипные признаки обозначаемого не идентичны для обычного человека и для специалиста [208, р. 333–339]. В распоряжении говорящего специалиста оказывается широкий спектр научно установленных и обыденных признаков, выбор которых будет зависеть от того, «членом какого языкового коллектива он является в момент речи» [40, л. 36].

Особый интерес очерченная проблематика представляет в концепции Е. Бартминьского. Исследуя вопросы этнолингвистики, которая предусматривает «субъектную реконструкцию культуры» из языковой основы [14, с. 4], ученый замечает присутствие стереотипных характеристик во всем лексиконе языка [15, с. 12]. В процессе создания дефиниций в словаре польского фольклора Е. Бартминьский приходит к выводу, что «опыт словарей литературного языка с ориентацией на научные дефиниции, указывающие необходимые и достаточные признаки, оказался непригоден, так как за этими определениями стоял ученый, а не обычный средний носитель языка» [181, с. 14]. По мнению лингвиста, в таких примерах-генерализациях, как *мать заботлива*, *англичане педантичны* или *собака гоняется за кошками*, эксплицируются признаки денотата, которые не отражены в лексикографических изданиях, но являются частью языковой компетенции говорящих [16, с. 165–166]. Автор концепции полагает, что в различных коммуникативных ситуациях происходит профилирование стереотипа обозначаемой данным словом сущности, иными словами, «субъективно детерминированного представления о предмете, охватывающего как описательные, так и оценочные признаки, а также являющегося результатом интерпретации действительности в рамках социальных позна-

вательных моделей» [16, с. 189]. Здесь важно отметить, что в концепции Бартминьского признаки стереотипа не являются постоянными и неизменными, но претерпевают разные изменения, связанные как с познавательной деятельностью человека, так и с изменяющейся в данном языковом сообществе системой ценностей [15, с. 16].

В своей концепции Е. Бартминьский предлагает разделять языковые стереотипы на *образы*, в которых репрезентируются признаки типичного, нормального представителя категории, и *образцы*, эксплицирующие признаки *идеального* представителя соответствующей категории [16, с. 252–278; 40, л. 39]. Анализ прагматических свойств изучаемых лексических парадигм в английском и белорусском языках свидетельствует о том, что в значениях их конstituентов репрезентируются стереотипные представления преимущественно об *идеальных* свойствах представителей исследуемой категории (или *стереотипах-образцах* в терминологии Бартминьского): например, *идеальная женщина – внешне привлекательна, заботлива, нежна, хорошая хозяйка, фертильна* и т.д. Знания и представления о приемлемости или недопустимости «идеальных» характеристик представителей исследуемой категории ярко эксплицируются в значениях дериватов *man* и *woman* в английском языке:

mannish (of a woman) having an appearance and qualities that are ***typically associated with men*** and considered ***unbecoming in a woman***: a *mannish, sadistic matron* [ODOE] ‘мужепоподобная (о женщине), имеющая внешний вид и качества, которые типично ассоциируются с мужчинами и считаются неподходящими для женщины: мужепоподобная, садистская матрона’;

womanish 1) *suitable for or characteristic of a woman*: he confused introspection with ***womanish indecision***; 2) (of a man) ***effeminate***; ***unmanly***: *Burden thought him a weak womanish fool* [ODOE] ‘женский / женопоподобный 1) подходящий или характерный для женщины: он перепутал самоанализ с женской нерешительностью; 2) (о мужчине) женопоподобный; не подобающий мужчине: Берден считал его слабым женопоподобным дураком’.

Контрастность характеристик, репрезентирующих элементы знаний о приемлемости или недопустимости признаков, сопряженных с *мужским / женским* семантическим признаком пола, прослеживается и в значениях исследуемых номинаций в белорусском языке:

Ды і не жаночая гэта справа – улада, барацьба; А вайна – не дзявочая справа. Тут сіла, воля патрэбна; Прыбіраць – справа жаночая; ...шмат-слоўнасць – усё ж не мужчынская рыса [НК].

В. А. Ефремов отмечает, что специфическая природа полярности стереотипных характеристик, сопряженных с половыми и гендерными признаками, обусловлена наличием в человеческом сознании такого специфического типа когнитивных единиц, как концептуальное пространство ‘мужчина’ – ‘женщина’ [66, с. 155] (см. также [199]). Знания о контрастности признаков данного вида находят репрезентацию и в фактах языка, например: *A man is like a woman, only inside out* [BNC] ‘Мужчина такой, как женщина, только вывернутый наизнанку’. Более того, исследование специфики значений конstituентов лексических парадигм наименований живых существ

в английском и белорусском языках свидетельствует о том, что полярные характеристики в свете оппозиции ‘мужское – женское’ присущи не только наименованиям лиц, но и животных. Так, в значениях наименований особей одного вида, но разного пола эксплицируются контрастные свойства:

cock ‘петух’ – *агрессивный, важный, сильный, сексуально активный* (*cock rock* [CED] ‘агрессивный стиль рока’, *cock of the walk/roost* [ODOE] ‘заправила, хозяин’, *a fighting cock* ‘бойцовый петух’ [CERPD], *cock=penis* [ODOE] и др.);

hen ‘курица’ – *заботливая, трусливая, глупая, плодовитая, слабая* (*like a hen with one chicken* [CERPD] ‘как курица с единственным цыпленком’, *hen-hearted* ‘трусливый’ [UERD], *as rare as hen’s teeth* [ODOE] ‘встречается так же редко, как зубы у курицы’, *she acted like a silly hen* [BNC] ‘вела себя как глупая курица’ и др.).

Специфика выявленных признаков заключается в том, что они могут быть присущи разным видам птиц и животных, так же как и человеку вообще, независимо от половой принадлежности. Однако полученные данные указывают на то, что репрезентация знаний об одних характеристиках в языке осуществляется посредством значений номинаций с семантическим признаком пола ‘мужской’, в то время как значения наименований живых существ женского пола способствуют реализации иных контрастных компонентов.

Особый интерес с позиции изучения полярности свойств исследуемых лексических парадигм представляют наименования лиц по родству. Проанализированный языковой материал и реакции испытуемых в проведенном психолингвистическом эксперименте свидетельствуют о том, что семантика таких наименований, как *mother* / *father* и *маці* / *бацька*, сопряжена с целым рядом общих признаков, которые репрезентируют элементы знаний о типичных и стереотипных качествах родителей по отношению к детям: *любви, заботе, ласке, опеке* и т.д. Тем не менее анализ контекстуальных употреблений данных терминов родства демонстрирует, что даже в гамме общих для родителей обоих полов качеств носители исследуемых языков дифференцируют отличительные особенности свойств, присущих матери, и качеств, характерных для отца. Например:

...his son is not merely a father in the male sense. He is a motherly father too. ‘...его сын не просто отец в мужском смысле. Он еще и материнский отец (со свойствами матери)’; *...it is to be noted that God is to be seen as a Father in authority and teaching, as a Mother in kindness and mercy.* ‘...следует отметить, что Бог должен рассматриваться как Отец, по авторитету и наставлениям, и как Мать, по доброте и милосердию’ [BNC];

...дзеці растуць ад матчынага блінца, а разумнеюць ад бацькавага дубца; Калі мамчыны ўгаворы на такіх паненак не дзейнічаюць, то дзе выхаваўчая роля бацькавай папругі?; Лепшая навука – бацькава папруга; (о ребенке) маміна радасць, маміна шчасце, татавы надзея і гордасць...; матуліна казка / песня / кухня / ціхае слова / пяшчота; насуперак бацькавай волі; выконваць бацькаву волю; аслухацца бацькавай волі; вырвацца на часінку з-пад бацькавай волі – цяжкай, жалезнай [НК].

Несмотря на очевидную контрастность выявленного спектра признаков значений наименований живых существ противоположных полов, в изученном массиве языковых данных были выявлены случаи транспозиции конstituентов исследуемых лексических парадигм, которая представляет собой использование «одной языковой формы в функции другой – ее противочлена в парадигматическом ряду» [49, с. 519]. Иными словами, в некоторых контекстуальных употреблениях наименований живых существ женского пола могут прослеживаться характеристики, свойственные значениям мужских наименований. Однако актуализация данных признаков имеет отличия. Например, свойственная наименованиям мужских особей характеристика ‘агрессивность’ профилируется в семантике наименований женских особей одновременно с экспликацией компонентов, репрезентирующих представления о ‘материнской заботе о потомстве’ (например: *terrible as a lioness with cubs* [BNC] ‘ужасна, как львица с детенышами’; *like a tigress defending a cub* [BNC] ‘как тигрица, защищающая детеныша’), а типичная для значений мужских наименований характеристика ‘сексуальная активность’, актуализируясь в значениях женских номинаций, сопровождается отрицательной оценкой (*bitch*²⁶ – *a lewd or immoral woman* ‘похотливая или распутная женщина’ [MWOD]; *she is loose as a goose* ‘глубоко порочная женщина; никакой морали’ [NDOCIE]; *to make an honest woman of smb* ‘сделать кого-л. честной женщиной, жениться на гулящей; прикрыть грех’ [CERPD]).

Схожим образом признак ‘сила’ в значениях наименований представительниц «слабого пола» отличается от типичной маскулинной характеристики и сопровождается экспликацией типичных фемининных свойств:

...*blue eyes shone with a gentle womanly strength* [BNC] ‘глаза ее светились нежной женской силой’;

Упершыню я адчую вабную моц дзявочага цела [NK].

Исследователи отмечают, что бинарность является одним из базовых принципов осмысления гендерных различий. В результате такой полярности, например, «неполное соответствие мужчины стереотипу маскулинности ведет за собой не отрицание его мужественности, а атрибутирование ему женских характеристик» [163, с. 5]: *загаласіў як баба; даў волю пачуццям, як баба* [NK]. Таким образом, несмотря на возможность транспозиции признаков конstituенты исследуемых парадигм характеризуются контрастным набором прагматических характеристик, репрезентирующих преимущественно стереотипные свойства представителей разных полов и гендерных ролей.

²⁶ Исследователи указывают, что в зоометафоре особи женского пола рассматриваются скорее как реципиенты, пациенсы или маргинальные агенсы, нежели активные участники действия [243]. Когда роли меняются и женской особи отводится активная мужская роль, то женская особь воспринимается «как опасное животное», в результате чего подчеркивается несвойственность ей таких характеристик. Например, в английском и испанском языках номинации *lioness / leona* ‘львица’, *tigress / tigresa* ‘тигрица’ and *loba* ‘волчица’ используются для образного наименования сексуально активных, не разборчивых в половых связях женщин и даже проституток [Там же, р. 92].

2.4. Типы признаков, сопряженных с семантическим признаком пола

Анализ эмпирического материала позволил установить, что семантические компоненты значений конstituентов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках репрезентируют информацию о разных типах характеристик, ассоциируемых с исследуемой семантической категорией: *перцептивных, психологических и поведенческих, физиологических, утилитарных*. Некоторые из выявленных признаков значений номинаций живых существ противоположных полов могут эксплицировать не только какой-то определенный тип сопряженных с семантическим признаком пола свойств (перцептивных, физиологических, психологических и поведенческих, утилитарных), но и репрезентировать сразу несколько типов выделенных характеристик (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Комплекс взаимосвязанных характеристик, сопряженных с семантическим признаком пола и актуализируемых в значениях конstituентов лексических парадигм в английском и белорусском языках

Например, анализ семантики дериватов и контекстуальных употреблений наименований лиц мужского пола свидетельствует о том, что актуализируемый в значениях исследуемых номинаций признак 'сила' репрезентирует представления не только о физической выносливости мужчин, но и о свойственной мужчинам силе духа, в связи с чем данный признак может быть отнесен к числу как физиологических, так и поведенческих характеристик (например: ...*Emily Grenfell was no weak-kneed lady of leisure*,

but as strong as any man when it came to business. ‘Эмили Гренфелл не была слабовольной хорошо обеспеченной дамой, но была сильна, как любой мужчина, когда речь идет о бизнесе’; ...*in some ways she was as strong as a man* [BNC] ‘...в некотором смысле она была сильна, как мужчина’). Аналогичным образом в значениях лиц женского пола признак ‘слабость’ эксплицирует не только физиологическую характеристику, но и черту характера, приписываемую представительницам «слабого пола», так же как и признак ‘сексуальность’, который репрезентирует представления как о внешних, так и о поведенческих характеристиках лиц женского пола.

Таким образом, выявленные признаки репрезентируют информацию о взаимосвязанном комплексе свойств и характеристик, приписываемых представителям разных полов и гендерных ролей в английском и белорусском языковом сообществе. В силу того, что экспликация сопряженных с семантическим признаком пола характеристик в английском и белорусском языках свойственна как наименованиям лиц противоположных полов, так и наименованиям животных. Задача следующего этапа исследования заключается в выявлении специфики выделенных типов прагматических характеристик в семантике наименований лиц, с одной стороны, и наименований животных – с другой.

2.4.1. Наименования лиц

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Важным типом в широком спектре установленных характеристик являются перцептивные признаки, которые репрезентируют элементы знаний о воспринимаемых органами чувств свойствах обозначаемых особей противоположных полов. Например, особенности внешности и характерные особенности частей тела мужчины, в отличие от женщины:

manly shoulders / torso / limbs / appearance / features / body / chest ‘мужские плечи / торс / конечности / внешность / черты / тело / грудная клетка’; *And your arms grow all hairy and muscly like a man's* ‘И твои руки станут волосатыми и мускулистыми, как у мужчины’; *Miss Pennycott was taller, thicker, with the neck and shoulders of a man* ‘Мисс Пенникот была выше, полнее, с шеей и плечами, как у мужчины’ [BNC];

У яго была натуральная мужчынская фігура; жорсткія мужчынскія далоні; гошы шырокі мужчынскі рот [NK];

to look like a woman / lady / queen / princess ‘выглядеть как женщина / леди / королева / принцесса’ и т.д., ...*his fingers were rather long, slender like a girl's* ‘...его пальцы были довольно длинными, тонкими, как у девушки’; *Not so much as a willow's twig, perhaps, as a woman's talon.* ‘Не столько, как веточка ивы, сколько, наверное, как коготь (коготь) женщины’ [BNC];

Яно – прыгожае і стройнае як паненка... ; ...хударлявыя ногі, жаночкія рысы твару, доўгія валасы; На беразе Сожа трава, нібы косы дзяўчыны, мяккая, пяшчотная, пахучая. Гэта быў высокі, па-дзявочаму танклявы юнак з мяккімі рысамі безбародага твару... [NK].

Проведенный анализ указывает на то, что признаки, репрезентирующие информацию об особенностях женской внешности, также сопряжены с экспликацией представлений о внешней привлекательности, которая не является существенной для представителей мужского пола, но предстает одной из важнейших характеристик представительниц женского пола как в английской, так и в белорусской языковой картине мира:

...because a woman is what she looks like ‘...потому что женщина – это то, как она выглядит’ [BNC]; *A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks.* ‘Мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует, а женщине – на сколько она выглядит’ [CERPD]; *I rather would a husband wed with a beetle brow than a beetle head* ‘(дословно) Лучше я выйду замуж за мужа с бровями, как у жука, чем за мужа с головой, как у жука; Лучше муж некрасивый, чем муж глупый’ [CERPD];

Прыгажосць – гэта багацце жанчыны. Багацце – прыгажосць мужчыны [NK].

Следует отметить, что выделенные признаки, указывающие на особенности внешности представительниц женского пола, эксплицируют и определенные представления о внешности женщин разного возраста и половой зрелости:

She does look like a girl rather than a woman. ‘Она действительно выглядит как девочка, нежели как женщина’; *...and her hip bones jutted like a young girl’s* ‘...и ее бедра были такими выпуклыми, как у молодой девушки’ [BNC];

...адыходзіла павольна, маленькая, ссутуленая, як бабуля, у старамоднай хустцы; ...валасы прыбіралі ў новую прычоску, ужо не па-дзявочаму, а па-жаночаму [NK].

Следует указать и на пейоративную модификацию значения наименований лиц женского пола при употреблении слова *old* и *старая*:

...she looked like a stunning sexy witch in the black she favoured so much... ‘...она выглядела, как сногшибательная сексуальная колдунья (ведьма) в черном, который она так любила...’; *She looked like a shrunken old witch* ‘Она выглядела, как сморщенная старая ведьма’;

Як грацыёзная дзеўка, апанулася ў сваё пышнае хараство прырода; Зялёна, як елка, чырвона, як дзеўка; І нават мястэчка, у іншыя дні – быццам старая дзеўка – засохлае і прагорклае, зараз вітае цябе ветлівай усмешкай.

Значениям лиц мужского пола также свойственна экспликация элементов знаний о внешних особенностях мужчин разного возраста и половой зрелости:

He is balding and pleasant-faced, like a father ‘Он лысеющий и добролицый, как отец’; *I had the attributes of a boy, in that I was flat-chested, hipless and had a small bottom* ‘У меня были черты мальчика, так как я была плоской, без бедер и с маленьким задом’ [BNC];

Аброс двойкамі, як дзед барадою; Дзед як дзед: сівы, вусаты, мажны...; ...прашынеў Стась. Чырванашчокі, з далікатнымі юначымі вусікамі [NK].

Среди перцептивных характеристик, сопряженных с семантическим признаком пола, присутствует и признак 'размер'. Для номинаций лиц мужского пола характерна актуализация признака, указывающего на 'крупный размер', свойственный мужскому телу:

man-sized – very large or larger than usual [MEDFAL] 'очень большой или больше, чем обычный'; *as big as a man's hand* 'большой, как ладонь мужчины', *as tall as a man* 'высокий, как мужчина', *three feet high and as long as a man* 'высотой в три фута и длинный, как мужчина' [BNC] и т.д.

дужыя мужчынскія рукі; ...у ім ляжалі вялікія – на мужчынскаму кулаку – кавалкі мяса [NK].

Для наименований лиц женского пола характерно указание на 'небольшой размер', ассоциируемый с наименованиями лиц женского пола:

...she recalled thinking how small his hands were: rather like a woman's '...она постоянно вспоминала о том, какие маленькие у него были руки: как у женщины'; *She was the most girlish girl he'd ever known. Small and soft, with little bones and delicate...* 'Она была самой девчачьей девушкой, которую он когда-либо знал. Маленькая и мягкая, с небольшими костями и деликатная...' [BNC];

...з па-жаночаму маленькім ротам; Калі вэрхал крышачку сціх, ён такі асмеліўся падняць руку. Яго маленькая, як у дзяўчынкі, далонька прыцягнула ўвагу ўсіх [NK].

Набор перцептивных признаков, актуализируемых в семантике исследуемых конститuentов по признаку пола в английском и белорусском языках, не ограничивается вышеуказанными признаками. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в наименованиях лиц мужского пола репрезентируются элементы знаний о свойственных мужчинам 'голосе' и даже 'запахе':

...he describes Johnson's voice as manly, or deep, or sonorous, or loud '...он описывает голос Джонсона как мужской, или низкий, или звучный'; *in a voice almost as deep as a man's she said* 'голосом, низким, как у мужчины, она сказала'; *smelling his manly smell* 'вдыхая его мужской (подобающий мужчине) запах'; *strong male smell* 'сильный мужской запах' [BNC];

У цябе голас мужчыны! грубы / цвёрды / моцны мужчынскі голас; ...дазволіла ўстанавіць, што жанчыны па-рознаму ўспрымаюць пах мужчыны [NK].

Аналогичным образом в значениях наименований лиц женского пола актуализируются перцептивные признаки, репрезентирующие представление о свойственных женщинам 'голосе' и также особом 'запахе':

In a woman's voice he said... 'Он сказал женским голосом...'; *Her tone is wifely, concerned, but not patronising.* 'У нее тон, свойственный жене: беспокоящийся, но не снисходительный'; *a husky, girlish tone* 'хриплый, девичий тон' [BNC];

Рослы рабочы з **бабскім голасам** расказвае за санаторным абедзенным сталом...; **Голас** у таго быў **тонкі, бы дзявочы...**; ...госця моцна пляснулі нечыя рукі і пачуўся пісклявы **бабскі галасок**; **Сцёпа** шморгае носікам і тонкім **“бабскім” галаском** адказвае...; **I** зусім не стасаваўся да гэтай мажной паставы па-жаночаму **мяккі голас** [НК].

Scent of a Woman ‘Запах женщины’ (название киноленты); ...*he inhaled the warm, womanly scent of her*... ‘...он вдыхал ее теплый, женский запах...’ [BNC].

Ад складзенага ў чатыры столкі лістка **пахла** нечым **цёплым, дзявочым...**; **пах** салодкага **жаночага поту**; ...перамяшаліся з **пахамі** парфумы, **жаночага поту**, **віннага перагару** [НК].

Таким образом, набор перцептивных признаков, актуализируемых в значениях наименований лиц противоположных полов, в английском и белорусском языках совпадает и репрезентирует элементы знаний об особенностях внешности и размере, а также голосе и запахе, ассоциируемых с представителями разных полов и гендерных ролей в исследуемых языковых сообществах.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Второй тип прагматических характеристик, реализующихся в семантике конstituентов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках, репрезентирует целый ряд психологических и поведенческих признаков. Характеристики данного типа разнообразны и репрезентируют представления о поведенческих и психологических свойствах представителей разных полов и гендерных ролей.

В результате проведенного исследования в значениях конstituентов с семантическим признаком пола ‘мужской’ как в английском, так и в белорусском языке были выявлены компоненты, которые репрезентируют информацию о ‘доминировании / превосходстве’:

lord of creation ‘**венец** творения, **мужчина** (в противоположность женщине)’ [CERPD]; ...*their aggressive, assertive masculinity which caused them to dominate their children rather as a father might*... ‘... агрессивная, напористая мужеподобность заставляла их доминировать над своими детьми, как это должен был бы делать отец...’; *Perkin with brotherly bossiness told him to stop* ‘Перкин повелительно, как брат, сказал ему остановиться’ [BNC];

муж – **галава жанчыны** [СФБМ]; **Усё вучыць, усё выхоўвае, камандуе, нібы бацька. Ён любіць засынаць, калі расслаблена, але ўладна, як муж, як гаспадар...** **насуперак бацькавай волі; выконваць бацькаву волю; аслухацца бацькавай волі** [НК].

Общей в семантике наименований живых существ мужского пола в исследуемых языках оказалась и такая характеристика, как ‘сексуальная активность’. Наличие данного свойства в значениях исследуемых лексических единиц сопровождается экспликацией положительной оценки и нередко иных, сопряженных с семантическим признаком пола, таких ‘мужских’ характеристик, как ‘сила’, ‘доминирование’, ‘храбрость’:

manhood – qualities traditionally associated with men, such as **courage, strength, and sexual potency** [ODOE] ‘мужественность – качества, традиционно ассоциируемые с мужчинами, такие как храбрость, сила и сексуальная потенция’; ...because he were a bit **of a lad**. He **had an eye for the women**, you mean?’ ‘...потому что он был парень что надо. Ты имеешь в виду насчет женского пола?’; ...he always drove **like a man making love**... ‘он всегда водил машину так, как мужчина занимается любовью...’ [BNC];

каб утаймаваць свой чароўны юнацкі юр; якія зьведалі ложка мужжаў; здаволиць сваю мужчынскую патрэбу; жорсткага пажадлівага мужчынскага позірку [NK].

Отсутствие же данной характеристики ассоциируется со слабостью и бесполезностью обозначаемых существей и нередко сопровождается отрицательной оценкой:

eunuch – lacking in power, an ineffectual person: a nation of political eunuchs [ODOE] ‘евнух – неэффективный, слабый человек: нация политических евнухов’; I калі апазіцыя ня здолела гэтага зрабіць, на яе сыплюцца абвінавачваньні: **слабыя, бяссільныя, імпатэнты**, яны нічога ня могуць, адны паразы і інш. [NK].

Актуализацию в значениях как английских, так и белорусских мужских номинаций лиц находят и такие признаки, как ‘храбрость / смелость’:

to man – to fortify the spirits or courage [ODOE] ‘укреплять моральный дух или вселять мужество’; to play the **man** – вести себя, поступать, как подобаает мужчине [CERPD]; She had taken her husband's brain tumour **like a... well, like a man**. ‘Она стойко перенесла опухоль мозга своего мужа, как... ну, как мужчина’; My dad's as brave as a **dad** can be ‘Мой папа такой смелый, как настоящий папа’ [BNC];

...штосьці смелае, мужчынскае праступала ў яго танцы; з мужчынскаю доблесцю ў сэрцы [NK].

Семантике конституентов исследуемых парадигм с признаком пола ‘мужской’ в английском и белорусском языках свойственна также актуализация характеристики ‘авторитет’:

like a father – по-отчески, авторитетно, строго, но благожелательно [CERPD]; He's like some perfect **uncle, authoritative and kind, but slightly removed** ‘Он как какой-то идеальный дядя, авторитетный и добрый, но слегка отдаленный’ [BNC];

Мужава воля: загадаў – ахрысцілася; Міхаіл Уладзіміравіч мне як бацька. Я яго паважаю, таму і слухаю [NK].

В числе выявленных признаков, общих для английских и белорусских наименований лиц мужского пола, находится и такая характеристика, как ‘твердость / жесткость’:

male toughness ‘мужская жесткость’; looking **stern and fatherly** ‘выглядит строго и по-отцовски’; She's a beautiful woman, but she can be as **hard as a man** ‘Она красивая женщина, но может быть твердой, как мужчина’ [BNC];

жорсткай мужчынскай бойкі; цвёрдым мужчынскім почыркам; яна ў нас трохі распушчаная, вядома, гадуецца без бацькавай цвёрдай рукі. У братавых вачах было больш хлапецкай гарэзлівасці, чым мужчынскай цвёрдасці [NK].

В значениях наименований лиц мужского пола в исследуемых языках были также выявлены признаки ‘обязанность / ответственность’:

...*he was in charge of men, like father* ‘...он нес ответственность за людей, как отец’; *I'd be failing in my duties as a husband*. ‘Я бы не справлялся со своими обязанностями мужа’; *A son is duty bound to look after his mother* ‘Сын по своему долгу обязан присматривать за матерью’ [BNC].

Ён, Вакула, свайго мужчынскага абавязку не выканаў; мужаў абавязак / сынаў абавязак / сыноўні абавязак / мужчынскі абавязак [НК].

Общим для семантики исследуемых наименований лиц мужского пола в сопоставляемых языках является и признак ‘защита’:

He protected her like a lover, shielding her from curious ‘Он защищал ее, как любовник, заслоняя от любопытных’; ...*will protect them like a father* ‘...будет защищать их как отец’; *He regarded Lexandro musingly as a brother might a sister whose honour he must protect* ‘Он задумчиво посмотрел на Лександро, как брат мог бы смотреть на сестру, чью честь он должен защищать’ [BNC];

за бацькавай спіной / за бацькавым каркам; Як жа адна, без абароны мужавай жыць думаеш?; Мужчына – гаспадар, кармілец, абаронца, апірышча веры і любові ў сям’і... [НК].

Проведенный комплексный анализ семантики конstituентов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках позволил установить в значениях номинаций лиц мужского пола и такие признаки, как ‘рациональность / рассудительность’:

to husband – use it carefully and do not waste it [COBUILD]; *use (resources) economically* [ODOE] ‘глагол от слова муж – использовать осторожно и не тратить без пользы; экономно использовать (ресурсы); ...*superior male rationality and causality versus inferior female irrationality and passivity* [BNC] ‘...превосходная мужская рациональность и каузальность в отличие от не такой хорошей женской иррациональности и пассивности’;

...але свёкар заўсёды, як мужчына больш разважлівы і практычны, чым кабета... [НК]; гаспадар → гаспадарлівы – эканомны, ашчадны, руплівы ў вядзенні гаспадаркі [ТСБМ].

Несмотря на то, что исследуемые наименования в белорусском и английском языках характеризуются схожим спектром свойств, сопряженных с семантическим признаком пола, в проанализированном массиве данных было выявлено, что такие характеристики, как ‘ласка’ и ‘помощь’, эксплицируются в значениях только белорусских наименований лиц мужского пола:

адчувалася нерастрачаная жаночая няшчотнасць і жаданне мужчынскай ласкі і моцы; бацькава / мужава ласка; ...дзе вы знойдзеце ласку братэрскую ў сэрцах...;

Сябар любіць вас усякі час і, як брат, явіцца ў няшчасці; сабраў усіх сяброў пад сваю братнюю руку, усіх абагрэў, навучыў...; ...і ён павінен чымсь пасабіць, як мужчына...; ... Цяпер жа, калі з’явіўся ў гаспадарцы даільны апарат, спатрэбілася і дапамога мужчыны. Гаспадар хутчэй налаўчыўся спраўляцца з тэхнікай [НК].

Указанные признаки были выявлены в английском языке только в нескольких контекстуальных употреблениях дериватов *fatherly* ‘отцовский’ и *brotherly* ‘братский’ и, вероятно, эксплицируют элементы знания, сопряженные не с дифференциацией по половому признаку, а с представлениями о семейных отношениях.

Особенность спектра признаков, выявленных в результате сопоставления значений наименований лиц мужского пола в исследуемых языках, заключается в том, что в английском языке значениям мужских наименований присущ признак ‘агрессивность’. В белорусском языке данный признак реализуется только в значениях наименований самцов млекопитающих и птиц, в то время как в английском языке сопровождает и номинации лиц мужского пола:

boys will be boys – *when a group of men are behaving noisily or aggressively, you are suggesting in a light-hearted way that this is typical male behaviour and will never change* [COBUILD] ‘мальчики всегда остаются мальчиками – когда группа мужчин ведет себя шумно или агрессивно, говорящий шутливо отмечает, что это типичное мужское поведение, которое никогда не изменится’; *boy racer* – *a youth or young man fond of driving very fast and aggressively in high-powered cars* [ODOE] ‘мальчик-гонщик – юноша или молодой человек, который любит быстрый и агрессивный стиль вождения мощных автомобилей’; *male aggression / ferocity* ‘мужская агрессия / свирепость’; *...so parents tend to approve of aggression in their male offspring as ‘manly’* [BNC] ‘...родители склонны оправдывать агрессивность своих отпрысков мужского пола как «свойственную мужчине»’.

Анализ значений конститuentов исследуемых лексических парадигм с семантическим признаком пола ‘женский’ указывает на то, что значениям этих номинаций также свойственна актуализация целого комплекса признаков, репрезентирующих психологические и поведенческие характеристики женщин и фемининной гендерной роли. Признаки данного типа разнообразны и во многом совпадают в сопоставляемых языках. Так, в значениях наименований лиц женского пола в английском и белорусском языках репрезентируются различные типы знания о свойственных женщинам ‘труде и домашних обязанностях’:

lady’s companion ‘a small case or bag containing **needlework items**’ – ‘дамский набор (дословно спутник / товарищ) – маленькая сумочка с предметами для рукоделия’ [ODOE]; *hostess trolley* – *a trolley for **holding food to be served at table*** [ODOE] ‘тележка хозяйки – тележка, которую используют для подачи продуктов питания на стол’; *a woman’s work is never done* – ‘**работе по дому** конца нет’ дословно ‘**женской работе** конца нет’ [CERPD]; *I can sew like any woman* ‘Я могу шить, как любая женщина’ [BNC]; *...the same responsibility in teaching her daughter all things concerning **the domestic duties of a wife*** ‘...такая же ответственность в обучении своей дочери всему, касающемуся домашних обязанностей жены’ [BNC];

Прыбіраць – *справа жаночая; прасаванне бялізны* – *выключна жаночы клопат; кухарства* – *кроўны жаночы клопат* [NK].

Интересен тот факт, что в белорусском языке наименования лиц женского пола и производные от них единицы широко используются в названиях торговых марок производителей продуктов питания (*каўбаса*

“*Цешчын пачастунак*”; “*Цешчына каўбаска*” (сыравяленая); ТМ “*Бабулін гладыш*”; ТМ “*Бабуліна крынка*” и др.). Представляется, что благодаря использованию номинаций с семантическим признаком пола ‘женский’ происходит экспликация разных типов знаний о типичных занятиях и навыках представительниц женского пола в белорусском языковом сообществе.

Семантику наименований лиц женского пола в сопоставляемых языках сопровождает и такой признак, как ‘забота’:

to mother – bring up (a child) with care and affection ‘воспитывать (ребенка) с заботой и любовью’ [ODOE]; *The natural anxiety of any wife for her husband’s well-being*. ‘Естественная забота любой жены о здоровье своего мужа’; *You behave like a woman, running round looking after people* ‘Ты ведешь себя как женщина, бегая и заботясь о людях’ [BNC];

... было многа дзяцей і многа шчаслівага жаночага клопату; ... яна выявіць, як яе патрэба ў бацькавай апецы, **матчыным клопаце** і страснай любові будзе задавальняцца ідэальным чынам; **сястрынскія клопаты**; **мамінымі клопатамі** [НК].

Психологические и поведенческие характеристики, сопряженные с семантическим признаком пола ‘женский’, представлены и такими взаимосвязанными и зачастую одновременно актуализирующимися признаками, как ‘нежность / теплота’:

womanly – possessing qualities, such as warmth, attractiveness, etc. ‘обладать такими качествами, как теплота, привлекательность и т.д.’ [CED]; женственный, мягкий, нежный [UERD]; ...*he said, as gently as a mother* ‘...сказал он так нежно, как мать’; ...*with the tenderness, nay, even shyness, of a woman* ‘...с нежностью/мягкостью, нет, даже робостью, женщины’ [BNC]; *girl boy* ‘неженка’ [BARC];

Печ прыгорне нас, як матка; Брыняла зямля няшчотаю нявесты маладой, цяплынёю курылася ласкавай; ...яму не хапае цяпла Маці і Радзімы; ...столькі сястрынскай любові і няшчоты жыло ў ёй...; сонечнай паэзіяй залатога лісця і амаль па-жаночы няшчотных дотыкаў ціхага, светлага, лёгкага павуціння; ціха і па-жаночаму ласкава [НК].

В значениях конститuentов лексических парадигм с семантическим признаком пола ‘женский’ были также выявлены компоненты, репрезентирующие представления об интеллектуальной ограниченности (‘глупости’):

Why do you panic like a silly girl? ‘Чего ты паникуешь, как глупая девица?’ [BNC]; *a wife – a woman, esp. an old or uneducated one* ‘жена – баба, женщина, особенно старая или необразованная’ [ODOE]; *Some people refer to women as girlies, especially when they think they are not as intelligent or able as men* [COBUILD] ‘Иногда люди называют женщин девицами, особенно если они думают, что они не такие умные и способные, как мужчины’; *dumb blonde* ‘тупая блондинка (с привлекательной внешностью, но скудным умом)’ [UERD];

Кароткі бабскі розум; От, дурнота бабская!; кабечы розум; гэтых бабскіх глупстваў; Гарадзіла б дзівочыя глупствы...; Што гэта – глупства бландзінкі ці паталагічная прага адрэналіну? [НК].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что для значений английских наименований представительниц женского пола характерна актуализация компонентов, репрезентирующих представление о женщине как об объекте сексуального интереса:

a hot mama ‘знойная женщина, секс-бомба’ [CERPD]; *lady of pleasure* ‘куртизанка’; *to girl* ‘крутить любовь, ходить по девкам’ [UERD]; *wine, women, and song* ‘the hedonistic life of drinking, sexual pleasure, and carefree entertainment proverbially required by men’ ‘вино, женщины и песня – гедонистическая жизнь: употребление алкоголя, сексуальное наслаждение и легкомысленные развлечения, согласно пословице, необходимые мужчинам’ [ODOE]; *blonde bombshell* – *a woman with blonde hair who is very sexually attractive* ‘сногшибательная блондинка – женщина со светлыми волосами, которая очень сексуально привлекательна’ [COBUILD].

В белорусском языке признак ‘сексуальность’ эксплицируется в отдельных контекстуальных употреблениях, характерных только для современных публицистических текстов:

Жаночая сэксуальнасць раскрываецца ў руках толькі каханага...; Гэты час лічыцца росквітам жаночай сэксуальнасці; Сэксуальнасць дзяўчыны псуюць адно – рукі [NK].

Как показали результаты исследования, значениям номинаций лиц женского пола в английском и белорусском языках присуща еще одна общая, сопряженная с семантическим признаком пола ‘женский’ характеристика – ‘плаксивость’:

He cried like a girl ‘Он плакал как девчонка’; *I should see if a few womanly tears would be a good ploy* ‘Следует посмотреть, станут ли несколько женских слез хорошей уловкой’ [BNC];

А то адзін грэх з вамі: разрумзаешся, як баба; ...і яна заплакала ціха і пакорна – звычайнымі дзявочымі слязамі... [NK].

Анализ языкового материала указывает на то, что признак ‘плаксивость’ в семантике изученных наименований лиц женского пола в английском языке сопряжен с такой характеристикой, как ‘трусливость’:

I am literally shaking. And I'm crying like a fucking girl, but silently ‘Я буквально дрожу. И я плачу как чертова девчонка, но молча’ [BNC]; *to play the woman* ‘плакать, трусить; вести себя, как не подобает мужчине, быть «бабой»’ (ср. с *to play the man* ‘вести себя, поступать, как подобает мужчине’) [CERPD].

В значениях белорусских номинаций лиц женского пола данная характеристика не была выявлена. Более того, наименованиям лиц с семантическим признаком пола ‘женский’ в белорусском языке свойственны компоненты значений, репрезентирующие признак ‘болтливость’ и не характерные для семантики английских номинаций женщин²⁷:

²⁷ Можно предположить, что данный признак являлся одним из мотивирующих в семантике производных от слов *mother-in-law* и *woman* в названиях растений *mother-in-law's tongue* ‘сансевиерия (дословно язык тещи)’ и *woman's tongue* ‘мимоза (дословно язык женщины)’. Тем не менее это предположение нельзя подтвердить или опровергнуть, исходя из описаний свойств и характеристик данных растений в специализированных изданиях. Актуализации этого признака в других значениях дериватов и контекстуальных употреблениях слов *mother-in-law* и *woman* не было выявлено.

Ты шмат п'еш, Дзітрых, а калі чалавек вып'е, ён робіцца балбатлівы, як жанчына; Карову б'ець зык, а бабу – бабскі язык [NK].

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что семантике конститuentов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках свойственна репрезентация весьма схожего набора поведенческих и психологических характеристик, ассоциируемых с представителями разных полов и гендерных ролей в изучаемых языковых сообществах. Среди свойств данного типа были выделены единичные признаки, репрезентирующие специфические в сопоставляемых языковых сообществах знания и представления об изучаемой категории.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Физиологические признаки формируют третий тип прагматических характеристик, актуализируемых в значениях конститuentов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках. Признаки данного типа репрезентируют элементы знания о специфике физиологии мужского и женского организмов.

Проведенное исследование позволило установить, что в значениях английских и белорусских номинаций лиц мужского пола профилируется признак 'сила':

...James ordered the attendant, a blowsy woman with the strength of a man. 'Джеймс отдал указание своей сопровождающей, толстой и краснощекой женщине с силой мужчины' [BNC];

manly strength, male power [BNC] = *мужчынская сіла, мужчынская моц* [NK];

Вясковы дом. Тут зруб звычайны і сіла бацькавай рукі; Узяцца так, каб дух ёй зацяло. Моцна, як мужчына! [NK].

В отличие от наименований представителей мужского пола, в семантике наименований лиц женского пола эксплицируется противоположный физиологический признак 'слабость':

a weak sister 'слабак, "баба"' [CERPD]; *granny knot – a type of knot that looks similar to a square knot but is much less strong* [MWOD] 'бабий узел – тип узла, который похож на квадратный узел, но является гораздо менее прочным (дословно сильным)'; *He was fighting like a girl.* 'Он дрался, как девчонка'; *There was just a trembling being as vulnerable as any other woman.* 'Там было просто дрожащее существо, такое же уязвимое, как и любая другая женщина' [BNC];

Сам ведаешь, слабасць жаночая; ...і голас яго – о не, зусім не дзявочы, не слабы! [NK].

Более того, в значениях конститuentов лексических парадигм с семантическим признаком пола 'женский' репрезентируется информация о 'фертильности', свойственной женскому организму:

queen – a reproductive female in a colony of social ants, bees, wasps, etc; 'королева – репродуктивная самка в колонии общественных муравьев, пчел,

ос и т.д.’ [ODOE]; *to mother – to give birth to or produce* ‘порождать, производить’ [CED]; *...the chief function of a woman is to give birth* ‘...основная функция женщины – рожать’; *Because a girl can make babies* ‘Потому что (любая) девушка может забеременеть и родить’ [BNC];

цяжарнасць нявесты / жонкі / дзяўчыны; лона жанчыны / у лоне жанчыны / жаночае чэрава; Цяжарнасць жанчыну ўпрыгожвае [NK]; *У чым маці нарадзіла* ‘без усялякага адзення, голы’ [ТСБМ].

Таким образом, как в английском, так и в белорусском языке для семантики конституентов лексических парадигм по признаку пола характерно профилирование признаков, репрезентирующих разные типы знаний о физиологическом устройстве мужского и женского организмов, что отражает их важность в общей системе знаний о человеке.

2.4.2. Наименования животных

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Данные, полученные в результате исследования, указывают на то, что значениям наименований самцов и самок животных в английском и белорусском языках свойственны признаки, репрезентирующие перцептивные характеристики обозначаемых особей противоположных полов. К признакам данного типа относится информация об ‘особенностях внешности’ самцов и самок разных видов млекопитающих и птиц. Например:

...like a lion’s mane... ‘как грива льва’; *...like a cock’s comb* ‘как гребешок петуха’; *A cast-iron corkscrew in the shape of a cow’s head is ideal for wine lovers...* ‘Чугунный штопор в виде головы коровы идеально подходит для любителей вина...’; *Bill of drake is blackish, of duck greyish.* ‘Клюв селезня – черноватый, утки – сероватый’ [BNC];

...на шыі каралі, як у індыка; Котак з каўтунамі мы стрыжэм у стылі льва; ...перакрыжаваныя лініі, падобныя на лапу пеўня; І шыя у яго была нейкая курыная; ...і сквіцы ў яго, як у львіцы [NK].

Перцептивные признаки в значениях наименований животных противоположных полов репрезентируют также элементы знаний о ‘звуках’ и ‘запахе’, свойственных самцам и самкам обозначаемых животных:

the crow of a cock ‘кукареканье петуха’; *the sounds a cow makes* ‘звуки, которые издает корова’; *rammish – like a ram, esp in being lustful or foul-smelling* [CED] ‘как баран, похотливый или дурно пахнущий’; *...complaint about a ‘tom cat smell’* ‘...жалоба на «запах кота (самца)»’; *...to castrate him like a stinking boar* [BNC] = *...вылегцаць, як смярдзючага кноразы* [NK]; *...like a smell of a bitch on heat* ‘как запах суки во время течки’ [BNC];

...быў ранены, зваліўся на дарогу ды равеў, як бык, аж пакуль не памёр; ...было вядома павер’е, калі курыца заспявае як певень, значыць у ёй жыве нячыстая сіла...; Мычаць як каровы; Жанчына як курыца, квокча; Падумаў яшчэ, што зямля, засыпаная снегам, пахла мядзведзіцай [NK].

Таким образом, как в английском, так и в белорусском языке набор перцептивных признаков в семантике полomarкированных наименований животных совпадает и способствует реализации элементов знаний об особенностях внешности, характерных звуках и запахе самцов и самок млекопитающих и птиц.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Проведенное исследование позволило установить, что в значениях наименований самцов и самок животных реализуются также психологические и поведенческие признаки, коррелирующие с аналогичным типом характеристик в значениях наименований лиц противоположных полов. Данный тип выявленных свойств репрезентирует информацию о специфике психологических и поведенческих качеств, приписываемых самцам. Так, в значениях наименований животных с семантическим признаком пола 'мужской' как в английском, так и в белорусском языке профилируется признак 'сексуальная активность'. Например:

stallion sort [NDOCIE] / *a gay dog* [CERPD] / *jolly dog* [UERD] / *ram* [CED] – *a sexually active man* 'сексуально активный мужчина';

...як рэзвы і палкі жарабец; Потым, спатолюшы свой ненасытны юр самца, усеўся на арбу [NK].

Еще одним свойством в ряду психологических и поведенческих характеристик, присущих наименованиям самцов, является признак 'агрессивность':

cock rock – *an aggressive style of rock music performed by male bands* [CED] 'агрессивный стиль рок-музыки, который исполняют мужские группы'; *fierce as a bull in fits* 'разъяренный, как бык' [CERPD];

Як певень перад бойкай, натапырыўся Мікола; Што сунуўся, як бык? На свайго! На немца не сунуўся... [NK].

Несмотря на наличие в значениях английских и белорусских номинаций самцов общих признаков в семантике данных лексических единиц были выявлены компоненты, репрезентирующие специфические для номинаций исследуемых языков характеристики. Так, в английском языке в значениях наименований животных с семантическим признаком пола 'мужской' профилируется признак 'доминирование / превосходство', например:

cock of the walk – *someone who dominates others within a group* [ODOE] 'тот, кто доминирует над другими в группе'; *важная персона, местный заправила, хозяин положения* [UERD];

lion – *someone who is important, successful or powerful* [CALD] 'важный, успешный или влиятельный могущественный человек'; *влиятельный, уверенный в себе человек: society / literary lion* [UERD].

В значениях наименований самцов животных в белорусском языке данный признак не был установлен. Более того, исследуемый материал указывает на то, что семантике ряда белорусских номинаций особой мужского пола присуща такая характеристика, как 'упрямство':

...упёрся, як бык, ні ў якую; На лекцыях ён упарта, як той вол, пісаў канспекты...; Кажу так – маўчыць, перажывае, але ж “упёрты”, як баран: працу мяняць не буду – і кропка; ...а то ты як казёл упёрся адзін супраць усіх [НК].

Специфика указанных характеристик заключается в том, что данные психологические и поведенческие признаки в природе могут быть присущи и самцам, и самкам разных видов животных. Однако семантике наименований самок соответствующего вида (например, *lioness* ‘львица’, *hen* ‘курица’ и др. в английском языке и *карова*, *авечка*, *каза* и др. в белорусском) такие характеристики не свойственны. Наименования животных с семантическим признаком пола ‘женский’ ассоциируются в исследуемых языках с иным набором психологических и поведенческих характеристик, коррелирующих с аналогичными свойствами в значениях наименований лиц женского пола. Набор данного типа признаков в сопоставляемых языках совпадает и представлен такими характеристиками, как ‘забота’ и ‘глупость’, приписываемыми особям женского пола в изучаемых языковых системах:

I have gathered thy children as a hen gathers her chicks under her wings ‘Я собрал твоих детей, как курица собирает цыплят своих под крылья’; *Like a vixen with only one whelp* ‘Как лисица с единственным щенком’ [BNC];

Зоя – яна добрая, кланатлівая. Над ім трасеца, нібы курыца над кураняткам; Як арліца крылом закрывае парой арлянят маладых... [НК];

I never thought she had the sense of a hen. – She was cleverer than all of us, – protested my mother ‘Никогда бы не подумал, что у нее ум курицы. – Она была умнее всех нас, – возразила моя мать’; *...she knew as much of science as a cow does of conic sections...* ‘...она знала о науке столько, сколько корова о конических сечениях...’ [BNC].

Куды табе курынымі жаночымі мазгамі зразумець гэта; А я кажу, што ты дурны, як авечка [НК].

Стоит, однако, заметить, что свойство ‘трусливость’, актуализируемое в семантике ряда наименований самок в английском языке, реализуется в значениях только одной белорусской единицы *авечка*:

hen-hearted ‘трусливый’ [UERD]; *...eyes like a frightened doe’s* ‘...глаза, как у испуганной самки’ [BNC];

Спалохаўся кракадзіл, уцёк, нібы авечка [НК].

Как следует из полученных в результате исследования данных, за исключением отдельных свойств, набор психологических и поведенческих характеристик, актуализируемых в значениях самцов и самок животных в английском и белорусском языках, совпадает и коррелирует с характеристиками, присущими семантике наименований лиц противоположных полов.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

В числе характеристик, актуализируемых в значениях изучаемых наименований животных в английском и белорусском языках, были выявлены признаки, относящиеся к физиологическим свойствам обозна-

чаемых особей. Отличительной особенностью номинаций самцов животных является признак ‘сила’, непрофилируемый в соответствующих наименованиях самок:

strong as a bull ‘сильный, как бык’ [CERPD], *to ram – to crash with force* [CED] ‘разрушать с силой (таранить)’; *roughly force into place* [ODOE] ‘заталкивать с силой (вбивать, вколачивать)’ [BNC];

Яшчэ ў трэцім класе быў моцны, як бык...; ...на дзесяць вёдзер вады каровам носіць! Яна як конь! [НК].

В отличие от наименований животных с семантическим признаком пола ‘мужской’, для значений номинаций с семантическим признаком пола ‘женский’ характерна репрезентация физиологического признака ‘фертильность’:

...I wrote as naturally as a hen laying eggs [BNC] ‘Я писал так же естественно, как курица несет яйца’; *broodmare* ‘племенная кобыла, конематка’ [UERD]; *ewe* → *to ewe* ‘овца → ягниться’ [НАРБС];

авечка / каза коціца; кабыла / жарабіца / асліца / вярблюдзіца жарабіца; карова целіца [ТСБМ].

Иных физиологических характеристик в семантике полomarкированных наименований животных в английском и белорусском языках не было выявлено.

УТИЛИТАРНЫЕ ПРИЗНАКИ

В результате проведенного анализа было выявлено, что физиологический признак ‘фертильность’ в семантике наименований самок животных сопряжен с экспликацией широкого круга знаний не только о процессе зачатия, рождения и вскармливания потомства особями женского пола, но и об опыте использования получаемых в результате этого процесса продуктов в жизнедеятельности человека: *cow’s milk* ‘коровье молоко’; *the milk of the bitch* ‘молоко суки’; *a goose egg* ‘гусиное яйцо’; *a hen’s egg* ‘куриное яйцо’ [BNC]; *авечае малако / сыр, каровіна малако / масла / сыр; сыр з малака буйваліцы; малако ваўчыцы; малако казы; кабылячае доіва* [НК] и т.д. Указанные компоненты значений репрезентируют знания об утилитарных признаках ‘удойность / кладка яиц’, ассоциируемых с наименованиями самок млекопитающих и птиц в исследуемых языковых сообществах:

He even knew the average milk production of a sow ‘Он даже знал среднюю удойность свињи’ [BNC].

Напрыклад, малаком мядзведзіхі вылечваюць ад цяжкай хваробы дзіця [НК].

Признаки данного типа свойственны значениям только наименований самок животных как в английском, так и в белорусском языке.

Таким образом, как показывают результаты проведенного исследования, семантика производных от конститuentов лексических парадигм по признаку пола, а также контекстуальное употребление исследуемых единиц предоставляют доступ к широкому спектру признаков, репрезентирующих различные

элементы знаний о свойствах и характеристиках, сопряженных с признаком пола. Анализ исследуемого языкового материала указывает на то, что типы ассоциируемых с семантическим признаком пола характеристик совпадают в значениях исследуемых наименований как в английском, так и в белорусском языке: перцептивные, психологические и поведенческие, физиологические, утилитарные (табл. 2.2, 2.3).

Т а б л и ц а 2.2

Актуализация признаков, сопряженных с семантическим признаком пола, в значениях наименований живых существ мужского пола в английском и белорусском языках

Признаки	Номинации лиц мужского пола		Номинации самцов животных	
	английский язык	белорусский язык	английский язык	белорусский язык
Перцептивные				
особенности внешности	+	+	+	+
размер (крупный)	+	+	-	-
иные	+	+	+	+
Психологические и поведенческие				
доминирование / превосходство	+	+	+	-
агрессивность	+	-	+	+
сексуальная активность	+	+	+	+
храбрость / смелость	+	+	-	-
рациональность / рассудительность	+	+	-	-
авторитет	+	+	-	-
твердость / жесткость	+	+	-	-
обязанность / ответственность	+	+	-	-
защита	+	+	-	-
помощь	-	+	-	-
ласка	-	+	-	-
упрямство	-	-	-	+
Физиологические				
сила	+	+	+	+

Более того, спектр свойств, присущих наименованиям живых существ в свете оппозиции ‘мужской – женский’ в английском и белорусском языках, также весьма схож, за исключением нескольких характеристик из группы поведенческих и психологических признаков (см. табл. 2.2, 2.3). Например,

признак ‘упрямство’ эксплицируется только в значениях белорусских наименований самцов животных, признаки ‘помощь’ и ‘ласка’ находят актуализацию в значениях белорусских номинаций лиц мужского пола, но не сопряжены с семантическим признаком пола ‘мужской’ в английском языке; не характерный для исследуемых белорусских номинаций признак ‘трусливость’ профилируется в значениях разных наименований живых существ женского пола в английском языке, а свойство ‘болтливость’ присуще значениям только белорусских номинаций лиц женского пола.

Т а б л и ц а 2.3

Актуализация признаков, сопряженных с семантическим признаком пола, в значениях наименований живых существ женского пола в английском и белорусском языках

Признаки	Номинации лиц женского пола		Номинации самок животных	
	английский язык	белорусский язык	английский язык	белорусский язык
Перцептивные				
особенности внешности	+	+	+	+
размер (небольшой)	+	+	-	-
иные	+	+	+	+
Психологические и поведенческие				
забота	+	+	+	+
плаксивость	+	+	-	-
трусливость	+	-	+	-
глупость	+	+	+	+
сексуальность	+	+	-	-
женский труд / домашние обязанности	+	+	-	-
нежность / теплота	+	+	-	-
болтливость	-	+	-	-
Физиологические				
слабость	+	+	-	-
фертильность	+	+	+	+
Утилитарные				
удойность / кладка яиц	-	-	+	+

Немаловажно, что комплекс выявленных характеристик распространяется и на лакунарные наименования живых существ с семантическим признаком пола: *macho* (adj.) – denoting or exhibiting pride in characteristics believed to be typically masculine, such as physical **strength**, sexual **appetite**, etc. [CED] ‘мачо

(прил.) – обозначающий или с гордостью демонстрирующий характеристики, которые, как правило, считаются типично мужскими, такие как физическая сила, сексуальный аппетит и т.д.’; *Дзяржава, яна, брат, што квактуха. Глядзіць вас, курчатак; Хай жыве, калі здаровы такі, дужы, як вол* [НК].

Тем не менее, как следует из полученных результатов, далеко не все характеристики, сопряженные с семантическим признаком пола, могут репрезентироваться в значениях конститuentов исследуемых лексических парадигм, фиксирующих в своей семантике признаки данного типа. Ряду наименований выделенные признаки значений не свойственны в силу отсутствия наблюдаемых свойств у представителей того или иного вида в процессе жизнедеятельности (например, отсутствие признака ‘сила’ в значениях лексических единиц *гусак, індык, кот* и т.д.), а также, вероятно, обусловлены стереотипными представлениями носителей языка о присущих данным классам живых существ характеристиках. Например, значению белорусских номинаций *бык, асёл, баран, казёл, конь* присущ признак ‘упрямство’, в то время как значениям иных наименований самцов животных данный признак не свойственен. Более того, выявленная специфика в наборе сопряженных с признаком пола характеристик, актуализируемых в значениях разных членов исследуемых парадигм, может быть обусловлена не только социокультурной спецификой исследуемых языков, но и техническими сложностями проводимого исследования. Исчерпывающий анализ всех зафиксированных контекстов употребления исследуемых номинаций и их производных осуществить на практике очень сложно, поэтому остается возможность того, что некоторые семантические компоненты в проанализированном корпусе языковых данных не нашли актуализации.

2.5. Психолингвистическое исследование специфики значений конститuentов лексических парадигм по признаку пола

Исследователи, занимающиеся проблемами лексической семантики, отмечают, что достоверность анализа семантики языковой единицы должна быть установлена на базе нескольких методологических приемов [104; 137]. Для установления всего комплекса компонентов, присущих значениям слов, А. П. Василевич предлагает обращаться не только к данным лексикографических источников и анализу контекстуальных употреблений анализируемых номинаций, но и к психолингвистическим методам исследования присущих им значений [30, с. 10–12]. Предложенный комплексный подход к изучению семантики лексических единиц представляется закономерным в силу того, что компоненты значений, которые остаются не актуализированными на базе использованных методик, вероятно, могут с достаточной эффективностью быть обнаружены экспериментальным путем на базе психолингвистических методов исследования [149, с. 97].

Известно, что психолингвистический эксперимент успешно использовался как один из способов изучения элементов знания, репрезентируемых в значениях языковых единиц [108; 89; 113; 193; 72 и др.]. Казалось бы, для достижения

поставленной цели достаточно использовать материал уже проведенных психолингвистических исследований и обратиться к данным из таких существующих ассоциативных словарей, основанных на свободных ассоциациях широкого круга испытуемых, как Асацятыўны слоўнік беларускай мовы [277] и The Edinburgh Associative Thesaurus²⁸ [287]. Сопоставительный анализ этих ассоциативных словарей и результатов проведенного исследования свидетельствует о несомненной корреляции как спектра, так и типов характеристик, указанных к номинациям живых существ противоположных полов в ассоциативных словарях и профилируемых в их значениях под влиянием контекстуальных факторов. Задачи данного этапа исследования заключаются в установлении специфики характеристик, ассоциируемых в английском и белорусском языках со значениями конститuentов исследуемых лексических парадигм с семантическим признаком пола 'мужской' и конститuentов с семантическим признаком пола 'женский', а также выделении центральных членов исследуемой семантической категории. Решение таких специфических задач только на материале лексикографических источников не представляется возможным, что предопределило целесообразность использования направленного ассоциативного эксперимента. Несмотря на то, что данный метод лингвистического исследования не лишен недостатков²⁹, мы полагаем, что он может быть применим и для решения такой сложной задачи, как исследование специфики спектра признаков, репрезентируемых значениями конститuentов лексических парадигм по признаку пола в двух разных языковых сообществах.

В эксперименте приняли участие 116 носителей сопоставляемых языков. Участники эксперимента – белорусскоязычные студенты и преподаватели филологического факультета Белорусского государственного университета и Минского государственного лингвистического университета (65 человек), а также носители британского варианта английского языка, которые обучаются или преподают в университете графства Кент (51 человек), в возрасте от 19 до 44 лет³⁰.

Исследователи отмечают, что *минимальное* количество информантов определяется для каждого эксперимента индивидуально, в соответствии с поставленными целью и задачами, и обычно составляет 30 человек [109, с. 10; 166]. Количество участников проведенного эксперимента представляется достаточным в свете следующих наблюдений. Психолингвисти-

²⁸ Указанный ассоциативный словарь английского языка был выбран по причине того, что наше исследование выполнено на материале британского варианта английского языка. Следует также отметить, что широкомасштабное психолингвистическое исследование ассоциативной специфики лексических единиц белорусского языка проводилось в конце 70-х годов XX в. и было отражено в означенном ассоциативном словаре белорусского языка, который вышел в свет в 1981 году.

²⁹ Несовершенство данного метода исследователи видят, например, в сложности установления его валидности и надежности, а также в оценке достоверности полученных результатов и объективности их интерпретации [111, с. 74–76; 51; 231].

³⁰ Привлеченная к эксперименту возрастная группа испытуемых представляется репрезентативной в силу того, что в этом возрасте уже сформирована языковая способность личности, ее особенности и комбинаторные возможности, как правило, остаются неизменными на протяжении всей жизни [54, л. 287; 52, с. 299; 166].

ческое исследование проводилось на базе направленного ассоциативного эксперимента. В отличие от свободного ассоциативного исследования, надежность которого находится в прямой зависимости от количества испытуемых и приводимых реакций, направленный ассоциативный эксперимент позволяет сформулировать задания, ориентирующие на непосредственные ответы, и, следовательно, требует существенно меньшего количества информантов [78]. Более того, психолингвистический эксперимент не является основным методом проводимого исследования, а призван дополнить данные, полученные на базе контекстуального исследования специфики значений исследуемых лексических единиц и семантики их производных.

Как известно, на характере ассоциаций могут сказываться возраст, пол, географические условия проживания и профессия человека [52, с. 304]. Однако «принадлежность к определенному народу, одной культуре делает “центр” ассоциативного поля в целом достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяемыми в данном языке» [Там же]. Более того, поскольку цель проводимого эксперимента не была связана с социологически ориентированными вопросами и не предусматривала изучение гендерной проблематики в разных социальных группах изучаемых языковых сообществ, задача анализа фактов языка с учетом таких параметров, как пол, профессия и возраст испытуемых, не ставилась.

Эксперимент был проведен дистанционно, анонимно, в формате электронного опросника. Испытуемым было предложено указать носителей признаков в сравнениях и атрибутивных словосочетаниях. Известно, что в данных конструкциях наиболее ярко профилируются элементы знания о наличии или отсутствии какой-то черты или характеристики денотата [158, с. 14, 16; 93, с. 12], что, в свою очередь, и позволяет носителям языка восстановить денотат по каким-то указанным характеристикам. Избранный путь психолингвистического исследования «от признака к лексической единице» был обусловлен тем, что перечень наименований живых существ противоположного пола ориентировал бы информантов на установление гендерной проблематики исследования. Основная исследовательская задача данного эксперимента направлена на верификацию ранее полученных данных о том, что определенные типы знаний актуализируются в языке благодаря значениям лексических единиц с семантическим признаком пола ‘мужской’, в то время как реализации других признаков способствует семантика наименований живых существ женского пола.

В английском языке список стимулов насчитывал 21 словосочетание: например, *strong as a...*, *brave as a...*, *big as a...*, *dominant as a...*, *the domestic duties of a...*, *the care of a...*, *the warmth of a...*, *silly as a...* и т.д. В белорусском языке список стимулов включал 22 словосочетания: например, *сіла (каго / чыя?)...*, *смелы/ая як...*, *цвёрдасць (каго / чыя?)...*, *рацыянальнасць (каго / чыя?)...*, *пяшчота (каго / чыя?)*, *балбатлівы/ая як...*, *плаксінасць (каго / чыя?)...*. Дополнительно в списки стимулов исследуемых языков было внесено по 4 словосочетания-филлера, используемых в эксперименте в качестве отвлекающих внимание заданий [189, с. 11–12] (*the part of a...*, *interesting as a...*,

the language of a..., *modern as a...* / *лана (каго/чья?)...*, *дажджлівы/ая як...*, *кіслы/ая як...*, *камп'ютар (каго/чый?)*). Для получения объективных данных информантам не сообщалось о проблематике эксперимента, а исследуемые словосочетания-стимулы и филлеры приводились респондентам в хаотичном порядке.

Результаты проведенного эксперимента указывают на то, что диапазон сущностей, которым приписываются исследуемые свойства, весьма широк. Тем не менее в обширной гамме разнообразных реакций, полученных у носителей как английского, так и белорусского языка, было выявлено существенное количество наименований живых существ противоположных полов. Например, испытуемые носители английского языка дополнили словосочетание *the tenderness of a...* 'нежность...' разнообразными лексическими единицами (такими, как *steak* 'стейка', *heart* 'сердца', *night* 'ночи', *touch* 'прикосновения', *child* 'ребенка', *teddybear* 'плюшевого мишки', *flower* 'цветка', *snowflake* 'снежинки', *lamb* 'ягненка', *swan* 'лебедя' и т.д.), среди которых выделяется целый ряд номинаций с семантическим признаком пола 'женский', часть которых оказываются повторяющимися: *woman* 'женщины' хб³¹, *mother* 'матери' хб, *girl* 'девочки / девушки' х2, *siren* 'искусительницы', *mother's love* 'материнской любви', *woman's touch* 'прикосновения женщины', *her skin* 'ее кожи', *mammy* 'мамы'³².

Так как задача данного этапа исследования заключалась в выявлении ассоциаций с наименованиями живых существ противоположных полов, из всего спектра реакций для дальнейшего анализа были выделены только те лексические единицы, семантике которых присущ признак пола: наименования самцов / самок животных (англ.: *bull* 'бык', *cow* 'корова', *hen* 'курица', *ram* 'баран'; бел.: *пеўнік*, *казёл*, *котка*, *самка* и др.), номинации лиц противоположных полов (англ.: *father* 'отец', *husband* 'муж', *knight* 'рыцарь', *woman* 'женщина', *goddess* 'богиня', *wife* 'жена', *granny* 'бабушка'; бел.: *мужчына*, *хлопец*, *кабета*, *спадарыня*, *дзяўчына*, *сяброўка* и др.) и производные от них прилагательные (бел.: *мужчынская*, *дзявочая*, *мацярынская*, *жаночкая* и др.), а также женские и мужские имена собственные (англ.: *Robin Hood* 'Робин Гуд', *Aphrodite* 'Афродита'; бел.: *Ілья Мурамец*, *Алёша Паповіч*, *Валодусь*, *Анджэліна Джалі* и др.) и полomarкированные местоимения (англ. *her* 'ее'; бел.: *яго*, *ён*). Иные ассоциации опрошенных носителей английского и белорусского языков (например, *цеплыня*: *коўдры*, *кавы*, *рук*, *сонейка*, *роднага дома*, *віна*, *агну*, *адносін*, *тэрмаса*, *абдымкаў*, *печы* и т.д.) отдельно не анализировались, так как не являлись объектом исследования.

Анализ реакций испытуемых свидетельствует о селективности признаков, приписываемых наименованиям живых существ в свете оппозиции 'мужское / женское'. Данные, полученные в результате эксперимента с носителями английского языка, указывают на то, что ряд свойств и характеристик испытуемые ассоциировали только с наименованиями, семантике которых

³¹ хN – количество повторяющихся реакций с данной лексической единицей в ответах разных испытуемых.

³² Ассоциаций данного качества с лексическими единицами, семантике которых присущ признак 'мужской', не было выявлено.

присущ признак пола ‘мужской’. Самыми частотными признаками среди данных ассоциаций являются ‘сила’ (50 %), ‘смелость / храбрость’ (43 %) и ‘агрессивность’ (35 %). Признак ‘большой размер’ вызвал совсем незначительное количество ассоциаций с наименованиями живых существ мужского пола (6 %), а характеристика ‘рациональность’ была дополнена номинациями лиц мужского пола в ответах только двух опрошенных носителей английского языка (1 %) (табл. 2.4).

Наряду с данными реакциями ряд признаков был ассоциирован только с наименованиями, денотатами которых являются живые существа женского пола. Номинациями с семантическим признаком пола ‘женский’ англоязычные информанты дополнили словосочетания-стимулы, эксплицирующие такие характеристики, как ‘глупость’ (32 %), ‘нежность / ласка’ (30 %) и ‘фертильность’ (16 %). Признак ‘слабость’ вызвал только одну ассоциацию со словом *woman* ‘женщина’.

Т а б л и ц а 2.4

Признаки, ассоциированные с наименованиями живых существ только женского или мужского пола в английском языке

Признаки	N	M	F
сила	60	30 (50 %)	-
смелость / храбрость	43	23 (43 %)	-
агрессивность	52	18 (35 %)	-
большой размер	64	4 (6 %)	-
рациональность	46	2 (1 %)	-
глупость	47	-	15 (32 %)
нежность/ласка	56	-	17 (30 %)
фертильность	56	-	9 (16 %)
слабость	57	-	1 (2 %)
небольшой размер ³³	58	-	-

N – общее количество реакций, полученных относительно данного признака; M – количество реакций, содержащих наименование, семантике которых присущ семантический признак пола ‘мужской’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака; F – количество реакций, содержащих наименование, семантике которых присущ семантический признак пола ‘женский’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака.

В идентичном эксперименте с привлечением носителей белорусского языка испытуемые также ассоциировали некоторые признаки только с мужскими или женскими наименованиями (табл. 2.5). Набор признаков, сопряженных со значениями только наименований живых существ мужского пола, оказался несколько шире в ответах белорусскоязычных информантов.

³³ Данная характеристика не вызвала ассоциаций с наименованиями, семантике которых присущ признак пола.

Наиболее частотной ассоциацией к данным номинациям является признак ‘храбрость / смелость’ (80 %), существенно реже испытуемые ассоциировали номинации особей мужского пола со свойствами ‘авторитет’, ‘рациональность’ (26 %) и ‘сексуальная активность’ (24 %). Наименования самцов животных и лиц мужского пола приводились белорусскоязычными испытуемыми и к стимулам, эксплицирующим такие характеристики, как ‘твердость / жесткость’ (15 %). Наименьшее количество ассоциаций, содержащих номинации представителей мужского пола, было выявлено относительно признака ‘защита’ (6 %).

Т а б л и ц а 2.5

Признаки, ассоциированные с наименованиями живых существ только женского или мужского пола в белорусском языке

Признаки	N	M	F
смелость / храбрость	49	39 (80 %)	-
авторитет	54	14 (26 %)	-
рациональность	44	11 (26 %)	-
сексуальная активность	33	8 (24 %)	-
твердость / жесткость	50	8 (15 %)	-
защита	47	3 (6 %)	-
забота	49	-	22 (45 %)
фертильность	50	-	12 (24 %)

N – общее количество реакций, полученных относительно данного признака; M – количество реакций, содержащих наименования, семантике которых присущ семантический признак пола ‘мужской’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака; F – количество реакций, содержащих наименования, семантике которых присущ семантический признак пола ‘женский’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака.

В числе признаков, ассоциируемых носителями белорусского языка только с женскими наименованиями, выделяются всего две характеристики: ‘забота’ и ‘фертильность’, указанные информантами в 45 % и 24 % полученных реакций соответственно.

Очевидно, что ассоциирование выделенных признаков проводится по линии ‘мужское – женское’, что подтверждает гипотезу о селективности признаков, приписываемых мужским и женским наименованиям в исследуемых языках.

Равным образом в ответах англоязычных и белорусскоязычных информантов был выявлен широкий ряд общих признаков, которые могут быть ассоциированы как с наименованиями особей мужского пола, так и с номинациями представительниц женского пола. В спектре общих свойств, которые могут ассоциироваться со значениями наименований представи-

телей обоих полов, следует все же отметить разную частотность признаков, ассоциированных с женскими и мужскими номинациями. У англоязычных испытуемых такие характеристики, как ‘доминирование’, ‘авторитет’, ‘ответственность / обязательство’ и ‘твердость / жесткость’, вызвали большее количество ассоциаций с наименованиями живых существ мужского пола (табл. 2.6). В то же время признаки ‘домашние обязанности / труд’, ‘защита’, ‘забота’, ‘трусливость’, ‘сексуальность’ и ‘теплота’ намного чаще ассоциировались с наименованиями особей женского пола.

Т а б л и ц а 2.6

Спектр признаков, ассоциированных с наименованиями живых существ мужского и женского пола в английском языке

Признаки	N	M	F
доминирование	53	26 (49 %)	9 (17 %)
авторитет	60	9 (15 %)	4 (7 %)
ответственность /	57	7 (12 %)	3 (5 %)
сексуальная активность	51	5 (10 %)	5 (10 %)
твердость / жесткость	55	5 (9 %)	1 (2 %)
домашние обязанности / труд	54	5 (9 %)	32 (59 %)
защита	52	7 (14 %)	19 (37 %)
забота	61	3 (5 %)	22 (36 %)
трусливость	38	2 (5 %)	11 (29 %)
сексуальность	51	2 (4 %)	14 (28 %)
теплота	66	1 (2 %)	10 (15 %)

N – общее количество реакций, полученных относительно данного признака; M – количество реакций, содержащих наименования, семантике которых присущ семантический признак пола ‘мужской’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака; F – количество реакций, содержащих наименования, семантике которых присущ семантический признак пола ‘женский’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака.

В реакциях белорусскоязычных испытуемых прослеживается аналогичная избирательность в приписывании признаков, которые могут быть ассоциированы с представителями разных полов (табл. 2.7). Свойства ‘упрямство’, ‘сила’, ‘доминирование’, ‘помощь’, ‘агрессивность’, ‘ответственность / обязательство’ носители белорусского языка существенно чаще дополняли наименованиями самцов и лиц мужского пола. Наименования живых существ женского пола в реакциях белорусскоязычных испытуемых указывались преимущественно как носители таких признаков, как ‘нежность / ласка’, ‘сексуальность’, ‘домашние обязанности / труд’, ‘плаксивость’, ‘болтливость’, ‘теплота’, ‘глупость’ и ‘слабость’.

Спектр признаков, ассоциированных с наименованиями живых существ мужского и женского пола в белорусском языке

Признаки	Н	М	Ф
упрямство	50	39 (78 %)	2 (4 %)
сила	61	33 (54 %)	3 (5 %)
доминирование	45	18 (40 %)	3 (7 %)
помощь	56	15 (27 %)	4 (7 %)
агрессивность	48	10 (21 %)	1 (2 %)
ответственность /	51	5 (10 %)	2 (4 %)
нежность / ласка	43	3 (7 %)	40 (93 %)
сексуальность	44	9 (20 %)	23 (52 %)
домашние обязанности/труд	52	4 (8 %)	23 (44 %)
плаксивость	47	1 (2 %)	18 (38 %)
болтливость	47	1 (2 %)	14 (30 %)
теплота	57	1 (2 %)	16 (28 %)
глупость	46	2 (4 %)	11 (24 %)
слабость	50	1 (2 %)	7 (14 %)

Н – общее количество реакций, полученных относительно данного признака; М – количество реакций, содержащих наименования, семантике которых присущ семантический признак пола ‘мужской’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака; Ф – количество реакций, содержащих наименования, семантике которых присущ семантический признак пола ‘женский’, и их процент (%) от общего количества реакций, полученных относительно данного признака.

Представляется, что количественное соотношение полученных ассоциаций с наименованиями представителей противоположных полов свидетельствует о том, что, несмотря на наличие спектра общих признаков, одни характеристики воспринимаются носителями исследуемых языков как типичные маскулинные качества, в то время как иные – репрезентируют представления членов данного языкового сообщества о фемининных свойствах и характеристиках.

Количество наименований женщин и самок, ассоциируемых с типичными маскулинными характеристиками, оказалось в целом ряде случаев существенно меньше – так же, как и номинаций живых существ мужского пола в словосочетаниях, репрезентирующих фемининные признаки. Данные случаи, во-первых, представлены единичными реакциями, которые могут быть интерпретированы как индивидуальные ассоциации конкретных испы-

туемых³⁴. Например, стимул *цеплыня (каго? / чыя?)* был дополнен словом *брата*, единственным мужским наименованием из 57 полученных реакций, 16 из которых содержали лексические единицы с женским признаком пола. В словосочетании *агрэсіўнасць (каго? / чыя?)* лексическая единица *бландаынак* оказалась единственным женским наименованием среди 48 реакций, 10 из которых были представлены наименованиями живых существ мужского пола.

Во-вторых, семантике исследуемых наименований могут быть присущи признаки, совпадающие с рядом сопряженных с семантическим признаком пола свойств, но профилирующие элементы знания не столько о маскулинности / фемининности, сколько об иных, свойственных обозначаемым сущностям характеристиках. Об этом свидетельствуют такие ответы испытуемых, как *пласківасць (каго? / чаго?)* *маленькага хлопчыка*; *слабы/ая як стары дзед*; *моцны/ая, як кабыла, львіца, карова*; *dominant as a dominatrix x5* 'доминирующая, как госпожа' и т.д. Данное наблюдение справедливо и относительно терминов родства (*mother, father, daughter, dad, матуля, бацька, муж, жонка* и др.), которые испытуемые ассоциировали с целым рядом общих признаков, репрезентирующих представления о качествах, свойственных как мужским, так и женским представителям данной категории ('помощь', 'защита', 'ответственность / обязательство', 'домашние обязанности').

Следует также отметить, что наличие специфических ассоциаций в ответах английских и белорусских испытуемых может свидетельствовать о профилировании культурно обусловленных элементов знаний, сопряженных с исследуемыми наименованиями. Например, слово *queen* 'королева' фигурирует только в ответах англоязычных испытуемых как реакция на типично маскулинные характеристики: 'авторитет' (*authoritative as a...*) и 'доминирование' (*dominant as a...*)³⁵.

Более того, специфическая особенность признаков, ассоциируемых как с мужскими, так и с женскими наименованиями, состоит в том, что они сопровождаются актуализацией противоположных оценочных компонентов в зависимости от пола денотата. Например, белорусскоязычные испытуемые

³⁴ В значениях, присущих языковым единицам, репрезентируются не только общие для всех носителей языка в данном языковом сообществе элементы знаний, но и индивидуальные представления отдельных носителей данного языка о свойствах объектов и явлений окружающей действительности [241, р. 30–36].

³⁵ Данные, полученные в ходе эксперимента, содержат ряд интересных фактов о том, как социально и культурно обусловленные элементы знаний о современном мире сопряжены со значением лексических единиц. Например, в числе реакций-дополнений словосочетания *дамінаванне (каго? / чыя?)* носители белорусского языка указывали такие ответы, как *амерыканцаў, Запада*; *пладавітасць (каго? / чыя?)* – *кітайцаў*; в то время как у англоязычных испытуемых присутствовали такие ответы, как *dominant as an Asian male in a white society* 'доминирующий, как азиатский мужчина в белом обществе'; *brave as a suicide bomber* 'смелый, как террорист-смертник'; *brave as a martyr* 'смелый, как мученик'.

указали в своих ассоциациях относительно признака 'сексуальная активность' наименования живых существ только мужского пола: *мужчины х2, мужчынскі, яго х2, самца, Валодуся, юрліўца*; в то время как испытуемые носители английского языка, помимо единиц с семантическим признаком пола 'мужской' (*ram* '1) баран; 2) самец (о сексуально активном мужчине)' х3, *playboy* 'плейбой', *tom cat* 'кот (самец)'), указали и целый ряд пейоративных наименований лиц женского пола: *whore, hooker, slut, bitch, minx* 'груб. шлюха, потаскуха', свидетельствующих о том, что данная характеристика воспринимается как порицаемая для представительниц слабого пола.

В ассоциациях, полученных у носителей исследуемых языков, представлены в основном прототипичные носители соответствующего свойства или характеристики в рамках изучаемой категории. Согласно типологии Дж. Лакоффа, среди указанных испытуемыми прототипов наблюдаются типичные примеры: *бык / bull / ox* – типичные примеры 'силы', 'агрессии' и 'большого размера'; и социальные стереотипы, например: *жанчына, баба, дзяўчына* – 'болтливость' и 'плаксивость'. В реакциях к исследуемым признакам присутствуют и прототипы-идеалы: *man* 'мужчина' – 'храбрый', 'сильный', 'жесткий'; *maçi* – 'нежность / ласка', 'помощь', 'забота', 'ответственность', 'теплота'. В ряде ответов испытуемые указывали прототипы-образцы, которые репрезентируют, например, представления об образцах сексуальности – *Aphrodite, Naggy Mititsky, Анджэліна Джалі*, смелости и храбрости – *Robin Hood, Ілья Муромец, Алёша Поповіч*, присущих разным языковым сообществам. Дж. Лакофф отмечает, что прототипам отведена особая роль в системе языка и в процессе коммуникации, так как «отдельный член категории может использоваться для представления всей категории» [106, с. 33], что имеет особый исследовательский интерес в перспективе дальнейшего исследования.

Следует также отметить, что спектр признаков, ассоциируемый с наименованиями самцов и самок, существенно уже спектра признаков, который информанты ассоциировали с наименованиями лиц противоположного пола (табл. 2.8). Изучение значений дериватов и контекстуальных употреблений анализируемых наименований на предыдущем этапе исследования предоставило коррелирующие данные относительно спектра характеристик, сопряженных с признаком пола, в значениях живых существ. Исходя из данных, полученных на базе разных методик исследования, представляется, что характеристики, свойственные семантике наименований животных разных полов, репрезентируют элементы знания о физиологических и поведенческих свойствах, присущих особям противоположных полов в природе, и эксплицируют, таким образом, представления о признаках, связанных с естественной полодифференциацией в мире животных (например, 'силе' и 'агрессивности' самцов, с одной стороны, и 'плодовитости' самок – с другой).

Специфическая особенность выявленных компонентов значений наименований особей противоположного пола состоит в том, что выделенные признаки не только контрастны, но и взаимообусловлены, так как наличие данных свойств и характеристик у особей противоположных полов является необходимым условием их сосуществования как для воспроизведения потомства, так и для выживания в природе.

Т а б л и ц а 2.8

Признаки, ассоциируемые с наименованиями живых существ
противоположного пола

Признаки	Английский язык		Белорусский язык	
	наименования лиц	наимено- вания животных	наименования лиц	наимено- вания животных
сила	+	+	+	+
смелость / храбрость	+	+	+	+
агрессивность	+	+	+	+
доминирование	+	+	+	-
твердость / жесткость	+	+	+	-
большой размер	+	+	-	-
сексуальная активность	+	+	+	-
упрямство	-	-	+	+
помощь	-	-	+	-
ответственность /	+	-	+	-
авторитет	+	-	+	-
рациональность	+	-	+	-
защита	+	-	+	-
сексуальность	+	-	+	-
фертильность	+	+	+	+
глупость	+	+	+	+
слабость	+	-	+	+
домашние обязанности /	+	-	+	-
забота	+	-	+	-
нежность / ласка	+	-	+	-
трусливость	+	-	-	-
теплота	+	-	+	-
плаксивость	-	-	+	-
болтливость	-	-	+	-

Набор свойств и характеристик, ассоциируемых с наименованиями лиц противоположного пола, гораздо шире и, вероятно, репрезентирует представления не столько о естественном противопоставлении по признаку пола, сколько о гендерной дифференциации в том или ином языковом

сообществе, так как обусловлен не только знаниями о свойствах, объективно присущих представителям мужского и женского пола, но и социально-детерминируемыми представлениями об отличительных чертах представителей разных гендерных ролей.

Специфическая особенность исследуемых признаков заключается в том, что установить четкую грань между теми признаками, которые репрезентируют представления о маскулинности, и характеристиками, воспринимаемыми носителями исследуемых языков как типичные фемининные свойства и качества, очень сложно. Представляется, что спектр признаков в свете противопоставления 'мужское / женское' образует своего рода градацию характеристик по шкале с двумя полярными точками 'маскулинность' и 'фемининность'. Вероятно, какие-то признаки располагаются в непосредственной близости от одного из полюсов, репрезентируя прототипические характеристики в свете оппозиции 'мужской / женский'. Остальные признаки находятся с разной степенью отдаленности от одного из полюсов и воспринимаются носителями языка как более или менее типичные характеристики представителей изучаемой категории.

Результаты проведенного эксперимента верифицируют ранее полученные данные о том, что, как в английском, так и в белорусском языке, значения конституентов исследуемых лексических парадигм способствуют реализации в языке не только ядерных семантических признаков 'мужской – женский', но и ряда иных признаков, которые репрезентируют определенные типы знаний о физиологических и психологических ('сила', 'фертильность', 'твердость / жесткость', 'смелость / храбрость', 'плаксивость', 'нежность' и др.) характеристиках представителей разных полов и гендерных ролей, а также представления о социальном распределении присущих им функций ('домашние обязанности / труд', 'защита', 'забота' и т.д.).

2.6. Релевантность признаков, сопряженных с семантическим признаком пола, для конституентов лексических парадигм

Данные, полученные с помощью разных методов исследования значений конституентов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках, указывают на то, что прагматические характеристики, сопряженные с семантическим признаком пола, не являются обязательными для всех членов исследуемой категории. Задача данного этапа исследования заключается в установлении релевантности выявленных типов характеристик во всей системе наименований живых существ противоположных полов в английском и белорусском языках. Решение поставленной задачи предполагает определение того, насколько широко сопря-

женные с семантическим признаком пола характеристики представлены в разных классах наименований живых существ, сопоставление набора выявленных типов прагматических характеристик в английском и белорусском языках и установление представленности данных типов признаков в подсистеме полмаркированных наименований живых существ, в семантике которых актуализируются сопряженные с семантическим признаком пола свойства.

Проведенное исследование показало, что ассоциируемые с семантической категорией пола характеристики находят репрезентацию в значениях ограниченной группы номинаций живых существ противоположных полов: 92 ЛЕ из 283 ЛЕ в английском языке и 112 ЛЕ из 3 347 ЛЕ в белорусском языке, что составляет 32,5 % и 3,3 % соответственно от общего состава лексических парадигм в данных языках.

Анализ полученных в сопоставляемых языках данных свидетельствует о том, что количество наименований лиц, в значениях которых осуществляется реализация сопряженных с семантическим признаком пола свойств, превосходит число наименований животных, профилирующих такого рода характеристики (табл. 2.9).

Т а б л и ц а 2.9

Актуализация сопряженных с семантическим признаком пола характеристик в разных семантических классах наименований живых существ

Семантические классы наименований живых существ	Английский язык			Белорусский язык		
	I	II	III	I	II	III
Наименования лиц	257	67	26 %	3 255	62	2 %
Наименования животных	26	25	96 %	92	50	54 %

I – общее количество конstituентов лексических парадигм данного класса; II – количество конstituентов лексических парадигм данного класса, значениям которых присущи сопряженные с семантическим признаком пола характеристики; III – процентное соотношение конstituентов, значениям которых присущи сопряженные с семантическим признаком пола характеристики, от общего количества конstituентов лексических парадигм данного класса.

Однако в процентном соотношении номинации лиц, реализующие в своих значениях выявленные прагматические характеристики, составляют небольшую долю единиц от общего количества конstituентов исследуемых лексических парадигм этого класса: 26 % в английском и 2 % – в белорусском языке. Что касается репрезентации сопряженных с семантическим признаком пола свойств в классе наименований животных, то из 26 консти-

туентов лексических парадигм по признаку пола 25 ЛЕ (96 %) профилируют в своих значениях ассоциируемые с половым признаком характеристики в английском языке. В белорусском языке значения 50 ЛЕ (54 %) из 92 наименований самцов и самок животных, образующих лексические парадигмы, репрезентируют свойства, ассоциируемые с исследуемой семантической категорией.

Как в английском, так и в белорусском языке репрезентация изучаемых характеристик свойственна значениям далеко не всех наименований живых существ и характерна для значений номинаций, которые принадлежат к определенным семантическим подклассам (табл. 2.10).

Актуализация информации о сопряженных с семантической категорией пола свойствах наблюдается в значениях наименований млекопитающих и птиц противоположного пола из всех подклассов полонимированных номинаций, свойственных сопоставляемым языкам. Репрезентация ассоциируемых с семантическим признаком пола компонентов в значениях номинаций лиц осуществляется преимущественно из трех основных семантических подклассов: НЛ по общественному положению / социальной принадлежности, НЛ по профессии и роду деятельности, НЛ по родству.

Исследование специфики актуализируемых в данных номинациях компонентов свидетельствует о разной степени значимости сопряженных с полом характеристик для указанных семантических классов наименований лиц противоположных полов в английском и белорусском языках. Так, наименованиям лиц по профессии и роду деятельности свойственен минимальный набор сопряженных с семантическим признаком пола характеристик, ограничивающийся признаками, которые указывают на особенности внешности представителей данных профессий (например: ...*it made her look like an air hostess* 'это сделало ее похожей на стюардессу' [BNC]; ...*выглядае не як жыхарка вёскі, а, хутчэй, як настаўніца з горада. Сіні касцюм, белая кашуля, туфлі, строгая прычоска* [NK]). Исключение составляют некоторые английские наименования лиц мужского пола по профессии и роду деятельности – такие, как *headmaster, businessman, chairman, steward, shepherd*, профилирующие в своих значениях признаки 'превосходство / доминирование' и 'ответственность'. Тем не менее представляется, что в данных случаях психологические и поведенческие признаки, совпадающие с характеристиками, сопряженными с признаком пола, профилируют элементы знания не столько о дифференциации по половому признаку, сколько о свойствах и качествах, необходимых для представителей данной профессии или рода деятельности.

Актуализация сопряженных с семантическим признаком пола характеристик
в разных подклассах наименований живых существ
в английском и белорусском языках

Семантические подклассы наименований живых существ	Английский язык			Белорусский язык		
	I	II	III	I	II	III
Наименования лиц						
НЛ по профессии и роду деятельности	98	14	14 %	1 452	10	0,7 %
НЛ по общественному положению / соц. принадлежности	37	16	43 %	130	14	11 %
НЛ по отношениям родства и породнения	34	16	47 %	46	17	37 %
Иные	88	21	24 %	1 627	21	1 %
Наименования животных						
Наименования домашних видов млекопитающих	14	14	100 %	37	28	76 %
Наименования диких видов	6	5	83 %	27	11	41 %
Наименования домашней птицы	6	6	100 %	10	8	80 %
Наименования диких видов птиц	-	-	-	16	3	19 %

I – общее количество конstituентов лексических парадигм данного подкласса; II – количество конstituентов лексических парадигм данного подкласса, значениям которых присущи сопряженные с семантическим признаком пола характеристики; III – процентное соотношение конstituентов, значениям которых присущи сопряженные с семантическим признаком пола характеристики, от общего количества конstituентов лексических парадигм данного подкласса.

Как в английском, так и в белорусском языке для класса наименований лиц по общественному положению и социальной принадлежности свойственен более широкий спектр сопряженных с семантическим признаком пола свойств, чем для наименований лиц по профессии и роду деятельности. Самый широкий набор ассоциируемых с семантическим признаком пола характеристик в сопоставляемых языках присущ наименованиям лиц по родству. Так, в исследованном корпусе данных английского языка наименованиям лиц по родству с семантическим признаком пола ‘мужской’ свойственны все признаки, за исключением характеристики ‘агрессивность’. В данной группе английских наименований лиц женского пола неактуализированным оказался только физиологический признак ‘слабость’. Результаты исследования эмпирического материала в белорусском языке свидетельствуют о том, что в значениях наименований лиц по родству мужского пола актуализируются все свойства, сопряженные с семантическим признаком пола, за исключением характеристики ‘сексуаль-

ная активность'. В значениях номинаций лиц женского пола в группе наименований лиц по родству в белорусском языке не были выявлены только такие признаки, как 'слабость', 'глупость', 'сексуальность' и 'небольшой размер'.

Таким образом, связь определенного набора сопряженных с полом прагматических характеристик с разными лексико-семантическими подклассами наименований лиц указывает на разную степень релевантности выделенных типов признаков для тех или иных подклассов обозначаемых лиц.

Установление релевантности признаков в семантике лексических единиц может осуществляться разными путями [45]. В силу специфики исследуемого материала анализ частотности реализации выделенных признаков в контекстуальном употреблении исследуемых конstituентов технически является сложно осуществимым, так как требует выделения доли всех возможных признаков, реализующихся контекстуально в значениях анализируемых лексических единиц [25; 26]. В нашем исследовании было использовано два других критерия установления релевантности выявленных типов прагматических характеристик для конstituентов лексических парадигм по признаку пола, репрезентирующих в своих значениях сопряженные с семантическим признаком пола свойства.

Первый критерий релевантности заключается в сопоставлении набора признаков в выделенных типах прагматических характеристик. Проведенный анализ указывает на то, что, как в английском языке, так и в белорусском, конstituенты лексических парадигм по признаку пола характеризуются одинаковой широтой признаков в выделенных типах прагматических свойств. Наиболее широкий набор сопряженных с семантическим признаком свойств представлен среди психологических и поведенческих характеристик. Существенно уже набор перцептивных признаков наименований живых существ противоположных полов. Наименьшее количество признаков было выявлено в числе физиологических и утилитарных типов выделенных характеристик.

Второй критерий релевантности основан на выявлении представленности исследуемых характеристик в значениях конstituентов, репрезентирующих сопряженные с семантическим признаком пола свойства.

Существенным для семантики *наименований лиц мужского пола* в сопоставляемых языках является комплекс признаков, репрезентирующих психологические и поведенческие характеристики. Признаки данного типа профилируются в значениях 86 % выделенных номинаций лиц мужского пола в английском языке и 79 % в белорусском (табл. 2.11). Перцептивные характеристики, сопряженные с семантическим признаком 'мужской', эксплицируются в значениях 49 % английских и 57 % белорусских наименований лиц мужского пола. Физиологическая характеристика, сопряженная с исследуемой семантической категорией, представлена в значениях наименьшего количества исследуемых номинаций представителей мужского пола как в английском (42 %), так и в белорусском языке (28 %).

Представленность разных типов прагматических характеристик в значениях конститuentов лексических парадигм по признаку пола

Конститuentы лексических парадигм	Перцептивные признаки		Психологические и поведенческие признаки		Физиологические признаки		Утилитарные признаки	
	англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.
Наименования лиц мужского пола	49 %	57 %	86 %	79 %	42 %	28 %	-	-
Наименования самцов животных	72 %	56 %	82 %	59 %	77 %	30 %	-	-
Наименования лиц женского пола	73 %	85 %	65 %	61 %	32 %	24 %	-	-
Наименования самок животных	62 %	17 %	85 %	22 %	54 %	57 %	54 %	48 %

Так же, как и для наименований лиц мужского пола, значимыми в семантике *наименований самцов животных* являются психологические и поведенческие характеристики, репрезентируемые в значениях 82 % выделенных номинаций самцов животных в английском языке и 59 % анализируемых наименований в белорусском языке. Характеристики других типов представлены в значениях наименований самцов животных с разной степенью регулярности. Перцептивные признаки актуализируются в значениях 72 % английских и 56 % белорусских анализируемых номинаций. Физиологический признак характерен для семантики 77 % выделенных номинаций в английском языке и только 30 % анализируемых наименований в белорусском языке.

В отличие от наименований лиц мужского пола, наиболее существенными типами характеристик для *наименований лиц женского пола* в сопоставляемых языках являются перцептивные признаки, выявленные в значениях 73 % английских и 85 % белорусских наименований лиц, эксплицирующих в своих значениях сопряженные с признаком пола свойства. Вторыми по значимости для наименований лиц с семантическим признаком пола 'женский' являются признаки, репрезентирующие психологические и поведенческие характеристики женщин и актуализируемые в значениях 65 % исследуемых номинаций в английском языке и 61 % в белорусском языке. Признаки, связанные с физиологическими особенностями женского организма, эксплицируются в значениях номинаций лиц существенно реже и были выявлены только в 32 % анализируемых номинаций в английском языке и 24 % в белорусском языке.

В результате проведенного исследования было установлено, что представленность изучаемых характеристик в подсистеме **наименований самок животных** в сопоставляемых языках различна. В английском языке для данного класса номинаций ведущими характеристиками, сопряженными с семантическим признаком пола, являются психологические и поведенческие признаки (85 %). Перцептивные характеристики свойственны семантике 62 % выделенных номинаций особей женского пола, физиологические и утилитарные свойства актуализируются в значениях 54 % исследуемых номинаций. Для наименований самок животных в белорусском языке ведущим типом сопряженных с полом характеристик являются физиологические признаки, выявленные в значениях 57 % номинаций данной группы, а также утилитарные свойства, актуализируемые в значениях 48 % наименований животных женского пола. Психологические и поведенческие признаки свойственны 22 % наименований самок, перцептивные признаки профилируются в значениях 17 % лексических единиц указанной группы.

Таким образом, исследуемые конститuentы лексических парадигм по признаку пола характеризуются одинаковой широтой набора выделенных типов прагматических характеристик, в которых ведущими предстают психологические и поведенческие признаки. Процентное соотношение представленности разных типов прагматических характеристик в значениях наименований живых существ противоположных полов указывает на разную степень релевантности данных признаков для наименований лиц, самцов и самок животных, что, вероятно, свидетельствует о значимости этих типов признаков в общей системе знаний об особях противоположных полов в исследуемых языковых сообществах.

2.7. Типичные представители и прототипы в лексических парадигмах по признаку пола

Проведенное исследование показало, что члены исследуемых лексических парадигм в английском и белорусском языках характеризуются не только разными показателями деривационной продуктивности, частотности употребления, но и разным объемом реализуемых в их значениях признаков, сопряженных с семантическим признаком пола. В свете данных наблюдений, а также в силу того, что вышеописанные конститuentы фиксируют в своих значениях не только существенные или определяющие, но и факультативные признаки соответствующей категории (т.е. иные, сопряженные с признаком пола свойства), можно сделать вывод о том, что они являются центральными членами исследуемой категории [222, р. 130–131; 183, с. 142]. Представляется, что иные конститuentы анализируемых лексических парадигм, в значениях которых не было выявлено сопряженных с семантическим признаком пола характеристик, образуют ее периферию.

Согласно данным, полученным в результате проведенного исследования, центральными членами исследуемой категории в английском языке являются такие номинации лиц женского пола, как *girl* ‘девушка, девочка’, *mother* ‘мать’, *female* ‘женщина, девушка’, *queen* ‘королева’, *lady* ‘леди, госпожа’, и номинации лиц мужского пола *husband* ‘муж’, *king* ‘король’, *boy* ‘мальчик’, *father* ‘отец’, *male* ‘лицо мужского пола’. В белорусском языке наименования лиц, репрезентирующие в своих значениях широкий спектр сопряженных с полом свойств, – это слова *маці*, *баба*, *дзяўчына*, *кабета* и *бацька*, *юнак*, *муж*. Среди наименований самцов / самок животных наибольшее количество признаков, сопряженных с признаком пола, актуализируется в значениях номинаций *stallion* ‘жеребец’, *hen* ‘курица’ в английском языке и *бык*, *курыца* в белорусском языке.

На базе использованных методов исследования значений конstituентов лексических парадигм было установлено, что в значениях слов *man*, *woman* в английском языке и *мужчына*, *жанчына* в белорусском языке эксплицируется абсолютное большинство характеристик, выявленных в значениях других конstituентов изучаемых лексических парадигм. Очевидно, что выделенные наименования обладают не только гиперонимическим статусом по отношению ко всем иным номинациям лиц мужского / женского пола, но и являются прототипичными представителями данной категории. По мнению Э. Рош, прототипам отведена основополагающая роль в процессе категоризации [255, с. 38], так как отнесение определенной сущности к той или иной категории происходит в результате сравнения ее свойств с образом прототипа, которому свойственно максимально большое количество общих признаков со всеми остальными членами категории и минимальное количество общих признаков с членами других, смежных категорий [255, р. 37]. Лексические единицы *man*, *woman* в английском языке и *мужчына*, *жанчына* в белорусском формируют ядро изучаемой категории, репрезентируя в своих значениях все многообразие концептуального знания о типичных характеристиках оппозиции ‘мужское – женское’, «создают основу для обобщений в ряде ситуаций» и, таким образом, «облегчают распознавание, запоминание и усвоение членов категории» [106, с. 33].

В силу того, что данные единицы являются прототипами в универсальной семантической категории пола [94, с. 510–511; 95, с. 275; 260], встает вопрос об универсальности и культурной обусловленности выявленных в их значениях характеристик³⁶. С одной стороны, результаты проведенного исследования показали наличие широкого круга общих свойств как исследуемой семантической категории пола, так и ее прототипичных конstituентов. Тем не

³⁶ Согласно результатам исследования, проведенного А. Вежбицкой и К. Годдардом, слова *man* и *woman* и их эквиваленты в других языках могут рассматриваться как лексические и концептуальные универсалии. Несмотря на присущую этим наименованиям семантическую сложность, лингвисты считают, что данные единицы представляются одними из первых кандидатов на статус универсальных семантических молекул, из которых выстраивается представление о людях противоположных полов в разных языках мира [230, с. 54].

менее установление того, какие из выявленных общих признаков являются универсальными, а какие свойства репрезентируют представления, характерные только для европейской культуры, должно стать целью отдельного исследования³⁷.

Помимо необходимости выделения ядра и периферии как организующих элементов категории, Э. Рош отмечает и то, что восприятие объектов и их признаков происходит не изолированно, а во взаимодействии. Она указывает, что категориальные признаки представляют собой комплекс взаимосвязанных характеристик, обусловленных опытом восприятия этих признаков вместе и знанием того, что, например, такой признак, как 'наличие крыльев', чаще встречается с признаком 'наличие перьев', нежели с признаком 'наличие меха' [255, p. 29–30]. Материал проведенного исследования свидетельствует о том, что актуализация одной из сопряженных с семантическим признаком пола характеристик нередко влечет за собой одновременную экспликацию и иных свойственных представителям данной категории признаков. Например, сила + сексуальная активность: *Дзе Ярыла жыццё ўраджаю, а яшчэ дае мужчынскую сілу, распальвае страць у чалавечым целе*; храбрость + сила + сексуальная активность: *manhood – qualities traditionally associated with men, such as courage, strength, and sexual potency* 'мужественность – качества, которые традиционно ассоциируются с мужскими, такими как смелость, сила и сексуальная потенция'; или теплота + внешняя привлекательность: *womanly – possessing qualities, such as warmth, attractiveness* [CED] 'женственный – обладающий такими качествами, как тепло, привлекательность'; нежность + внешняя привлекательность: *жаночкасць – сукупнасць рыс і якасцей, якія ўласцівы жанчыне; няшчотнасць, ласкавасць, прывабнасць* [ТСБМ] и т.д. Таким образом, характеристики, сопряженные с семантическим признаком пола, зачастую репрезентируются в значениях исследуемых номинаций не как отдельные признаки, но как целый комплекс взаимосвязанных свойств, ассоциируемых с представителями разных полов и гендерных ролей.

Более того, изученный материал свидетельствует о том, что под влиянием контекстуальных факторов исследуемые наименования могут открывать доступ к очень широкому кругу знаний и представлений, сопряженных с исследуемой категорией. Например, если в высказывании *У яго была жаночая фігура* посредством деривата *жаночая* эксплицируются элементы знаний об особенностях внешнего строения женского тела, то в таких образных высказываниях, как *у вайны не жаночы твар* или *у смерці ёсць штосьці жаночае* [НК], автор апеллирует не к какому-то конкретному перцептивному, физиологическому или поведенческому признаку, но к целому ряду типичных женских свойств и характеристик, ассоциируемых

³⁷ Данный аспект представляется перспективным продолжением исследования в силу того, что в американском варианте английского языка присутствуют пришедшие из языков коренных жителей Америки единицы *female rain* 'женский дождь – легкий, слабый дождь' и *male rain* 'мужской дождь – сильный дождь' (в сказаниях и молитвах многих индейских племен Юго-Запада, Великих равнин и восточной лесной зоны) [266], в семантике которых актуализируются компоненты, репрезентирующие знания о типичных характеристиках маскулинности и феминности.

с данным наименованием. Так, в стихотворении «Жаночы клопат» (Ларыса Геніюш) лексическая единица *клопат* способствует экспликации целого ряда свойств, ассоциируемых со словом *жаночы* и приписываемых фемининной гендерной роли в исследуемом языковом сообществе:

Жаночы клопат

...

*Наша доля – кудзеля, лён,
нітку віць з недапрадзенай шпулі,
вартаваць адвечны агонь –
казкі, песні забытай бабулі.*

*Дом – адвечная доля жанчын,
а ў час, для народа грозны,
у нас мужчыны ўздымалі мячы
ў абароне краіны і гнёздаў.*

*У кволых пальцах мяча не ўтрымаць,
меч – для дужых мужчынскіх далоняў.
Нараджаць нам, не забіваць,
узгадаваўшым жыццё ў сваім лоне.*

....

*Нараджаць нам, не забіваць.
У нас мужчыны дубы, мы – лозы.
Усё ж гатовы мы львіцамі стаць,
калі нішчаць зямлю нам і гнёзды.*

Некоторые выявленные в исследуемом материале компоненты репрезентируют элементы концептуальной информации о весьма тонких ассоциациях с гендернообусловленными характеристиками, которые ложатся в основу сложных авторских образов и идентифицируются носителями языка в созданном контексте посредством широкого спектра фоновых знаний и ассоциаций:

...джунглі. Дыханне іх было, як подых жанчыны ля яго вуснаў [NK].

I was told once that a good vintage should be like a woman – full-bodied and generous [BNC]. ‘Однажды мне сказали, что **хорошее винтажное вино** должно быть **как женщина – полнотелое** (надпись на этикетке означает, что вино богатое, сложное, плотное, округлое, относительно крепкое) и **благородное** (эта надпись на этикетке означает, что это вино высшего качества, крепкое и хорошо выдержанное [267])’.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить, что сопряженные с семантическим признаком пола характеристики эксплицируются в значениях центральных членов исследуемой категории. Ядро исследуемой семантической категории формируют ее прототипичные конститuenty, репрезентирующие в своих значениях весь комплекс взаимосвязанных свойств и качеств, ассоциируемых с семантическим признаком пола в исследуемых языковых сообществах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системный подход к исследованию лексического состава языка привел ученых к пониманию того, что в основе организации семантической информации в лексиконе лежат разные типы структур, из всего многообразия которых лексическая парадигма является одной из наименее изученных. Определяемая Ч. Филлмором как «группа слов, имеющих один общий семантический признак и отличающихся друг от друга другими признаками, каждый из которых участвует в различении более чем одной пары слов» [191, с. 47], она представляет собой особый тип языковой парадигмы, наиболее ярким примером которой являются лексические парадигмы наименований живых существ, противопоставленных друг другу по признаку пола.

Естественная оппозиция живых существ по признаку пола и ее наследование в виде семантического противопоставления в подсистеме наименований живых существ типа англ.: *king – queen* ‘король – королева’, бел.: *мядзведзь – мядзведзіца* и др. предопределили выбор нами данной категории слов в качестве материала исследования. Обращение к этой чрезвычайно многочисленной подсистеме имен в английском и белорусском языках открывает широкие перспективы не только для изучения специфических свойств лексических парадигм, но и для рассмотрения не менее актуального вопроса о репрезентации имеющего место в природе противопоставления живых существ по признаку пола в лексических системах данных языков.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на естественную дифференциацию живых существ по половому признаку в природе, различия в языковой репрезентации признака пола в семантике ограниченного числа наименований живых существ в английском и белорусском языках приводят к существованию среди исследуемых наименований трех качественно и количественно различных групп: 1) наименований, семантике которых не присущ признак пола; 2) наименований, фиксирующих в своих значениях признак пола, но не имеющих соответствующих семантических противопоставлений; 3) наименований, образующих семантические противопоставления в лексических парадигмах по признаку пола.

Своеобразие языковой репрезентации признака пола в семантике лексических единиц и противостоящей ей полоиндифферентности, обуславливающее разное соотношение данных трех категорий наименований живых существ в исследуемых языках, предопределяется в первую очередь экстралингвистическими факторами. Подклассы наименований лиц, репрезентирующих важные реалии социокультурной жизни общества (например, термины родства, традиционные для данной лингвокультуры наименования

лиц по профессии и роду деятельности и др.), а также номинации млекопитающих и птиц, значимых в хозяйственно-бытовой деятельности человека, формируют лексические парадигмы с характерным для них противопоставлением по признаку пола. Иные наименования лиц (например, в английском языке наименования лиц по состоянию здоровья, по занятиям и интересам и др.), а также подклассы номинаций животных (наименования земноводных, паукообразных, ракообразных и др.), менее значимых для хозяйственно-бытовой жизни сопоставляемых языковых сообществ, относятся к полоиндифферентной лексике. Реестр лексических парадигм по признаку пола в белорусском языке расширяется за счет существенно большего количества семантических противопоставлений по признаку пола по сравнению с английским языком в таких подклассах, как наименования лиц по национальной и региональной принадлежности, по особенностям характера, поведения и поступков и др., а также за счет наличия исследуемых противопоставлений в таких лексико-семантических подклассах, как наименования лиц по вероисповеданию и мировоззрению, по состоянию здоровья, по занятиям и интересам, которым не свойственен семантический признак пола в английском языке.

Отсутствие семантических противопоставлений по признаку пола у ряда наименований живых существ, в семантике которых этот признак представлен, приводит к возникновению внутриязыковых лакун в лексических системах английского и белорусского языков. Лакунарные единицы образуют небольшую группу слов (8 % ЛЕ в английском языке и 3 % ЛЕ в белорусском языке), преимущественно представленных номинациями, в которых содержатся указания на качества характера, присущие лицам мужского или женского пола, а также номинациями, обозначающими лиц по профессии или роду деятельности, которыми по ряду социоисторических причин занимаются исключительно мужчины или только женщины. Внутриязыковые лакуны в исследуемых парадигмах английского и белорусского языков также выявлены в группе наименований живых существ по физиологическим особенностям представителей разных полов.

Определяющую роль в различии диапазона наименований живых существ, образующих лексические парадигмы по признаку пола в английском и в белорусском языках (7 % ЛЕ и 59 % ЛЕ соответственно от общего числа наименований живых существ в данных языках), играют, наряду с экстралингвистическими факторами, структурно-типологические особенности сопоставляемых языков. Несмотря на то, что словообразовательный способ является доминирующим в образовании лексических парадигм по признаку пола в анализируемых языках (75 % исследуемых парадигм в английском языке и 97,8 % анализируемых единиц в белорусском языке), словообразовательные средства, задействованные в формировании исследуемых парадигм, имеют разную степень продуктивности в данных языках.

В отличие от английского, в белорусском языке абсолютное большинство наименований живых существ образуют лексические парадигмы по признаку пола при помощи суффиксации (95,74 %). Другие словообразовательные средства в белорусском языке (нулевая аффиксация, словосложение) участвуют в формировании незначительного количества семантических противопоставлений по признаку пола (2,18 %). В современном английском языке, в отличие от белорусского, ведущим способом образования семантических противопоставлений по признаку пола является словосложение, с помощью которого образуется 42 % исследуемых лексических парадигм. Суффиксация как средство формирования лексических парадигм по признаку пола характерна для 33 % изучаемых семантических противопоставлений в английском языке.

Менее продуктивным в сопоставляемых языках по сравнению со словообразованием является лексический способ формирования семантических противопоставлений по признаку пола (25 % конstituентов лексических парадигм в английском языке и 2,2 % – в белорусском). Эти разнокоренные слова, как правило, восходят к древним корням и преимущественно представлены терминами родства и названиями домашних животных.

Высокая частотность употребления, деривационная продуктивность, а также количество сопряженных с семантическим признаком пола прагматических свойств, профилируемых в значениях конstituентов лексических парадигм по признаку пола, свидетельствуют о занимаемом ими положении относительно ядра и периферии исследуемой семантической категории. Члены лексических парадигм, образующие семантические противопоставления по признаку пола на базе лексического способа, представляют собой центральные единицы категории наименований живых существ и относятся к основному словарному фонду исследуемых языков. Ядерными элементами в лексических парадигмах по признаку пола являются единицы *man / woman* в английском языке, *мужчына / жанчына* в белорусском языке, значениям которых свойственен широкий диапазон типичных характеристик членов анализируемой категории.

Следуя актуальным направлениям современных лингвистических исследований, в русле которых активно изучаются проблемы закрепляемых и контекстуально актуализируемых в значениях лексических единиц знаний об определенной области обозначаемой действительности, в данной работе мы провели комплексный анализ значений дериватов разных типов, фразеологизмов и контекстуальных употреблений конstituентов лексических парадигм по признаку пола в английском и белорусском языках. Полученные данные, а также результаты проведенного психолингвистического эксперимента с привлечением носителей сопоставляемых языков указывают, что в значениях конstituентов исследуемых лексических парадигм осуществляется актуализация целой системы прагматически идентифицируемых характеристик, сопряженных с семантическим признаком пола. Гамма свойств, актуализируемых в значениях лиц противоположных полов, коррелирует с прагматическими характеристиками номи-

наций животных, однако шире по своему набору, поскольку репрезентирует представления не только о естественном противопоставлении по признаку пола, но и о гендерной дифференциации лиц в исследуемых языковых сообществах. Избирательность определенных типов прагматических характеристик у номинаций лиц разной лексико-семантической отнесенности (например, наименований лиц по профессии и роду деятельности, по общественному положению и социальной принадлежности, по родству и т.д.) в английском и белорусском языках свидетельствует о разной степени значимости выявленных свойств для единиц этих подклассов.

Полученные данные подтверждают мысль о том, что конституентам лексических парадигм наименований живых существ в белорусском и английском языках присущ широкий спектр общих прагматических характеристик, сопряженных с семантическим признаком пола. Типы выделенных признаков в сопоставляемых языках идентичны и репрезентируют элементы знаний о перцептивных, физиологических, утилитарных, поведенческих и психологических характеристиках обозначаемых существ. Специфические свойства, сопряженные с семантическим признаком пола в английском и белорусском языках, представлены единичными признаками из группы психологических и поведенческих свойств. Выявленные признаки в спектре прагматических характеристик наименований живых существ в английском и белорусском языках обусловлены не только знаниями о свойствах, объективно присущих представителям мужского и женского пола, но и социально детерминируемыми представлениями об отличительных чертах представителей разных полов.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало, что наряду с семантическим признаком пола в значениях наименований живых существ под влиянием соответствующих контекстуальных условий осуществляется репрезентация в языке знаний об определенных свойствах и характеристиках обозначаемых живых существ. Ось 'мужское – женское' обуславливает контрастный характер выявленных признаков, которые репрезентируют элементы знаний о широком спектре преимущественно стереотипных свойств, приписываемых представителям разных полов и гендерных ролей в исследуемых языковых сообществах. Установление того, какие из выявленных признаков репрезентируют общеевропейские представления об исследуемой категории, а какие свойства репрезентируют кванты универсального для всех людей знания о противопоставлении по признаку пола, должно стать целью дальнейшего исследования вопросов взаимодействия языка, мышления и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев, М. А.* Грамматический род как лингвистическая категория (на материале разносистемных языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Абдуллаев ; Нац. ун-т Узбекистана. – Ташкент, 2007. – 22 с.
2. *Абреимова, Г. Н.* Семантическая структура наименований лиц женского пола в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. Н. Абреимова. – Елец, 1998. – 207 л.
3. *Адолина, Л. В.* Концепт «женщина» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Адолина ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2007. – 23 с.
4. *Алпатов, В. М.* О мужском и женском вариантах японского языка / В. М. Алпатов, Т. Б. Крючкова // *Вопр. языкознания.* – 1980. – № 3. – С. 58–68.
5. *Альварес Солер, А. А.* Концепт «женщина» в оценочной системе испанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А. А. Альварес Солер ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2013. – 24 с.
6. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
7. *Аракин, В. Д.* Типология языков и проблема методического прогнозирования : учеб. пособие / В. Д. Аракин. – М. : Высш. шк., 1989. – 158 с.
8. *Аржановская, А. В.* Фрейм «растяжимость» в русской и английской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. В. Аржановская. – Волгоград, 2015. – 197 л.
9. *Арнольд, И. В.* Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1991. – 140 с.
10. *Арустамян, Ж. Р.* Имплицитность как интеракциональная категория и механизмы ее реализации во французском языке (на материале малого фольклорного жанра анекдота) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ж. Р. Арустамян. – Пятигорск, 2011. – 153 л.
11. *Арутюнова, Н. Д.* Прагматика / Н. Д. Арутюнова // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 389–390.
12. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
13. *Бабичева, А. С.* Фрейм «свадьба» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. С. Бабичева. – Волгоград, 2007. – 191 л.
14. *Бартминский, Е.* Когнитивное определение, профилирование понятий и субъектная интерпретация мира / Е. Бартминский, С. Небжеговска // *Когнитивная лингвистика конца XX века : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 7–9 окт. 1997 г. : в 3 ч.* / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1997. – Ч. 1. – С. 4–7.

15. *Бартминьский, Е.* Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) / Е. Бартминьский // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. ст. / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; сост. и отв. ред. Л. Л. Фёдорова. – М., 2009. – С. 11–21.

16. *Бартминьский, Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с пол. / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.

17. *Белозерова, М. С.* Семантические и функциональные особенности глагольных лексем, репрезентирующих фрейм «намеренное создание объектов действительности» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. С. Белозерова. – Белгород, 2008. – 183 л.

18. *Беляева, А. Ю.* Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10 / А. Ю. Беляева. – Саратов, 2002. – 177 л.

19. *Бессонова, О. Л.* Гендерные концепты и ценностная картина мира в английском и украинском языках / О. Л. Бессонова // Форма, значение и функции единиц языка и речи : материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 2002 г. : в 3 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2002. – Ч. 3. – С. 104–105.

20. *Блох, М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка : учебник / М. Я. Блох. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., 1994. – 381 с.

21. *Бодуэн де Куртенэ, И. А.* Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.

22. *Бозташ, А.* Концепт «мужчина» и его выражение в картине мира разноструктурных языков (на материале русского, турецкого и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Бозташ ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2012. – 26 с.

23. *Бондарко, А. В.* К интерпретации одушевленности – неодушевленности, разрядов пола и категории рода (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Славянское и балканское языкознание: проблемы морфологии современных славянских и балканских языков : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; сост. Е. И. Демина. – М., 1976. – С. 25–39.

24. *Брагина, А. А.* Наблюдения над категорией рода в русском языке / А. А. Брагина // Вопр. языкознания. – 1981. – № 5. – С. 68–78.

25. *Будникова, Е. И.* К методике определения значимости семантических компонентов лексического значения (на материале наименований животных английского языка) / Е. И. Будникова // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 5. – С. 54–62.

26. *Будникова, Е. И.* Лексикографические и корпусные данные как источники сведений о структуре лексического значения (на материале английских зоонимов и фитонимов) / Е. И. Будникова // Изв. Смол. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 219–230.

27. *Быкова, Г. В.* Внутриязыковая лакунарность в лексической системе русского языка / Г. В. Быкова. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 1998. – 220 с.

28. *Быкова, Г. В.* Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. – Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – 276 с.

29. *Валько, О. В.* Фрейм деструктивного действия и особенности его актуализации: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / О. В. Валько ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2005. – 24 с.

30. *Василевич, А. П.* Исследование лексики в психолингвистическом аспекте: на материале цветообозначения в языках разных систем / А. П. Василевич ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1987. – 138 с.

31. *Васильев, Л. М.* Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 175 с.

32. *Васильева, Л. И.* Суффиксальное словообразование наименований лиц по профессии в русском и украинском языках : дис. ... канд. филол. наук : 660 / Л. И. Васильева. – М., 1971. – 231 л.

33. *Васькова, О. А.* Гендер как предмет лексикографического описания : на материале фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. А. Васькова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2006. – 21 с.

34. *Вейлерт, А. А.* О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица / А. А. Вейлерт // *Вопр. языкознания.* – 1976. – № 5. – С. 138–143.

35. *Великородных, О. В.* Специфика вербализации концепта «femme» («женщина») в художественной картине мира Ф. Саган в динамико-возрастной перспективе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / О. В. Великородных. – Воронеж, 2007. – 225 л.

36. *Верамяюк, Г. А.* Асабовыя жаночыя намінацыі паводле прафесійнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах / Г. А. Верамяюк // *Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовы і літ.* – Мінск, 2015. – Вып. 75. – С. 116–125.

37. *Вердиева, З. Н.* Семантические поля в современном английском языке : учеб. пособие / З. Н. Вердиева. – М. : Высш. шк., 1986. – 120 с.

38. *Верещагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.

39. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 509 с.

40. *Вилинбахова, Е. Л.* Модели репрезентации стереотипов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Л. Вилинбахова. – СПб., 2011. – 209 л.

41. *Виноградов, В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // *Избр. труды. Лексикология и лексикография* / В. В. Виноградов. – М., 1977. – С. 140–162.

42. *Виноградов, В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.

43. *Винокур, Г. О.* Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М., 1959. – С. 419–442.

44. *Вишнякова, Ю. В.* Лингвокультурологическое описание гендера в лексикографии : на материале анализа мифологических персонажей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Вишнякова ; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2006. – 23 с.

45. *Гаврилова, О. Ю.* Корреляция семантических и мотивировочных признаков лексических единиц как способов репрезентации знаний (на материале наименований животных в современном английском языке) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Ю. Гаврилова. – Минск, 2008. – 143 л.

46. *Гак, В. Г.* К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 73–92.

47. *Гак, В. Г.* К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1971 : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. С. К. Шаумян. – М., 1972. – С. 367–395.

48. *Гак, В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков : учеб. пособие / В. Г. Гак. – Л. : Просвещение, 1977. – 300 с.

49. *Гак, В. Г.* Транспозиция / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 519–520.

50. *Гинзбург, Е. Л.* Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы) / Е. Л. Гинзбург, Г. Е. Крейдлин // Науч.-техн. информ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. – 1982. – № 2. – С. 24–31.

51. *Глазанова, Е. В.* О надежности психолингвистических методов / Е. В. Глазанова // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2004. – Вып. 5 : Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма. – С. 45–53.

52. *Глухов, В. П.* Основы психолингвистики : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. – 4-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 351 с.

53. *Горошко, Е. И.* Особенности мужского и женского стиля письма / Е. И. Горошко // сб. науч. тр. / Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1999. – Вып. 446 : Гендерный фактор в языке и коммуникации. – С. 28–41.

54. *Горошко, Е. И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. И. Горошко. – М., 2001. – 553 л.

55. *Гринберг, Дж.* Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике : сб. ст. – М., 1970. – Вып. 5 : Языковые универсалии. – С. 31–44.

56. *Гришкова, В. И.* Гендерные исследования синонимии / В. И. Гришкова. – Курск : Курск. гос. техн. ун-т, 2008. – 113 с.

57. *Гулыга, Е. В.* О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 291–314.

58. *Демидова, Г. И.* О словообразовании имен существительных женского рода с суффиксом -к(а) в древнерусском языке (по памятникам письменности XI–XVII вв.) / Г. И. Демидова // Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1969. – Вып. 324 : Труды по русскому языку. – С. 186–201.

59. *Демичева, В. В.* Наименования лиц женского пола в русском литературном языке XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. В. Демичева ; Воронеж. гос. ун-т им. Лен. комсомола. – Воронеж, 1995. – 24 с.

60. *Дмитриева, М. Н.* Гендерные исследования в сравнительном языкознании: оценочная лексика как фрагмент языковой картины мира / М. Н. Дмитриева // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики : материалы междунар. науч. конф., Минск, 2–4 нояб. 2000 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т, Белорус. ин-т проблем культуры ; науч. ред. И. И. Токарева. – Минск, 2001. – С. 111–117.

61. *Долешаль, У.* О взаимосвязи грамматической категории рода и пола / У. Долешаль // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и феминности : сборник / под ред. Ю. А. Сорокина, А. М. Холода. – Кривой Рог, 1997. – С. 143–157.

62. *Дунь, Н. Л.* Интралингвальные лакуны в лексической системе русского языка / Н. Л. Дунь // Вісн. Сум. держ. ун-ту. Сер. Філологія. – 2007. – Т. 1, № 1. – С. 135–141.

63. *Еременко, О. И.* Наименования лиц женского пола в русском литературном языке XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. И. Еременко ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1998. – 21 с.

64. *Еремин, А. Н.* Гендерные аспекты семантики языковых единиц современного русского языка: лингвистические, социологические и психологические наблюдения / А. Н. Еремин. – Калуга : Калуж. гос. пед. ун-т, 2006. – 101 с.

65. *Ермолаева, М. В.* Гендерный аспект русской фразеологии (на материале процессуальных фразеологизмов семантического объединения «социальный статус лица») / М. В. Ермолаева. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2011. – 304 с.

66. *Ефремов, В. А.* Гендерные стереотипы как элемент концептуализации / В. А. Ефремов // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 149–158.

67. *Ефремов, В. А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. А. Ефремов ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2010. – 40 с.

68. Жельвис, В. И. Инвектива: мужское и женское предпочтение / В. И. Жельвис // Этнические стереотипы мужского и женского поведения : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии ; отв. ред.: А. К. Байбурин, И. С. Кон. – СПб., 1991. – С. 266–283.

69. Жельвис, В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун / В. И. Жельвис // Национально-культурная специфика речевого поведения / А. А. Леонтьев [и др.] ; редкол.: А. А. Леонтьев [и др.]. – М., 1977. – С. 136–146.

70. Жельвис, В. И. Опыт систематизации англо-русских лакун / В. И. Жельвис, И. Ю. Марковина // Исследование проблем речевого общения : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: Е. Ф. Тарасов [и др.]. – М., 1979. – С. 194–206.

71. Закирова, Ю. А. Лингвокультурологические особенности гендерного аспекта в языковой картине мира паремий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. А. Закирова; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2012. – 22 с.

72. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

73. Зализняк, А. А. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке / А. А. Зализняк // Вопр. языкознания. – 1964. – № 4. – С. 25–40.

74. Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1967. – 370 с.

75. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур [и др.] ; отв. ред.: Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – М., 1993. – С. 90–136.

76. Зыкова, И. В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Зыкова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2002. – 27 с.

77. Кавинкина, И. Н. Гендерный дисплей в концептах «девочка», «мальчик» / И. Н. Кавинкина // Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле гісторыі і сучаснасці : зб. навук. пр. / Гродзен. дзярж. ун-т ; пад рэд. С. Мусіенка. – Гродна, 2003. – С. 275–280.

78. Кавинкина, И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка / И. Н. Кавинкина. – Гродно, ГрГУ. – 2006. – Режим доступа : http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender/1-3-3-assotsiativnyj-eksperiment.htm. – Дата доступа : 05.11.2015.

79. Кавинкина, И. Н. Семантическое наполнение концепта «мужчина» с позиций гендера / И. Н. Кавинкина // Женщина. Образование. Демократия : материалы 4-й междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 дек. 2001 г. / Жен. ин-т «ЭНВИЛА», Междунар. жен. обществ. об-ние «Глобальное партнерство» ; ред.-сост. Г. И. Шатон. – Минск, 2002. – С. 93–95.

80. *Калугина, Е. Н.* Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Калугина ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 24 с.

81. *Капусткина, О. Ю.* Бинарный фрейм «межличностные отношения» в русской и английской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. Ю. Капусткина. – Волгоград, 2012. – 205 л.

82. *Катц, Дж.* Семантическая теория / Дж. Катц // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика. – С. 33–49.

83. *Кацнельсон, С. Д.* Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

84. *Кильмухаметова, Е. Ю.* Основные понятия теории релевантности / Е. Ю. Кильмухаметова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2006. – № 291. – С. 170–172.

85. *Кирилина, А. В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А. В. Кирилина. – М. : Росспэн, 2004. – 250 с.

86. *Кирилина, А. В.* Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А. В. Кирилина // Гендер и язык: антология : перевод / Моск. гос. лингвист. ун-т ; науч. ред., авт. вступ. ст. и сост. А. В. Кирилина. – М., 2005. – С. 7–32.

87. *Китайгородская, М. В.* Вариативность в выражении рода существительных при обозначении женщин по профессии / М. В. Китайгородская // Социально-лингвистические исследования / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. – М., 1976. – С. 144–155.

88. *Клименко, А.* Гендерные различия в ассоциировании / А. Клименко, Е. Коршук // Женщина. Образование. Демократия : материалы 2-й междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 дек. 1999 г. / Жен. негос. ин-т «ЭНВИЛА» [и др.] ; под общ. ред. Г. И. Шатон, И. Р. Чикаловой. – Минск, 2000. – С. 99–102.

89. *Клименко, А. П.* Психолингвистические методы исследования значений / А. П. Клименко // Методы изучения лексики / Л. М. Шакурн [и др.] ; под ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1975. – С. 52–56.

90. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

91. *Колесникова, М. С.* Лексикографические проблемы новых лингвистических исследований : гендерный аспект / М. С. Колесникова // Филологические науки. – 2003. – № 5. – С. 106–114.

92. *Конюшкевич, М. И.* Концепты «мужчина» и «женщина» в русском фольклоре / М. И. Конюшкевич // Гендер и проблемы коммуникативного поведения : сб. материалов первой междунар. науч. конф., Новополоцк, 28–29 нояб. 2002 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Гугнин [и др.]. – Новополоцк, 2002. – С. 13–15.

93. *Крапицкая, Н. А.* Субстантивные атрибутивные словосочетания современного английского языка в коммуникативно-функциональном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. А. Крапицкая ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2000. – 19 с.

94. *Кронгауз, М. А.* Sexus, или Проблема пола в русском языке / М. А. Кронгауз // Русистика. Славистика. Индоевропеистика : сб. к 60-летию А. А. Зализняка / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Т. М. Николаева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1996. – С. 510–525.

95. *Кронгауз, М. А.* Семантика : учебник / М. А. Кронгауз. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 398 с.

96. *Крот, Л. Г.* Гендерная маркированность наименований лиц в современном английском языке / Л. Г. Крот // Языковые категории: границы и свойства: материалы докл. междунар. науч. конф., Минск, 22–23 марта 2004 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; отв. ред. Т. В. Поплавская. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 153–156.

97. *Крот, Л. Г.* Гендерная отнесенность агентивных лексем : (на материале наименований лиц современного английского языка) / Л. Г. Крот // Дни науки МГЛУ : материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 14–15 апр. 2004 г. : в 4 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2005. – Ч. 3. – С. 74–77.

98. *Крючкова, Т. Б.* Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной / Т. Б. Крючкова // Проблемы психолингвистики : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Ю. А. Сорокин, А. М. Шахнарович. – М., 1975. – С. 186–200.

99. *Кубрякова, Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопр. языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.

100. *Кубрякова, Е. С.* О новых путях исследования значения (теория айсберга) / Е. С. Кубрякова // Проблемы семантического описания единиц языка и речи : материалы докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию МГЛУ, Минск, 10–12 нояб. 1998 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1998. – Ч. I. – С. 38–39.

101. *Кубрякова, Е. С.* О понятии парадигмы и областях его применения / Е. С. Кубрякова, П. А. Соболева // Седьмая научная конференция по вопросам германского языкознания : тез. докл. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М., 1977. – С. 51–54.

102. *Кубрякова, Е. С.* Парадигма / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 366–367.

103. *Кузнецов, А. М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1986. – 123 с.

104. *Кузнецова, Э. В.* Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов / Э. В. Кузнецова // Вопросы металингвистики : сб. ст. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. Л. Н. Засорина. – Л., 1973. – С. 84–95.

105. *Кыртепе, А. М.* Макроединицы словообразования как формы языковой объективации концепта (на материале словообразовательных гнезд и словообразовательной категории со значением женскости в русском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. М. Кыртепе ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 23 с.

106. *Лакофф, Дж.* Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 12–51.

107. *Левицкий, В. В.* Семасиология / В. В. Левицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – Винница : Нова Кн., 2012. – 675 с.

108. *Левицкий, В. В.* Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова / В. В. Левицкий // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. А. А. Леонтьев. – М., 1971. – С. 151–168.

109. *Левицкий, В. В.* Экспериментальные методы в семасиологии / В. В. Левицкий, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 192 с.

110. *Левковская, К. А.* Лексикология немецкого языка : пособие / К. А. Левковская. – М. : Учпедгиз, 1956. – 247 с.

111. *Леонтьев, А. А.* Основы психолингвистики : учебник / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 285 с.

112. *Лукашанец, А. А.* Аб сістэматызуючай ролі катэгорыі роду ў словаўтварэнні / А. А. Лукашанец // Гендер и проблемы коммуникативного поведения : сб. материалов первой междунар. науч. конф., Новополоцк, 28–29 нояб. 2002 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Гугнин [и др.]. – Новополоцк, 2002. – С. 15–17.

113. *Лурия, А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 320 с.

114. *Лю, Б.* Концепт «женщина» в русской языковой картине мира на фоне китайской : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Б. Лю ; Дальневосточ. федеральный ун-т. – Владивосток, 2010 – 26 с.

115. *Мазанова, М. А.* Семантический аспект ксеногенетики в художественном тексте: на материале французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / М. А. Мазанова ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2011. – 18 с.

116. *Макарова, Л. И.* Взаимодействие лексико-семантических групп как выражение системной организации словаря (на материале английского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. И. Макарова. – Минск, 1975. – 192 л.

117. *Макарова, О. В.* Лингвокогнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Макарова. – Барнаул, 2007. – 212 л.

118. *Марковина, И. Ю.* Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: методологические и методические аспекты / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин // Лексические единицы и организация структуры литературного текста : сб. ст. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: В. П. Вомперский (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1983. – С. 35–52.

119. *Мартысюк, Н. П.* Стратегии поведения как отражение гендерных социальных ролей (в ситуации конфликта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. П. Мартысюк ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2001. – 22 с.

120. *Маслова, В. А.* Ассоциативный портрет женщины разного возраста, обусловленный гендерной ролью / В. А. Маслова // *Женщина. Образование. Демократия : материалы 4-й междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 дек. 2001 г. / Жен. ин-т «ЭНВИЛА», Междунар. жен. обществ. об-ние «Глобальное партнерство» ; ред.-сост. Г. И. Шатон. – Минск, 2002. – С. 102–103.*

121. *Маслова, В. А.* Женщина в языковой картине мира русских, белорусов, поляков, англичан / В. А. Маслова, В. Н. Телия, В. И. Шаховский // *Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства : матэрыялы II міжнар. навук. канф., Віцебск, 5–6 лют. 1993 г. / Віцеб. пед. ін-т. – Віцебск, 1993. – С. 131–134.*

122. *Маслова, В. А.* К вопросу о мужском и женском языках и вербальном поведении мужчины и женщины / В. А. Маслова // *Женщина. Образование. Демократия : материалы 2-й междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 дек. 1999 г. / Жен. негос. ин-т «ЭНВИЛА» [и др.] ; под общ. ред. Г. И. Шатон, И. Р. Чикаловой. – Минск, 2000. – С. 102–104.*

123. *Материнская, Е. В.* Партонимы в лексической системе языка / Е. В. Материнская // *Studia Germanica et Romanica: Инозем. мови. Зарубеж. літ. Методика викладання. – 2008. – Т. 5, № 2. – С. 71–80.*

124. *Махмутова, А. Н.* Женщина сквозь призму оценочной номинации в русском и английском языках / А. Н. Махмутова. – Казань : Казан. ун-т, 2013. – 226 с.

125. *Махмутова, А. Н.* Оценочные существительные со значением лица женского пола в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Н. Махмутова ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 23 с.

126. *Мелихова, Е. В.* Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Мелихова ; Кубан. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2008. – 29 с.

127. *Мельчук, И. А.* Курс общей морфологии = Cours de morphologie générale : [в 5 т.] : пер. с фр. / И. А. Мельчук ; вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М. : Яз. слав. культуры (А. Кошелев) ; Вена : Wiener Slawistischer Almanach (Т. Reuther), 1997–2006. – Т. 1 : Введение. Ч. 1 : Слово / пер. Н. Н. Перцовой, Е. Н. Саввиной ; общ. ред. Н. В. Перцова. – 1997. – XI, 401 с.

128. *Моррис, Ч.* Основания теории знаков / Ч. Моррис // *Семиотика: семиотика языка и литературы : сб. ст. : пер. с англ., фр. и исп. / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова ; коммент. Ю. С. Степанова, Т. В. Булыгиной. – М., 1983. – С. 37–89.*

129. *Муравьев, В. Л.* Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков) / В. Л. Муравьев. – Владимир : Владим. пед. ин-т, 1975. – 96 с.

130. *Мухутдинова, Ф. Б.* Концепт «женщина» во французском языковом сознании (на материале афористики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ф. Б. Мухутдинова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2006. – 24 с.

131. *Неупокоева, А. В.* Наименования лиц в типе текста «объявление о приеме на работу» в гендерном аспекте : на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Неупокоева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 20 с.

132. *Никитин, М. В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2007. – 819 с.

133. *Никитин, М. В.* Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учеб. пособие / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 127 с.

134. *Никитин, М. В.* О таксономии языковых единиц / М. В. Никитин // Проблемы общей и романо-германской семасиологии / Владим. гос. пед. ин-т. – Владимир, 1973. – С. 3–92.

135. *Огурцова, О. А.* К проблеме лакуарности / О. А. Огурцова // Функциональные особенности лингвистических единиц : сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Юрин (отв. ред.) [и др.]. – Краснодар, 1979. – С. 77–83.

136. *Олейник, М. И.* О метаязыке описания предметных имен / М. И. Олейник // Теория коммуникации. Языковые значения : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2004. – Вып. 3. – С. 112–120.

137. *Олейник, М. И.* Семантика предметных имен (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. И. Олейник. – Минск, 2001. – 126 л.

138. *Олейник, С. Е.* Гендерная стратификация наименований животных / С. Е. Олейник // Язык – когниция – коммуникация : тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 3–6 нояб. 2010 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол. : З. А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 152–153.

139. *Панин, В. В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / В. В. Панин ; Тюм. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 19 с.

140. *Патнэм, Х.* Значение «значения» / Х. Патнэм // Философия сознания / Х. Патнэм ; пер. с англ. Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой, А. Л. Никифорова ; предисл. Л. Б. Макеевой. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235.

141. *Паўленка, М. А.* Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове / М. А. Паўленка. – Мінск : выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1978. – 136 с.

142. *Першай, А. Ю.* Репрезентация гендерных отношений во фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Ю. Першай ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 21 с.

143. *Петренко, В. Ф.* Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб. [и др.] : Питер : Питер принт, 2005. – 479 с.

144. *Петров, А. П.* Изучение синонимичных отношений на материале одновременных переводов одного и того же произведения (диахронический аспект) / А. П. Петров // Системность внутриязыковых и межъязыковых отношений / В. А. Дорошенко [и др.] ; науч. ред.: Н. А. Маслова, Э. М. Солодухо. – Казань, 1985. – С. 61–70.

145. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 510 с.
146. *Пильгун, М. А.* Средства выражения морфологического рода имен существительных в истории русского языка: деривационный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. А. Пильгун; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – 33 с.
147. *Плунгян, В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. – 669 с.
148. *Попкова, Е. М.* Категория рода в современном английском языке: лингвистический и социокультурный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. М. Попкова ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2005. – 17 с.
149. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток – Запад ; Тверь : АСТ, 2007. – 314 с.
150. *Попова, З. Д.* Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с.
151. *Попова, З. Д.* Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 4-е изд., стер. – М. ; Берлин : Direct-Media, 2015. – 101 с.
152. *Потебня, А. А.* Из записок по русской грамматике : в 2 т. / А. А. Потебня. – Воронеж : Тип. Н. Д. Гольдштейн, 1874. – Т. 2.
153. *Потебня, А. А.* Слово и миф / А. А. Потебня ; сост., подгот. текста и примеч. А. Л. Топоркова ; предисл. А. К. Байбурина. – М. : Правда, 1989. – 622 с.
154. *Протченко, И. Ф.* О родовой соотносительности названий лиц: из наблюдений над лексикой в современную эпоху / И. Ф. Протченко // Развитие грамматики и лексики современного русского языка : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. И. П. Мучника, М. В. Панова. – М., 1964. – С. 106–138.
155. *Протченко, И. Ф.* Образование и употребление существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке / И. Ф. Протченко // Учен. зап. / Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1960. – Вып. 158 : Статьи и исследования по русскому языку. – С. 41–138.
156. *Протченко, И. Ф.* Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц пола / И. Ф. Протченко // Вопросы культуры речи : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 1961. – Вып. 3. – С. 116–126.
157. *Пяршай, А. Ю.* Беларуская фразеалагізмы гендэрнай тэматыкі з адмоўнай канатацыяй / А. Ю. Пяршай // Язык и социум : материалы IV Междунар. науч. конф., Минск, 1–2 дек. 2000 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л. Н. Чумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2001. – Ч. 1. – С. 122–124.
158. *Разумова, О. П.* Градуальность признака и оценка в образных сравнениях (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. П. Разумова ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 1997. – 23 с.

159. *Растье, Ф.* Интерпретирующая семантика / Ф. Растье ; пер. с фр., примеч. А. Е. Бочкарева. – Н. Новгород : ДЕКОМ, 2001. – 367 с.

160. *Рубанова, Е. В.* Зоометафора в слэнге / Е. В. Рубанова. – Могилёв : Могилёв. гос. ун-т, 2009. – 151 с.

161. *Рубанова, Е. В.* Метафора в социальных подсистемах английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Рубанова ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2006. – 20 с.

162. *Рыжук, Н. С.* Коррелятивные отношения части и целого: семантический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. С. Рыжук. – Ставрополь, 2008. – 193 л.

163. *Рябова, Т. В.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы / Т. В. Рябова // Женщина в рос. о-ве. – 2001. – № 3/4. – С. 3–12.

164. *Сафронова, И.* Я должна, но должна ли я? Нормативные высказывания в женской речи / И. Сафронова // Беларус. думка. – 2003. – № 6. – С. 105–110.

165. *Серета, Л.* Морфологическая асимметрия в агентивных существительных-обозначениях лиц / Л. Серета // Женщина. Образование. Демократия : материалы 5-й междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 6–7 дек. 2002 г. / Жен. ин-т «Энвила» ; ред.-сост. Г. И. Шатон. – Минск, 2003. – С. 183–186.

166. *Серышева, Ю. В.* Психолингвистический эксперимент как метод исследования языковых явлений / Ю. В. Серышева, С. Е. Агаб // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 1688–1690.

167. *Сидоренко, М. Н.* Ядерные и периферийные семы значений слов в роли оснований метафорических переносов / М. Н. Сидоренко // Язык – когниция – социум : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2012 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: З. А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 120–121.

168. *Сидорская, И.* «Женская» и «мужская» стратегии вербального коммуникативного поведения / И. Сидорская // Иной взгляд. – 2000. – № 1. – С. 23–24.

169. *Смирницкий, А. И.* Лексикология английского языка : учеб. пособие / А. И. Смирницкий ; подгот. к печ. и отред. В. В. Пассек. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 364 с.

170. *Смольская, Л. И.* Категория рода существительных в белорусском и русском литературных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01 / Л. И. Смольская ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1989. – 21 с.

171. *Соболева, П. А.* Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии / П. А. Соболева // Вопр. языкознания. – 1959. – № 2. – С. 91–95.

172. *Солганик, Г. Я.* Очерки модального синтаксиса / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 132 с.

173. *Соссюр, Ф. де.* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
174. *Софронова, И. Н.* Женский портрет по данным социолингвистического эксперимента / И. Н. Софронова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2002. – № 10. – С. 129–139.
175. *Степанов, Ю. С.* Французская стилистика : учеб. пособие / Ю. С. Степанов. – М. : Высш. шк., 1965. – 355 с.
176. *Степанова, М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 375 с.
177. *Степанова, М. Д.* Теоретические основы словообразования в немецком языке : учеб. пособие / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М. : Высш. шк., 1984. – 264 с.
178. *Стернин, И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.
179. *Телия, В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и культурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 285 с.
180. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 261 с.
181. *Толстая, С. М.* Этнолингвистика Ежи Бартминьского / С. М. Толстая // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с пол. / Е. Бартминьский. – М., 2005. – С. 9–20.
182. *Тур, В. В.* Актуализация латентных признаков в семантике компонентов сочетаний «существительное + существительное» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Тур. – Минск, 2015. – 147 л.
183. *Углонова, И. А.* Когнитивная семантика : учеб. пособие / И. А. Углонова. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. – 154 с.
184. *Уилсон, Д.* Релевантность / Д. Уилсон, Д. Шпербер // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 212–257.
185. *Улуханов, И. С.* Грамматический род и словообразование / И. С. Улуханов // Вопр. языкознания. – 1988. – № 5. – С. 107–121.
186. *Улуханов, И. С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2005. – 311 с.
187. *Уфимцева, А. А.* Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; отв. ред. Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
188. *Уфимцева, А. А.* Семантический аспект языковых знаков / А. А. Уфимцева // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 31–46.

189. *Федорова, О. В.* Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента : учеб. пособие / О. В. Федорова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Спутник+, 2008. – 24 с.
190. *Федотова, О. В.* Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм «прикосновение» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Федотова. – Белгород, 2007. – 178 л.
191. *Филлмор, Ч. Дж.* Об организации семантической информации в словаре / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1983. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – С. 23–60.
192. *Филлмор, Ч. Дж.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.
193. *Фрумкина, Р. М.* Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
194. *Харитончик, З. А.* Адъективная словообразовательная парадигма / З. А. Харитончик // Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1980. – Вып. 164 : Вопросы словообразования и фразообразования в германских языках. – С. 112–118.
195. *Харитончик, З. А.* Логические основания семантических отношений / З. А. Харитончик, А. А. Шавель // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 1998. – № 3. – С. 3–9.
196. *Харитончик, З. А.* Роль словообразования в организации лексической системы языка / З. А. Харитончик // Функциональные аспекты словаутварэння : дакл. IX міжнар. навук. канф. каміс. па слав. словаўтварэнню пры Міжнар. кам. славістаў, Мінск, 9–14 кастр. 2006 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2006. – С. 257–263.
197. *Харитончик, З. А.* Семантика и прагматика языковых единиц в зеркале деривационных процессов / З. А. Харитончик // Slavische Wortbildung im Vergleich: theoretische und pragmatische Aspekte. – Berlin, 2014. – С. 17–33.
198. *Харитончик, З. А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. / З. А. Харитончик. – Минск, 2004. – С. 90–116.
199. *Цивьян, Т. В.* Оппозиция мужской / женский и ее классифицирующая роль в модели мира / Т. В. Цивьян // Этнические стереотипы мужского и женского поведения : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии ; отв. ред.: А. К. Байбурин, И. С. Кон. – СПб., 1991. – С. 77–91.
200. *Чибышева, О. А.* Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии : на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. А. Чибышева ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2005. – 24 с.

201. *Шавель, А. А.* Типы семантической организации лексических полей в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Шавель. – Минск, 1998. – 122 л.
202. *Шанская, Т. В.* Родовая принадлежность имен существительных в современном русском языке (нормативно-стилистическая характеристика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Шанская ; Моск. гос. ун-т. – М., 1964. – 22 с.
203. *Шахмайкин, А. М.* Проблема лингвистического статуса категории рода / А. М. Шахмайкин // Вопросы русского языкознания / Моск. ун-т. – М., 1996. – Вып. 6 : Актуальные проблемы современной русистики: диахрония и синхрония. – С. 226–273.
204. *Шкуропацкая, М. Г.* Деривационная системность лексики: на материале русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / М. Г. Шкуропацкая. – Кемерово, 2004. – 442 л.
205. *Шляхтина, Е. В.* Языковой аспект политкорректности в англо-язычной и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Шляхтина ; Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2009. – 23 с.
206. *Юревич, Е. К.* Категория грамматического рода имен существительных в белорусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Юревич ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т языкознания. – Минск, 1960. – 25 с.
207. *Янко-Триницкая, Н. А.* Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие словообразования современного русского языка : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. – М., 1966. – С. 153–167.
208. *Allan, K.* Natural language semantics / K. Allan. – Oxford ; Malden : Blackwell, 2001. – 529 p.
209. *Allan, K.* Pragmatics in the (English) lexicon / K. Allan // The Cambridge handbook of pragmatics / ed.: K. Allan, K. Jaszczolt. – Cambridge, 2012. – P. 227–250.
210. *Ayaß, R.* Kommunikation und Geschlecht. Eine Einführung / R. Ayaß. – Stuttgart : Kohlhammer, 2008. – 206 S. – (Kohlhammer-Urban-Taschenbücher ; Bd. 627).
211. *Baker, P.* «Eligible» bachelors and «frustrated» spinsters: corpus linguistics, gender and language / P. Baker // Gender and language research methodologies / ed.: K. Harrington [et al.]. – N. Y. [etc.], 2008. – P. 73–84.
212. *Baker, P.* Using corpora to analyze gender / P. Baker. – London ; N. Y. : Bloomsbury, 2014. – 224 p.
213. *Baron, D.* Grammar and gender / D. Baron. – New Haven : Yale Univ. Press, 1986. – 260 p.
214. *Beard, R.* The gender-animacy hypothesis / R. Beard // J. of Slavic Linguistics. – 1995. – Vol. 3, № 1. – P. 59–96.
215. *Bianchi, C.* The semantics / pragmatics distinction / C. Bianchi. – Stanford : CSLI Publ., 2004. – 204 p.

216. *Bierwisch, M.* How much space gets into language? / M. Bierwisch // Language and space / ed. : P. Bloom [et al.]. – Cambridge, 1996. – P. 31–76.

217. *Bolinger, D. L.* The atomization of meaning / D. L. Bolinger // Language. – 1965. – Vol. 41, № 4. – P. 555–573.

218. *Borg, E.* Semantics without pragmatics? / E. Borg // The Cambridge handbook of pragmatics / ed.: K. Allan, K. Jaszczolt. – Cambridge, 2012. – P. 513–528.

219. *Börjesson, K.* The semantics-pragmatics controversy / K. Börjesson. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. – 329 p.

220. *Croft, W.* Linguistic evidence and mental representation / W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1998. – Vol. 9, № 2. – P. 151–173.

221. *Cruse, D. A.* Lexical semantics / D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 310 p.

222. *Cruse, D. A.* Meaning in language : an introduction / D. A. Cruse. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2004. – 441 p.

223. *Crystal, D.* The Cambridge encyclopedia of the English language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 489 p.

224. *Evans, V.* How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction / V. Evans. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2009. – 377 p.

225. *Evans, V.* The nature of meaning / V. Evans, A. Tyler // The semantics of English prepositions: spatial scenes, embodied meaning, and cognition / V. Evans, A. Tyler. – Cambridge, 2007. – P. 1–22.

226. *Fillmore, Ch. J.* On the Organization of Semantic Information in the Lexicon / Ch. J. Fillmore // Papers from the Parasession on the Lexicon / ed. D. Frakas, et al. – Chicago, 1978. – P. 148–173.

227. *Fodor, I.* The origin of grammatical gender / I. Fodor // Lingua. – 1959. – Vol. 8. – P. 186–214.

228. *Geeraets, D.* Cognitive grammar and the history of lexical semantics / D. Geeraets // Topics in cognitive linguistics / ed. B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam, 1988. – P. 647–677.

229. Gender and language research methodologies / ed. : K. Harrington [et al.]. – N. Y. [etc.] : Palgrave Macmillan, 2008. – 352 p.

230. *Goddard, C.* Words and meanings: lexical semantics across domains, languages and cultures / C. Goddard, A. Wierzbicka. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. – 352 p.

231. *Grondelaers, S.* Constructional Near-synonymy, Individual Variation, and Grammaticality Judgments. Can Careful Design and Participant Ignorance Overcome the Ill Reputation of Questionnaires? / S. Grondelaers, D. Speelman [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access : http://www.ling.helsinki.fi/sky/tapahtumat/qitl/Abstracts/Grondelaers_et_al.pdf. – Date of access : 05.07.2010.

232. *Holmes, J.* What's a words like girl doing in a place like this? Occupational labels, sexist usages and corpus research / J. Holmes, R. Sigley

// New frontiers of corpus research : papers from the twenty first intern. conf. on English lang. research on computerized corpora, Sydney, 2000 / ed.: P. Peters, P. Collins, A. Smith. – Amsterdam ; N. Y., 2002. – P. 247–263.

233. *Jackendoff, R.* Foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution / R. Jackendoff. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. – 477 p.

234. *Kharitonchik, Z. A.* Lexical meaning as a dynamic entity of variant semantic components / Z. A. Kharitonchik // Probleme actuale de lingvistică, glotodidactică i știință literară / ed.: Z. Ludmila, V. Păcuraru. – Chișinău, 2009. – P. 113–121.

235. *Kieltyka, R.* The ups and downs of the Great Chain of Being: the case of canine zoosemy in the history of English / R. Kieltyka, G. A. Kleparski // SKASE J. of Theoretical Linguistics. – 2005. – Vol. 2, № 1. – P. 24–45.

236. *Kieltyka, R.* Zoosemic terms denoting female human beings: semantic derogation of women revisited / R. Kieltyka // Studia Anglica Posnaniensia. – 2005. – Vol. 41. – P. 167–186.

237. *Koller, V.* CEOs and working gals: the textual representation and cognitive conceptualisation of businesswomen in different discourse communities / V. Koller // Gender and language research methodologies / ed.: K. Harrington [et al.]. – N. Y. [etc.], 2008. – P. 211–226.

238. *Kotthoff, H.* Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien / H. Kotthoff // Der Deutschunterricht. – 1996. – № 1. – S. 9–15.

239. *Lakoff, G.* More than cool reason: a field guide to poetic metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1989. – 230 p.

240. *Lakoff, R.* Language and woman's place / R. Lakoff // Lang. a. Society. – 1973. – Vol. 2, № 1. – P. 45–79.

241. *Langacker, R. W.* Cognitive grammar: a basic introduction / R. W. Langacker. – N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. – 573 p.

242. *Langacker, R. W.* Foundations of cognitive grammar : in 2 vol. / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1987–1991. – Vol. 1 : Theoretical prerequisites. – 1987. – 516 p.

243. *Lopez Rodríguez, I.* Of women, bitches, chickens and vixens: animal metaphors for women in English and Spanish / I. Lopez Rodríguez // Culture, Lang. a. Representation. – 2009. – Vol. 7. – P. 77–100.

244. *Lucas, E. S.* The art of public speaking / E. S. Lucas. – 8th ed. – N. Y. : McGraw-Hill, 2004. – 560 p.

245. *Lyons, J.* Semantics / J. Lyons // New Horizons in Linguistics 2 / ed. : J. Lyons, R. Coates, M. Deuchar, G. Gazdar. – Penguin Books, 1987. – P. 152–178.

246. *Marchand, H.* On a question of contrary analysis with derivationally connected but morphologically uncharacterized words / H. Marchand // English Studies. – 1963. – Vol. 44, № 3. – P. 176–187.

247. *Marchand, H.* The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation / H. Marchand. – 2nd ed. – München : Verlag C. H. Beck, 1969. – 545 p.

248. *Mel'čuk, I. A.* Meaning-text models: a recent trend in soviet linguistics / I. A. Mel'čuk // Annu. Rev. of Anthropology. – 1981. – Vol. 10. – P. 27–62.

249. *Motschenbacher, H.* An interdisciplinary bibliography on language, gender, and sexuality (2000–2011) / H. Motschenbacher. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 2012. – 294 p.
250. *Precht, K.* Sex similarities and differences in stance in formal American conversation / K. Precht // *J. of Sociolinguistics*. – 2008. – Vol. 12, № 1. – P. 89–111.
251. *Pusch, L.* Das Deutsche als Männersprache / L. Pusch // *Linguistische Berichte*. – 1981. – Bd. 69. – S. 59–74.
252. *Putnam, H. W.* Is semantics possible? / H. W. Putnam // *Metaphilosophy*. – 1970. – Vol. 1, № 3. – P. 187–201.
253. *Putnam, H. W.* The meaning of «meaning» / H. W. Putnam // *Minnesota Studies in Philosophy of Science*. – 1975. – Vol. 7. – P. 131–193.
254. *Recanati, F.* Truth-conditional pragmatics / F. Recanati. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – 334 p.
255. *Rosch, E.* Principles of categorization / E. Rosch // *Cognition and categorization* / ed.: E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale ; N. Y., 1978. – P. 27–48.
256. *Rothstein, R. A.* Gender and reference in Polish and Russian / R. A. Rothstein // *Morphosyntax in Slavic* / ed.: C. V. Chvany, R. D. Brecht. – Columbus, 1980. – P. 79–97.
257. *Schmid, S.* Doing gender in Russian: structure and perspective / S. Schmid // *Gender across languages: the linguistic representation of women and men* / ed. : M. Hellinger, H. Bußmann. – Amsterdam [etc.], 2001. – Vol. 1. – P. 253–282.
258. *Schnurr, S.* Surviving in a man's world with a sense of humour: an analysis of women leaders' use of humour at work / S. Schnurr // *Leadership*. – 2008. – Vol. 4, № 3. – P. 299–319.
259. *Spender, D.* Man made language / D. Spender. – London ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1980. – 250 p.
260. *Sperber, D.* Relevance theory / D. Sperber, D. Wilson // *The Handbook of Pragmatics* / ed. : L. Horn, G. Ward. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2004. – P. 607–632.
261. *Swanepoel, P. H.* Linguistic motivation and its lexicographical application / P. H. Swanepoel // *South Afr. J. of Linguistics*. – 1992. – Vol. 10, № 2. – P. 49–60.
262. *Talmy, L.* Universals of semantics [Electronic resource] / L. Talmy // *Cambridge encyclopedia of the language sciences* / ed. P. Hogan. – Cambridge, 2008. – Mode of access : <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/Recent/universals.html>. – Date of access: 17.08.2015.
263. *Tannen, D.* You just don't understand. Women and men in conversation / D. Tannen. – N. Y. : W. Morrow, 1990. – 330 p.
264. *Trömel-Plötz, S.* Linguistik und Frauensprache / S. Trömel-Plötz // *Linguistische Berichte*. – 1978. – H. 57. – S. 49–68.
265. *Weiss, D.* Kurica ne ptica, (a) baba ne čelovek / D. Weiss // *Slavistische Linguistik*, 1987 : Ref. des XIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Tiibingen, 22–25 Sept. 1987 / Hrsg. J. Raecke. – München, 1988. – Bd. 230. – S. 413–443.

Словари

266. Американа [Electronic resource] : англо-рус. лингвострановед. слов. (к версии АБВУУ Lingvo x 3) / под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова. – М. : Полиграмма, 1996. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

267. Англо-русский толковый словарь «Вино» [Electronic resource] (к версии АБВУУ Lingvo x 3) : 940 ст. – Эконом. шк., 2005. – 1 electro-nic opt. disk (CD-ROM).

268. *Аўласевіч, М. А.* Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / М. А. Аўласевіч, Т. І. Якубовіч. – Магілёў : Магілёў. дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова, 2002. – Ч. 1. – Магілёў : Магілёў. дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова, 2002. – 242 с.

269. *Бардовіч, А. М.* Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы : навуч. дапаможнік для агульнаадукац. школ, ліцэяў, гімназій / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск : Бел. навука, 2000. – 413 с.

270. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : каля 7 000 фразеалагізмаў : Т. 2. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2008.

271. *Мажэйка, Н. С.* Частотны слоўнік беларускай мовы / Н. С. Маажэйка. – Мінск : Зоркі гор, 2006. – 657 с.

272. Новый англо-русский биологический словарь = New English-Russian biological dictionary : 72 000 терминов / О. И. Чибисова [и др.]. – М. : Руссо, 2003. – 913 с.

273. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary : ок. 25 000 лекс. единиц : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой / Ю. Д. Апресян [и др.]. – 6-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 3.

274. Русский семантический словарь : толковый слов., систематизир. по классам слов и значений : в 6 т. / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз., Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2000. – Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) : 39 000 слов и фразеол. выражений / авт.-сост.: А. С. Белоусова [и др.]. – 800 с.

275. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1996. – 783 с.

276. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984.

277. *Цітова, А. І.* Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы : 300 слоў / А. І. Цітова ; навук. рэд., аўт. прадм. А. Я. Супрун. – Мінск : выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1981. – 142 с.

278. Cambridge advanced learners dictionary (for АБВУУ Lingvo x3) [Electronic resource]. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

279. Collins COBUILD advanced learner's English dictionary / ed. J. Sinclair. – 5th ed. – Glasgow : HarperCollins Publ., 2006. – 1712 p.

280. Collins English dictionary (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 120 000 entries. – 8th ed. – Glasgow : HarperCollins Publ., 2006. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

281. *Glazunov, S. A.* The new dictionary of contemporary informal English (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 16 000 entries / S. A. Glazunov. – M. : Russkiy Yazyk – Media, 2003. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

282. *Kunin, A. V.* The comprehensive English-Russian phraseological dictionary (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 20 000 entries / A. V. Kunin. – M. : Russkiy Yazyk – Media, 2006. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

283. Longman communication 3 000 [Electronic resource] // Compleat Lexical Tutor. – Mode of access: http://www.lextutor.ca/freq/lists_download/longman_3_000_list.pdf. – Date of access: 14.03.2016.

284. Macmillan English dictionary for advanced learners (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource]. – Oxford : Macmillan Education Ltd., 2002. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

285. Merriam-Webster online dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: www.merriam-webster.com. – Date of access: 14.05.2016.

286. Oxford dictionary of English (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 355 000 entries. – Rev. ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

287. The Edinburgh Associative Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eat.rl.ac.uk>. – Date of access: 14.02.2016.

288. The Universal English-Russian Dictionary (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 100 000 entries / Compiled by ABBYY's lexicographers. ABBYY Software, 2008. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

Источники примеров контекстного употребления единиц

289. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bnkorporus.info>. – Дата доступа: 20.08.2016.

290. The British National Corpus [Electronic resource]. – BNC XML Ed. – Oxford : Oxford Univ. Computing Services on behalf of the BNC Consortium, 2007. – 2 electronic optical disks (CD-ROM).

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ЛЕ – лексическая единица

ЛСВ – лексико-семантический вариант

НЖС – наименования живых существ

НЛ – наименования лиц

БАРС – Новый большой англо-русский словарь [273]

НАРБС – Новый англо-русский биологический словарь [272]

СФБМ – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы [270]

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы [275]

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [276]

BNC – The British National Corpus [290]

CALD – Cambridge Advanced Learners Dictionary [278]

CED – Collins English Dictionary [280]

CERPD – The Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary [282]

COBUILD – Collins COBUILD Advanced Learner's English dictionary [279]

MEDFAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [284]

MWOD – Merriam-Webster Online Dictionary [285]

NDOCIE – The New Dictionary of Contemporary Informal English [281]

NK – Беларускі N-корпус [289]

ODOE – Oxford Dictionary of English [286]

UERD – The Universal English-Russian Dictionary [288]

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ	10
1.1. Материал исследования и методика его отбора	10
1.1.1. Наименования живых существ в английском и белорусском языках.....	10
1.1.2. Семантический признак пола в системе наименований живых существ в английском и белорусском языках.....	12
1.2. Наименования живых существ, семантике которых не присущ признак пола в английском и белорусском языках.....	16
1.3. Лакуны в лексических парадигмах наименований живых существ в английском и белорусском языках	18
1.3.1. Лакуны в лексических парадигмах наименований лиц	19
1.3.2. Лакуны в лексических парадигмах наименований животных	22
1.4. Лексические парадигмы по признаку пола в системе наименований живых существ в английском и белорусском языках.....	23
1.4.1. Способы образования лексических парадигм по признаку пола.....	25
1.4.2. Частотность употребления конstituентов лексических парадигм по признаку пола	33
1.4.3. Деривационная продуктивность конstituентов лексических парадигм по признаку пола	35
Глава 2. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТИТУЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ	37
2.1. Значение лексической единицы и его компоненты.....	37
2.2. Контекстуальный анализ значений конstituентов лексических парадигм по признаку пола и семантики их производных.....	44
2.3. Признаки значений конstituентов лексических парадигм по признаку пола.....	48

2.4. Типы признаков, сопряженных с семантическим признаком пола	54
2.4.1. Наименования лиц.....	55
2.4.2. Наименования животных.....	65
2.5. Психолингвистическое исследование специфики значений конstituентов лексических парадигм по признаку пола.....	71
2.6. Релевантность признаков, сопряженных с семантическим признаком пола, для конstituентов лексических парадигм	82
2.7. Типичные представители и прототипы в лексических парадигмах по признаку пола.....	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92
ЛИТЕРАТУРА	96
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	117

Научное издание

Турчинская Мария Викторовна

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ
В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА**

Ответственный за выпуск *М. В. Турчинская*

Редактор *Е. М. Бобровская*
Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*

Подписано в печать 18.10.2019. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 6,98. Уч.-изд. л. 7,67. Тираж 100 экз. Заказ 44.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.